

ГАУК КО МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «ТОМСКАЯ ПИСАНИЦА»

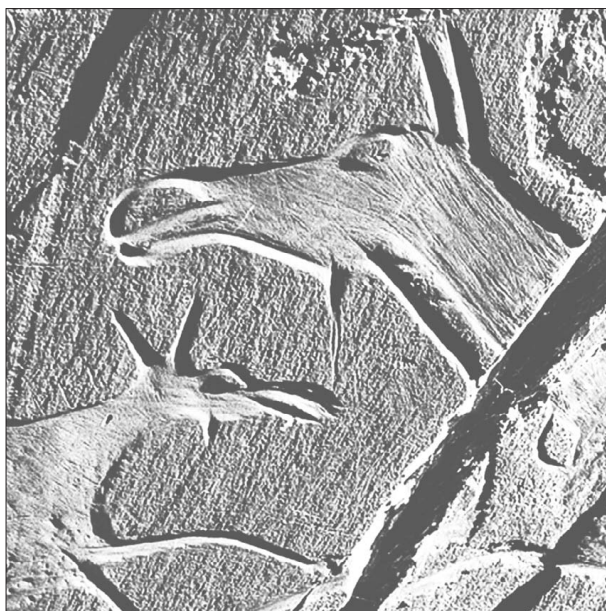

8/2018

Учёные записки музея-заповедника ТОМСКАЯ ПИСАНИЦА

ГАУК КО МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «ТОМСКАЯ ПИСАНИЦА»

Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница»

Выпуск 8

Кемерово
2018

ISSN 2411-7838

Научное издание
Учёные записки музея-заповедника
«Томская Писаница»

Журнал издаётся с 2015 г.,
выходит два раза в год

Учредитель

Государственное автономное учреждение
культуры Кемеровской области
«Историко-культурный и природный
музей-заповедник "Томская Писаница"»
650000, г. Кемерово, ул. Томская, 5а
Тел./факс: (3842) 75 86 33,
e-mail: pisanitsa@mail.ru
Официальный сайт: www.gukmztp.ru

Главный редактор:

А. Н. Мухарева, канд. ист. наук, ст. науч. сотр.
научно-экспозиционного отдела музея-
заповедника «Томская Писаница», доц. ка-
федры археологии Института истории и
международных отношений Кемеровского
государственного университета

Редакционная коллегия:

А. Г. Марочкин, канд. ист. наук, ст. науч. сотр.
лаборатории археологии Института эко-
логии человека, Федеральный исследова-
тельский центр угля и углехимии СО РАН

Е. А. Миклашевич, ст. науч. сотр. научно-
экспозиционного отдела музея-заповед-
ника «Томская Писаница», Вице-президент
Сибирской Ассоциации исследователей
первобытного искусства

Е. А. Орлова, канд. ист. наук, ст. науч. сотр.
научно-экспозиционного отдела музея-
заповедника «Томская Писаница»

И. Д. Русакова, канд. ист. наук, науч. кон-
сультант музея-заповедника «Томская
Писаница», науч. сотр. лаборатории архео-
логии Института экологии человека, Феде-
ральный исследовательский центр угля и
углехимии СО РАН

Ответственный секретарь:

С. В. Иванова, ст. хранитель отдела фондов
музея-заповедника «Томская Писаница»

Редактор текстов на английском:

Т. А. Логунов, канд. филол. наук, доц. ка-
федры иностранных языков в профессио-
нальной коммуникации Института исто-
рии и международных отношений Кеме-
ровского государственного университета

Междисциплинарное периодическое из-
дание, нацеленное на публикацию ориги-
нальных исследований, проектов, обзоров,
сообщений, отчётов о конференциях, ре-
цензий на работы по актуальным вопро-
сам теории и практики музееведения, ар-
хеологии и этнологии.

Журнал включен
в национальную базу данных
«Российский индекс научного цитирования»
(РИНЦ, договор № 245-04/2015).
Разделы тематического рубрикатора РИНЦ:
История. Исторические науки
Культура. Культурология

Редакционный совет:

А. М. Стоянов, директор музея-заповедника
«Томская Писаница» – *председатель совета*
Л. Н. Ермоленко, д-р ист. наук, проф. ка-
федры археологии Института истории и
международных отношений Кемеровского
государственного университета, Президент
Сибирской Ассоциации исследователей
первобытного искусства

Л. Ю. Китова, д-р ист. наук, проф. кафедры
археологии Института истории и междуна-
родных отношений Кемеровского госу-
дарственного университета

А. И. Мартынов, д-р ист. наук, проф. ка-
федры археологии Института истории и
международных отношений Кемеровско-
го государственного университета, ака-
демик РАЕН, главный специалист музея-
заповедника «Томская Писаница»

Д. Г. Савинов, д-р ист. наук, проф. кафедры
археологии Института истории Санкт-
Петербургского государственного универ-
ситета, чл.-кор. Германского Археологиче-
ского Института

СОДЕРЖАНИЕ

Археологические исследования

Марочкин А. Г., Юракова А. Ю., Плац И. А., Сизёв А. С., Веретенников А. В., Конончук К. В., Щербакова А. В., Минина К. П., Фальман А. В. Итоги раскопок разновременного памятника Ивановка-1 в Нижнетомском очаге наскального искусства (по материалам 2013–2018 гг.)	5
Герман П. В., Онищенко С. С., Савельева А. С. Тагарские поселения Кия-Чулымского междуречья: проблемы и перспективы исследования	16
Монгуш К. М., Донгак А. А. Погребальный комплекс раннескифского времени долины реки Хут в Северной Туве.....	23
Русакова И. Д. Новоромановская писаница: десять лет после расчистки от лишайников	36
Заика А. Л., Зоткина Л. В. Относительная хронология шалаболинских петроглифов (результаты анализа палимпсестов на центральном участке писаницы)	45
Заика А. Л., Солодейников А. К. Красочные изображения на западном участке Шалаболинской писаницы (предварительные результаты исследований)	56
Мухарева А. Н., Мунхбаяр Ч., Сухбаатар Б. Наскальные изображения Дэрстиин хутул в Монголии	67
Рогожинский А. Е., Тишин В. В. Комплекс рунических надписей и тамга-петроглифов долины Алмалы в Семиречье	77

Архивные изыскания

Миклашевич Е. А. Коллекция рисунков енисейских писаниц из фондов Красноярского краевого краеведческого музея	92
Плац И. А. Чертежи Вознесенской церкви и запасного магазина села Верхотомского (первая половина XIX века)	100
Скрябина Л. А. Всеподданейший Отчет о состоянии Томской губернии за 1890 год	107
Скрябина Л. А. «Этнографические сведения о селе Пача» в архиве Русского Географического Общества	110

Музейное дело

Кепин Д. В., Титова Е. Н. Музеефикация архитектурно-археологических памятников	112
--	-----

CONTENTS

Archaeological research

Marochkin A. G., Yurakova A. Yu., Plats I. A., Sizyov A. S., Veretennikov A. V., Kononchuk K. V., Shcherbakova A. V., Minina K. P., Falman A. V. Results of excavations on the time-diverse Ivanovka-1 site in the Lower Tom center of rock art (based on the materials of 2013–2018)	5
German P. V., Onishchenko S. S., Savelyeva A. S. Tagar settlements in the Kiya–Chulym interfluvium: research issues and prospects	16
Mongush K. M., Dongak A. A. The funerary complex of the early Scythian period in the river Khut valley in Northern Tuva	23
Rusakova I. D. The Novoromanovo rock art site: ten years after clearing off the lichens	36
Zaika A. L., Zotkina L. V. Relative chronology of the Shalabolino petroglyphs (results of analysis of superimposition in the central part)	45
Zaika A. L., Solodeynikov A. K. Painted images found in the west part of the Shalabolino rock art site. Preliminaries	56
Mukhareva A. N., Munkhbayar B. Ch., Suhbaatar B. Rock art of Derstiy Khutul in Mongolia	67
Rogozhinskiy A. E., Tishin V. V. Runiform inscriptions and tamga-petroglyphs of the Almaly valley, Semirechye	77

Archival research

Miklashevich E. A. Collection of drawings of the Yenisei petroglyphs from the Krasnoyarsk Regional Museum	92
Plats I. A. The technical drawing of Ascension church and supply store in the village of Verkhnotomskoe (the 1st half of the 19th century)	100
Skryabina L. A. The Humble Report about the state of Tomsk Governorate in 1890	107
Skryabina L. A. «Ethnographic information about the village of Pacha» in the archive of the Russian Geographical Society	110

Museum work

Kepin D. V., Titova E. N. The museumification of architectural and archaeological sites	112
---	-----

УДК 902/904

ИТОГИ РАСКОПОК РАЗНОВРЕМЕННОГО ПАМЯТНИКА ИВАНОВКА-1 В НИЖНЕТОМСКОМ ОЧАГЕ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА (по материалам 2013–2018 гг.)

**А. Г. Марочкин^{1, 2}, А. Ю. Юракова^{1, 2}, И. А. Плац¹,
А. С. Сизёв³, А. В. Веретенников^{1, 2}, К. В. Конончук⁴,
А. В. Щербакова⁵, К. П. Минина⁶, А. В. Фальман^{1, 2}**

¹Институт экологии человека, Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН;

²Кемеровский государственный университет;

³Музей-заповедник «Томская Писаница»;

⁴Институт истории материальной культуры РАН;

⁵Кемеровский областной краеведческий музей;

⁶Центр по охране и использованию памятников истории и культуры Томской области

Статья подводит предварительные итоги многолетних раскопок разновременного памятника Ивановка-1 в окрестностях Томской писаницы. Приведена краткая характеристика изученных в 2013–2018 гг. археологических комплексов периодов ранней и развитой бронзы, поздней бронзы, раннего железа, раннего средневековья, нового и новейшего времени. Обоснована значимая роль полученных результатов для культурно-хронологической схемы Нижнетомского очага наскального искусства и понимания общей специфики древних и средневековых историко-культурных процессов в Кузнецкой котловине. В частности, обозначена фундаментальная значимость данных по металлообработке в период ранней бронзы, археологических свидетельств культовых практик в эпоху раннего железа, источников по взаимодействию с древним населением Среднего Приобья в эпохи поздней бронзы и раннего железа. Впервые для региона вводятся в научный оборот результаты археологического изучения материальной культуры русского населения Притомья на стыке традиционного и индустриального укладов.

Ключевые слова: археологические раскопки, поселение Ивановка-1, эпоха бронзы, эпоха раннего железа, средневековье, новое время, новейшее время, юг Нижнего Притомья, Кузнецкая котловина

RESULTS OF EXCAVATIONS ON THE TIME-DIVERSE IVANOVKA-1 SITE IN THE LOWER TOM CENTER OF ROCK ART (based on the materials of 2013–2018)

**A. G. Marochkin^{1, 2}, A. Yu. Yurakova^{1, 2}, I. A. Plats¹,
A. S. Sizyov³, A. V. Veretennikov^{1, 2}, K. V. Kononchuk⁴,
A. V. Shcherbakova⁵, K. P. Minina⁶, A. V. Falman^{1, 2}**

¹Institute of Human Ecology, Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry, SB RAS;

²Kemerovo State University;

³Museum-Reserve "Tomskaya Pisanitsa";

⁴Institute for the History of Material Culture of the RAS;

⁵The Kemerovo Regional Museum of Local Lore;

⁶The Center for Preservation and Use of Historical and Cultural Sites of Tomsk Region

The paper summarizes preliminary results of years-long excavations on the Ivanovka-1 settlement in the neighbourhood of Tomskaya pisanitsa. The authors provide short characteristic of archaeological complexes of the Early and Developed Bronze periods, the Early Iron Age and of the Early Middle Ages, Modern and Contemporary Times, studied in 2013–2018. The article proves the significant role of the

results obtained for the cultural and chronological scheme of the Lower Tom Center of Rock Art and understanding of generic specific of ancient and medieval historical and cultural processes in Kuznetsk Basin. Among others, the article emphasizes the fundamental importance of data on metalwork in the Early Bronze period, of archaeological evidences of cultic practices in the Early Iron Age and of sources on communications between ancient societies of the Lower Tom and the Middle Ob regions in the Bronze and the Early Iron Ages. Results of archaeological studying of the Russian material culture at the turn of traditional and industrial life modes in the Tom region are introduced into scientific discourse for the first time.

Keywords: archaeological excavations, the Ivanovka-1 settlement, the Bronze Age, the Early Iron Age, the Middle Ages, Modern period, Contemporary time, south of the Lower Tom Region, Kuznetsk Basin

Введение

На протяжении последних шести лет основные усилия по археологическому изучению южных районов Нижнего Притомья были сосредоточены на раскопках разновременного памятника Ивановка-1, расположенного на правом берегу р. Томи в нескольких километрах ниже по течению от Томской писаницы. Эти работы стали неотъемлемой частью многолетнего (2005–2018 гг.) исследовательского проекта, объединяющего разведки и раскопки археологических памятников в пределах Нижнетомского очага наскального искусства. Цель всего проекта – создание корректной культурно-хронологической схемы микрорайона, начало которой положили материалы разновременной стоянки Долгая-1 у Новоромановской писаницы [Бобров, Марочкин, Юракова, 2012]. Раскопки Ивановки-1, в первую очередь, решали задачу восполнения лакун в этой схеме, её проверки новыми источниками [Марочкин, 2016].

В ходе раскопок было установлено, что памятник включает несколько разновременных и во многом уникальных для региона археологических комплексов, перекрытых к тому же мощным культурным слоем русской деревни. Раскопки столь сложного и интересного объекта стали отличным полигоном для формирования научного коллектива, аккумулировавшего научный потенциал Института экологии человека ФИЦ УУХ СО РАН, музея-заповедника «Томская Писаница», Кемеровского государственного университета, Кемеровского государственного института культуры и Томского государственного

педагогического университета. Отряд стал базой проведения археологических практик для студентов различных вузов и Кемеровского городского классического лицея, а в 2018 г. здесь была проведена первая в Кузбассе полевая археологическая школа.

Полученные научные результаты во всех отношениях столь обширны, что их подробное описание и интерпретация потребуют монографического исследования. Задача данной статьи – краткое подведение самых общих итогов нескольких лет напряжённой работы.

Поселение Ивановка-1: общие сведения

Памятник открыт в 1990 г. И. В. Ковтуном в ходе разведки по р. Томь и первоначально получил наименование «Верхняя Санюшка» (согласно обозначению соседней речки на карте-лоции), но после повторного обследования П. В. Германом в 2005 г. был поставлен на охранный учёт под названием «Поселение Ивановка-1».

Он расположен на второй надпойменной террасе правого берега р. Томь, между д. Писаная и пос. Пача Яшкинского района Кемеровской области (рис. 1: 1). Поверхность террасы относительно ровная, слегка поката в сторону реки, высота её над современным летним уровнем уреза воды около 13 м. Терраса вытянута с востока на запад; с южной стороны переходит в довольно крутой береговой склон, к северу – в обширный пологий луг. Расположенный с восточной стороны широкий овраг отделяет рассматриваемое местонахождение от другого археологического памятника – разновременного поселения

Ивановка-2. Естественная западная граница террасы отстоит от границы поселения Ивановка-1 на 400 м и проходит по руслу речки I-я Синяя (правый приток Томи). Общая площадь памятника около 6000 м², но площадь распространения собственно древних и средневековых культурных на-

пластований намного меньше, особенно учитывая нарушения оврагами, задернованными остатками водотоков, постройками русской деревни.

Всего в 2013–2018 гг. раскопками изучены 825 м², причем большая часть сплошной площадью (рис. 1: 2). Ввиду зна-

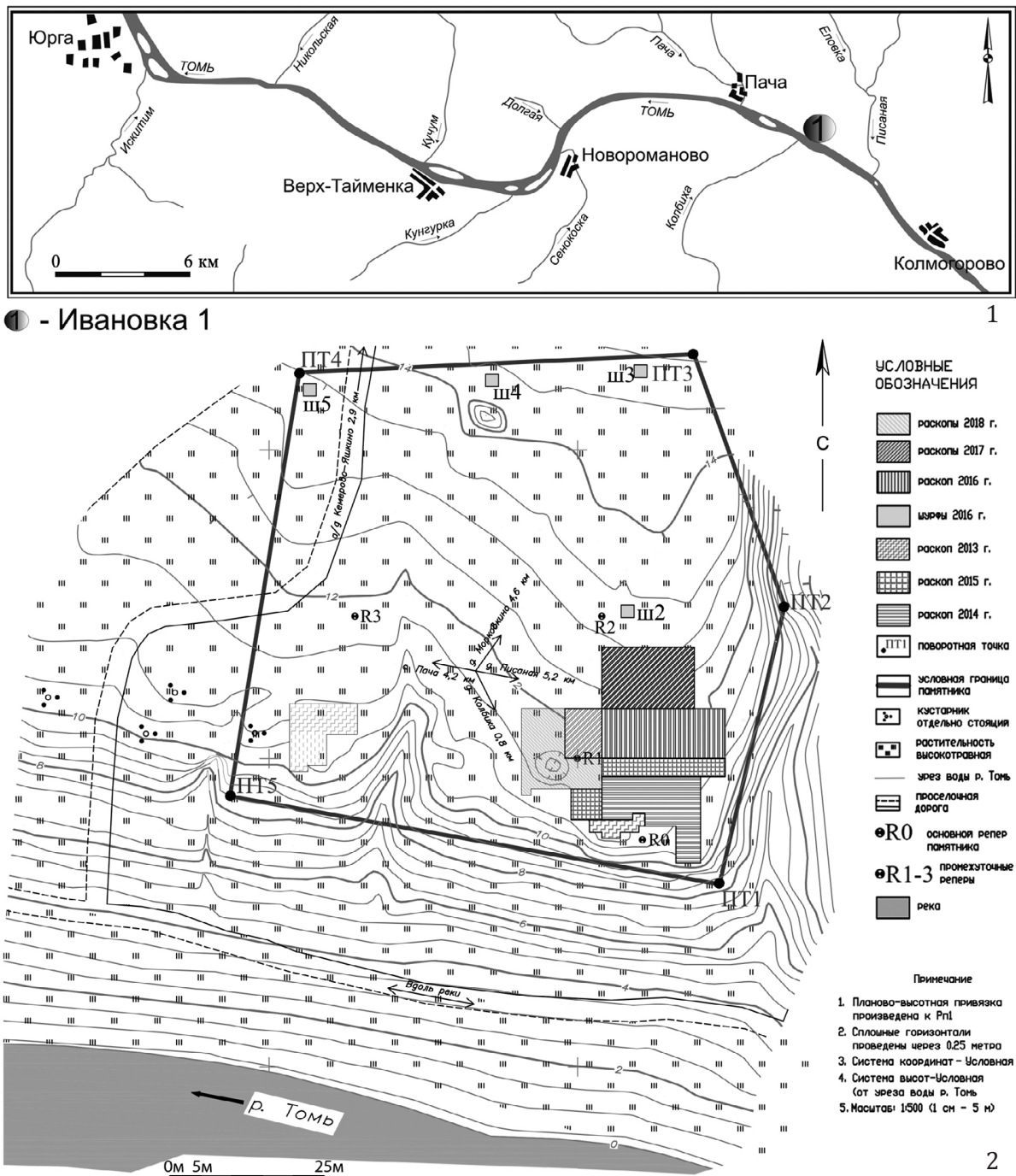

Рис. 1. Поселение Ивановка-1: 1 – схема расположения памятника в районе Нижнетомского очага наскального искусства; 2 – топографический план памятника с указанием участков, изученных в 2013–2018 гг.

чительной мощности культурного слоя (0,3–0,7 м) и его визуальной однородности (гумусированный суглинок), раскопки осуществлялись методом условных горизонтов с обязательными промежуточными горизонтальными зачистками через 10 см.

В совокупности на разных горизонтах культурного слоя зафиксированы 25 конструкций из галечника и сланца, остатки более 20 грунтовых ям разного назначения, следы нескольких зольников и открытых кострищ. Получено свыше 7,5 тыс. индивидуальных находок (кости животных, изделия из металла, фрагменты керамической посуды, каменные орудия) различной культурно-хронологической принадлежности, от периода ранней бронзы до новейшего времени. Обратимся к их краткой характеристике.

Поселенческо-производственный комплекс периода ранней – начала развитой бронзы

Вопрос о наиболее раннем культурно-хронологическом комплексе памятника пока остаётся открытым. Авторами ранее поднималась проблема выделения на памятнике материалов финала каменного века, но всегда лишь в качестве осторожной рабочей гипотезы. Единичные находки керамической посуды «неолитического» облика невыразительны, и всерьёз опираться на них в столь значимых выводах затруднительно. Более предпочтительно обращение к фактам обнаружения на памятнике каменных микропластинок и призматических нуклеусов, столь характерных для неолита или даже мезолита Западной Сибири. Но их стратиграфическая и планиграфическая близость с материалами ранней и развитой бронзы не способствует решению проблемы. То есть, именно многочисленные и выразительные материалы ранней бронзы достоверно характеризуют первый или один из первых этапов местообитания.

Этот период на поселении характеризуют, в первую очередь, материалы **крохалёвской культуры**. Типичным маркером крохалёвского комплекса выступает керамическая посуда (рис. 2: 12–16): пло-

скодонные банки, поверхность которых (часто как снаружи, так и изнутри) покрыта «псевдотекстильным» декором – плотными отпечатками от многократного разнонаправленного прокатывания зубчатых инструментов, выбивки рубчатой колотушкой и других приёмов, создающих иллюзию текстильных оттисков. Иногда технический декор дополнен орнаментальными элементами: пояском ямочных вдавлений или «жемчужин» по венчику, короткими двойными наклонными рядами семечковидных наколов, поясом гребенчатых оттисков, оттисками угла лопаточки. Все сосуды толстостенные (6–15 мм, дно – до 18 мм). В отдельных случаях срезу венчика с помощью пальцевых защипов придана волнообразная форма.

Важнейшей составляющей крохалёвского комплекса Ивановки-1 является производственная площадка, предназначенная для изготовления каменных орудий и отливки бронзовых изделий.

Каменная индустрия характеризуется преимущественным использованием галечного сырья. Большую часть коллекции занимают желваки с нерегулярными снятиями, первичные сколы, отщепы. Орудийный набор включает галечные отбойники, ножи на крупных отщепах, скребки на отщепах, песчаниковые плитчатые абразивы, крупные топоры-рубилы, шлифованные тёсла, крупные орудия дробящего действия, наконечники-бифасы подтреугольной и листовидной форм [Марочкин, Юракова, Плац, 2018].

На восточном останце террасы найдены ямы, заполнение которых состояло из гумусированного суглинка с включениями прокалённой почвы и древесного угля, а также многочисленными фрагментами глиняных литейных форм. В 2017–2018 гг. здесь же исследована бронзолитейная площадка, на которой в едином контексте залежали фрагменты крохалёвской посуды, створка литейной матрицы для отливки наконечника стрелы и более мелкие фрагменты литейных форм (нуждаются в реконструкции), сплески металла и фрагмент лезвийной части бронзового ножа.

Рис. 2. Поселение Ивановка-1. Материалы раннего средневековья (1, 2, 4, 5), раннего железного века (3), поздней бронзы (6-8), ранней – развитой бронзы (9-16)

Согласно радиоуглеродному датированию, хронология комплекса лежит в диапазоне XXIII–XVI вв. до н.э., или без крайних значений в пределах второй трети II тыс. до н.э. [Бобров, Марочкин, 2016; Ковтун, Марочкин, Герман, 2017, с. 270].

Хронологически близкими к крохалёвским древностям являются обнаруженные материалы *самусьской культуры* и т.н. *гребенчато-ямочного комплекса*. Самусьские материалы немногочисленные – всего несколько фрагментов керамических сосудов, орнаментированных чередованием вертикальных и горизонтальных бордюров из проташенных линий, гладких вертикальных оттисков и рядов округлых ямок. Гребенчато-ямочный комплекс периода развитой бронзы также представлен преимущественно фрагментами посуды с предельно простой орнаментацией из чередующихся «гребенчатых» мотивов (ряды наклонных оттисков подтреугольного штампа, «ёлочка», сетка из печатных оттисков зубчатого инструмента) и поясов ямочных вдавлений, выполняющих роль «разделителей» (рис. 2: 9–11). Подобная керамика зафиксирована в основном в качестве разрозненных единичных фрагментов в слое и в заполнении более поздних ям (в переотложенном виде). В одной из ям фрагменты сосуда с подобной орнаментацией (рис. 2: 11) выложены над костями лосиного черепа. Назначение этого объекта пока остается неясным, но он определённо придает колорит всему комплексу.

Материалы периода поздней бронзы

Представлены на поселении только керамикой, орнаментация которой находит отражение в декоре посуды *еловской* и *ирменской* культур (рис. 2: 6–8). Как известно, в их керамике есть общие орнаментальные мотивы – соприкасающиеся вершинами ромбы, ряды «жемчужин», равнобедренные заштрихованные треугольники. Это затрудняет чёткую культурную дифференциацию фрагментов.

Предварительно можно говорить о наличии в этом хронологическом комплексе Ивановки-1 двух морфологических групп

посуды. Одна из них включает слабопрофилированные горшки, орнаментированные повторяющимися поясами резной сетки, ямок, прямых и наклонных оттисков гладкого штампа, прочерченными линиями. Аналогичная посуда характерна для второй группы керамики еловской культуры Томско-Нарымского Приобья [Косарев, 1981, с. 146–149]. Наиболее близки по морфологии сосуда Еловского поселения [Матющенко, Игольникова, 1966, рис. 2].

Другая группа иллюстрируется профилированным горшком, украшенным в зоне «шейки» поясом из равнобедренных треугольников, заштрихованных оттисками гладкого штампа, и четырьмя каннелюрами, а по тулову – двумя бордюрами из «взаимопроникающих» треугольников, разделённых прочерченными линиями. Она близка керамике третьей еловской группы [Косарев, 1981, с. 149–150] и томского варианта ирменской культуры [Там же, с. 173–180]. С учетом последних данных радиоуглеродного датирования наиболее вероятная хронология подобных комплексов юга Западной Сибири лежит в пределах второй половины II тыс. до н.э.

Комплексы раннего железного века

Артефакты и объекты этого историко-культурного периода локализованы в восточной части памятника. Они чётко соотносятся со *скифо-сибирскими* и *кулайскими* древностями юга Западной Сибири.

К первым принадлежит найденная в 2018 г. и пока единственная на памятнике крупная плоскодонная банка, декорированная только в зоне венчика чередованием «жемчужин» и подтреугольных гладких оттисков. И если региональная хронология комплексов с подобной посудой в целом определена в пределах VII–II вв. до н.э., то их культурная атрибуция остаётся спорной. Отметим лишь, что очень близкие аналогии рассматриваемому сосуду имеются в поселениях Томского Приобья, относимых или к большереченской, или к кижировской (по Т. Н. Троицкой), или к шеломокской (по Л. М. Плетнёвой) культурам.

Кулайский комплекс на памятнике намного представительнее. Он включает остатки трёх ям-крематориев, остатки захоронения кремированного черепа и развал керамического сосуда [Панкратова, Марочкин, Юракова, 2014]. Последний зафиксирован археологически целым и представляет собой круглодонный приземистый горшок. Орнамент расположен в верхней трети сосуда и включает ряды оттисков фигурных штампов в форме арки и «уточки» (типичный декоративный мотив кулайской посуды) и пояс округлых ямок (рис. 2: 3). Облик сосуда, по определению Л.В. Панкратовой, наиболее близок посуде саровского (позднего) этапа кулайской культуры. Особенно важно подтверждение археологической датировки комплекса (по типологии керамики) данными радиоуглеродного датирования угля из ям-крематориев. Хронология комплекса ограничена II в. до н.э. – I в. н.э. [Марочкин, 2016, с. 87].

Материалы раннего средневековья (V–VIII вв. н.э.)

Поселенческий комплекс эпохи раннего средневековья представлен керамикой, немногочисленные фрагменты которой залежали в скоплениях *in situ* и разрозненно, как на восточном, так и на западном участках памятника в верхних горизонтах культурного слоя. Все сосуды отличает тонкостенность (3–6 мм), открытое устье и оригинальный «валиковый» декор, типичный для памятников рёлкинского (Томское Приобье) и лачиновского (Кузнецкая котловина) типов. Поверхность сосудов украшают рельефные налесты и формованные бордюры, рассечённые вертикальными изогнутыми бороздками; иногда композиция дополняется ногтевыми насечками (рис. 2: 2, 4, 5). По венчику одного из сосудов расположен орнамент из наклонных оттисков гребёнки, ограниченных снизу ногтевыми защипами. Датировка подобных комплексов в регионе – VI–X вв., с возможным заходом в начало второго тысячелетия н.э. [обзор см.: Бобров, Марочкин, 2017].

К этому же времени предположительно относится фрагмент плоской бронзовой

бляшки в виде стоящего в профиль медведя (рис. 2: 1). Аналогичные изделия имеют широкую датировку от раннего железного века до раннего средневековья [Фёдорова, 2000, с. 39].

Археологические материалы нового и новейшего времени (русско-советский период)

Наиболее поздним культурным комплексом разновременного поселения Ивановка I являются материалы русско-советского периода. Анализ картографических и письменных источников позволил достаточно точно определить настоящие названия и время существования русской деревни, культурный слой которой перекрыл собой комплексы палеометалла и средневековья.

Одно из самых ранних упоминаний этого населённого пункта встречается в статистической публикации «Список населённых мест Томской губернии на 1911 год», где эта деревня обозначается как «переселенческий участок Быстромский» с четырнадцатью дворами [Список населённых мест..., 1911, с. 74]. В более позднем издании серии (1923 г.) этот участок называется «пос. Быстранка» с восемнадцатью дворами и населением в более чем сто жителей [Список населённых мест..., 1923, с. 14]. Данные картографии подтверждают эту информацию. На карте десятивёрстке Томской губернии 1921 г. в этом месте обозначен небольшой посёлок Быстромский [Карта Томской губернии...]. Таким образом, первое название населённого пункта – «Быстромский/Быстранка», а время и условия возникновения деревни – переселение крестьян по Столыпинской реформе из центральной части России в период с 1906 по 1910 гг. Позднее, в 30-х гг. XX в., посёлок по каким-то причинам меняет своё название, и на карте Тайгинского района Западно-Сибирского края 1931 г. он обозначен как «Ивановский» [Карта Тайгинского района...].

Под этим названием «Ивановский/деревня Ивановка» посёлок сохранился в памяти жителей окрестных сёл и деревень. Своё официальное существование

Рис. 3. Поселение Ивановка-1. Материалы нового и новейшего времени (русско-советский период)

населенный пункт прекратил к 40-м – 50-м годам XX в., что подтверждается нумизматической коллекцией, полученной с памятника (монеты с 1911 по 1953 гг.) и отсутствием деревни на более поздних картах.

В настоящее время на территории поселения Ивановка-1 зафиксированы западины от хозяйственных и жилых построек населённого пункта Ивановка/Быстромский. В археологическом плане исследованы некоторые объекты русской деревни: две печные конструкции (рис. 3: 17, 18), погреб, многочисленные столбовые ямы и зольники.

Предметы из культурного слоя русской деревни представлены костями животных; строительными принадлежностями (кованые и проволоочные гвозди, скобы, костыли, щеколды); рабочими инструментами (фабричные молотки, пила, напильник, ножи с черешковым насадом); элементами сельскохозяйственных орудий (кольцо ручной косы, сошник); принадлежностями одежды (пуговицы, ременные пряжки) и конского снаряжения (подковы); монетами; керамикой (рис. 3).

Керамический комплекс данного периода двухкомпонентен. В меньшей степени это фрагменты фарфоровой посуды (рис. 3: 3, 11, 12) фабричного производства («Хайтинская фабрика», «Товарищество М.С. Кузнецова»). Гораздо более многочисленны фрагменты станковой посуды, покрытой слоем светло-коричневой глазури (рис. 3: 1, 2, 9, 14, 15) – т.н. поливная керамика (преобладающие типы – горшок и крынка).

Поливные сосуды могут быть украшены линейным, волнистым, зигзагообразным орнаментом. Такая керамика известна по исследованиям на территории притомских сёл и деревень (Глинка, Кемерово, Красная, Верхотомка, Кулаково и др.), этнографическим материалам. Согласно А.А. Бобринскому, такая посуда характерна для уровня развития функции гончарного круга на стадии ремесленного производства [Бобринский, 1987, с. 29]. Однородный в большинстве случаев цвет теста излома (светло-коричневый)

указывает на обжиг изделий в окислительной атмосфере. В тесте практически нет следов крупных примесей, органики. Такой дополнительный приём обработки поверхности, как покрытие поливой, начинает массово распространяться на территории Верхнего Приобья только в начале XX в. [Новиков, 1999, с. 62].

Заключение

Таким образом, проведённые раскопки делают поселение Ивановка-1 одним из наиболее изученных археологических памятников в Кузнецком Притомье. Вскрытие широких площадей позволяет оперировать данными планиграфии, а полученные находки характеризуют культурное содержание нескольких историко-археологических периодов.

Наиболее многочисленными и выразительными являются материалы ранней – начала развитой бронзы, кулайского периода раннего железного века, русско-советского времени. Единичный, может быть даже случайный, характер имеют встреченные на памятнике материалы поздней бронзы, скифо-сибирского периода раннего железного века, раннего средневековья. Но в совокупности древние и средневековые материалы памятника подтверждают ранее высказанный вывод о включённости рассматриваемой территории в историко-культурные процессы, происходившие в древности и средневековье на сопредельных территориях лесостепного Приобья, Томского Приобья и Кузнецкой котловины. Обращение к детальному изучению каждого из выявленных культурно-хронологических комплексов имеет научную перспективу, но уже сейчас можно говорить о несомненной научной значимости некоторых полученных данных.

Например, впервые не только для южного Притомья, но и для всего ареала крохалёвской культуры, проанализирован производственный комплекс, который даже на предварительной стадии изучения вывел на принципиально новое понимание каменной индустрии (наличие центров по массовой обработке первичного сырья непосредственно у источников) и

бронзолитейного производства (децентрализация, ситуативная переработка металла).

Единственный в своем роде погребально-культовый комплекс позднекулайского времени свидетельствует о начальных этапах освоения северным кулайским населением южного Притомья. Это особенно важно в контексте продолжающейся дискуссии о наличии роли кулайского компонента на петроглифических памятниках Нижнетомского очага наскального искусства.

Полученные материалы поздней бронзы и раннего железного века актуализируют проблему культурного взаимодействия древнего населения южного Притомья с северными районами Томского Приобья и Среднего Приобья. В целом они

подтверждают тезис о том, что рассматриваемый археологический микрорайон находится на южной периферии большой контактной зоны, имевшей свою историко-культурную специфику на всём протяжении голоцена.

Наконец, впервые для региона археологическими раскопками изучена материальная сторона быта русского населения Притомья в новое и новейшее время. Находки этого периода иллюстрируют переходную форму организации деревенского хозяйства, обусловленную постепенным отказом от кустарного производства в условиях становления индустриального уклада. В данном случае мы наблюдаем характерный срез материальной культуры русской переселенческой деревни первой половины XX в.

Литература

- Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
- Бобров В. В., Ковтун И. В., Марочкин А. Г. Археологические комплексы в Нижнетомском очаге наскального искусства // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. Т. XV. С. 214–219.
- Бобров В. В., Марочкин А. Г. Крохалёвская культура ранней бронзы на территории Кузнецкой котловины (специфика материального комплекса и хронология) // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 4 (42). С. 108–112.
- Бобров В. В. Марочкин А. Г. Этнокультурная ситуация в Кузнецкой котловине и Томском Приобье во второй половине I тыс. н.э. (палеогеографический и археологический аспекты) // Культуры и народы Северной Евразии: взгляд сквозь время: Материалы международной конференции, посвящённой 80-летию юбилею Л. А. Чиндиной. Томск: ИД «Д Принт», 2017. С. 111–117.
- Бобров В. В., Марочкин А. Г., Юракова А. Ю. Исследования стоянки Долгая-1 на юге Нижнего Притомья (предварительные итоги) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. Т. 18. С. 170–174.
- Карта Томской губернии, десятивёрстка 1921 года // Это место. Томск / URL: http://www.etomesto.ru/map-tomsk_10verst/ (дата обращения: 12. 11. 2018).
- Карта Тайгинского района Западно-Сибирского края // Это место. Кемерово / URL: http://www.etomesto.ru/map-kemerovo_tayginskiy-rayon/ (дата обращения: 12. 11. 2018).
- Ковтун И. В., Марочкин А. Г., Герман П. В. Радиоуглеродные даты и относительная хронология сейминско-турбинских, крохалёвских и самусьских древностей // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2017. Т. I. С. 262–267.
- Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 282 с.
- Марочкин А. Г. Периодизация археологических древностей юга Нижнего Притомья // Археология Южной Сибири. К 40-летию кафедры археологии Кемеровского государственного университета. Кемерово: ООО «Амирит», 2016. Вып. 27. С. 83–89.

Марочкин А. Г., Юракова А. Ю., Плац И. А. Производственные объекты на поселениях крохалёвской культуры // Человек и Север: Антропология, археология, экология: Материалы всероссийской научной конференции. Тюмень: ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2018. С. 149–153.

Матющенко В. И., Игольникова Л. Г. Поселение Еловка – памятник второго этапа бронзового века Средней Оби // Сибирский археологический сборник. Новосибирск: Наука, 1966. Вып. 2. С. 183–195.

Новиков А. В. Традиционное гончарство русского населения лесостепи Западной Сибири в конце XIX – первой половине XX в. (вопросы технологии по этнографическим материалам) // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Новосибирск: Наука, 1999, Т. 4. С. 52–76.

Панкратова Л. В., Марочкин А. Г., Юракова А. Ю. Культовый комплекс кулайской культуры в Кузнецком Притомье // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 3 (29). С. 108–115.

Список населенных мест Томской губернии на 1911 год. Томск, 1911. 577 с.

Список населенных мест Томской губернии: по данным позднейших переписей (1910, 1917 и 1920 гг.). Томск, 1923. 95 с.

Фёдорова Н. В. Иконография медведя в бронзовой пластике Западной Сибири (железный век) // Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. С. 37–42.

УДК 902/904

ТАГАРСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ КИЯ-ЧУЛЫМСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

П. В. Герман¹, С. С. Онищенко², А. С. Савельева¹

¹Институт экологии человека, Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН;

²Кемеровский государственный университет

В основе современных знаний о тагарской культуре лежат результаты исследования курганных могильников, на материалах которых создавались периодизационные схемы, обосновывались представления о социальном устройстве, хозяйстве и быте, решались ключевые вопросы хронологии, возникновения и развития культуры. На этом фоне материалы поселений представляются малоинформативными источниками, характеризующими отдельную субкультуру, интеграция которой в систему представлений о тагарской культуре так и не состоялась. Основные исследования тагарских поселений связаны с территорией Кия-Чулымского междуречья. Здесь были раскопаны значительные площади поселенческих комплексов, выявлены некоторые особенности архитектуры и планиграфии посёлков, получен значительный вещевой и остеологический материал. Однако лишь единичные комплексы удостоились предварительной публикации, а систематизация накопленного материала пока представлена только в виде обзора памятников и основных находок. В предлагаемой статье отмечены перспективы нового обращения к материалам тагарских поселений, которые в совокупности с данными погребальных комплексов позволяют приблизиться к решению ряда актуальных вопросов в изучении тагарской культуры.

Ключевые слова: Кия-Чулымское междуречье, тагарская культура, поселения, хронология, межкультурные контакты, палеоэкономические реконструкции

TAGAR SETTLEMENTS OF THE KIYA-CHULYM INTERFLUVE: RESEARCH ISSUES AND PROSPECTS

P. V. German¹, S. S. Onishchenko², A. S. Savelyeva¹

¹Institute of Human Ecology, Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry, SB RAS;

²Kemerovo State University

Contemporary knowledge about the Tagar culture is based on the research of kurgan burial mounds which gave materials to devise into periods, to prove ideas about their social organization, economic and daily life, and to solve key issues of chronology, emergence and development of the culture. On this background, the materials from settlements seem to be poor sources of information, descriptive of a separate sub-culture which did not integrate into the system of representations of the Tagar culture. The main research of the Tagar settlements are connected to the territory in-between the rivers Kiya and Chulym. Large settlement areas have been excavated there, some architecture and planigraphy peculiarities have been determined, significant amount of objects and bones have been found. However, only some single assemblages could be published, and the found material is systematically represented only in the form of sites and main findings review. This article deals with opportunities of new research on the materials of Tagar settlements which, combined with data from burial mounds, will allow us to get closer to the resolution of a range of topical issues in studying the Tagar culture.

Keywords: the Kiya-Chulym interfluvium, the Tagar culture, chronology, inter-cultural contacts, paleo-economic reconstructions

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и
Администрации Кемеровской области в рамках научного проекта № 18-49-420005.*

The search is funded by RFBR and the Administration of Kemerovo Region as part of Research Project 18-49-420005.

Начало исследований археологических памятников Кия-Чулымского междуречья было положено раскопками курганных могильников тагарской культуры в конце XIX в. [Мартынов, 1979, с. 6; Герман, 2013]. На фоне вмещающего ландшафта лесостепи земляные курганы весьма заметны и количественно преобладают над другими памятниками, что во многом предопределило дальнейшую специфику изучения древностей этой территории. С середины XX в. с началом широкомасштабных археологических исследований в регионе раскапывались преимущественно погребальные комплексы тагарской культуры. В 1956–1985 гг. полностью исследуется ряд крупных курганных могильников [Мартынов, 1979, с. 12; Вадецкая, 1983; Субботин, 2014, с. 31–33], большая часть которых уже давно стала предметом отдельных публикаций [напр.: Мартынов, 1967; 1972; 1973; Мартынов, Бобров, 1971]. В результате было окончательно подтверждено представление о наличии большого количества памятников раннего железного века и определен статус территории как своеобразного района тагарской культуры [Мартынов, 1979].

Целенаправленный поиск и стационарные раскопки поселений начинаются с конца 1960-х гг. В результате полевых исследований было установлено, что помимо могильников этот район насыщен многочисленными поселенческими комплексами различных хронологических периодов – от верхнего палеолита до раннего средневековья. Было выделено несколько крупных археологических микрорайонов: Шестаковский, Чумайский, Тисульский, Берчикульский, Косогольский [Кулемзин, 1980; 1999; Мартынов, 1980]. Например, в районе с. Шестаково было обнаружено более двух десятков древних поселенческих комплексов – городищ, поселений, стоянок [Кулемзин, 1980], большинство из которых относится к раннему железному веку. В течение 25 лет на территории Кия-Чулымского междуречья исследуются крупные поселения раннего железного века: Утинка I [Циркин, 1976], Шестаково I, Шестаково XI [Кулемзин, 1980], Третья-

ково I [Абсалямов, Мартынов, 1979, с. 62], Белый Яр I [Циркин, 1974] и Косоголь I [Мартынов, 1980; Красниенко, Субботин, 2013, с. 55]. В итоге полевых исследований был получен значительный археологический материал, свидетельствующий о хозяйственной специализации, уровне развития домовой архитектуры и инфраструктуре тагарских посёлков.

Материалы раскопок поселений были обобщены в кандидатской диссертации М.Б. Абсалямова [1978], а позднее представлены в обзорной статье [Абсалямов, Мартынов, 1979] и монографии «Тагарские поселения» [Мартынов, Абсалямов, 1988]. Последняя работа, получившая наибольшую известность, представляет собой свод поселенческих объектов тагарской культуры с краткой характеристикой жилищ, хозяйственных сооружений и инвентаря. Следует отметить крайне незначительное количество иллюстраций, которые являются важными для представления материальной культуры тагарских поселений. Исследование не предполагало развернутой хронологической детализации поселенческих комплексов и разделения материала по этапам тагарской культуры. Авторами были отмечены сложности, связанные с культурной и хронологической атрибуцией, заключавшиеся в компрессионном характере культурного слоя и невыразительности керамического материала. Схожие проблемы возникают и при анализе материалов поселений Минусинских котловин, также представленных в работе. Монография «Тагарские поселения» стала одним из итогов многолетних исследований кемеровских археологов в Кия-Чулымском междуречье. Несмотря на продолжение в это время масштабных полевых работ на поселении Косоголь I, дальнейшего развития тема тагарских поселений так и не получила.

Анализ степени изученности тагарских поселений позволяет выделить ряд наиболее важных проблем, связанных с исследованием данной категории памятников, и указать на перспективы обращения к их материалам.

Во-первых, на протяжении 25-летнего периода раскопок тагарских поселений в Кия-Чулымском междуречье накоплено большое количество материала, который, в большинстве своём, так и остался не опубликованным. Наибольшее внимание было уделено реконструкции жилищ на различных памятниках [Абсалямов, 1977; 1978], в то время как массовый материал – керамика и остатки животных – остался практически неизученным. Другие категории находок – песты, жернова, куранты, разнообразные изделия из кости, а также специфичные, известные только на тагарских поселениях, керамические «конусы» [Мартынов, Абсалямов, 1988, с. 20] – практически не представлены в литературе. Отдельно необходимо отметить исследования поселения Косоголь I (раскопки А. И. Мартынова и В. В. Иванчука в 1980–1992 гг.), на котором вскрыто более 3000 м² [Красниенко, Субботин, 2013, с. 55], что близко к суммарной площади раскопок на всех остальных тагарских поселениях Кия-Чулымского междуречья. Информация о многочисленных объектах (жилищах, производственных площадках и т.д.) и уникальных находках с этого памятника в литературе отсутствует.

Во-вторых, следует подчеркнуть, что ключевая проблема интерпретации поселенческих материалов заключается в их культурно-хронологическом разделении. Обоснования хронологии поселений представляются неубедительными, так как, за некоторым исключением, исследователи не приводили датировок конкретных объектов (жилищ, хозяйственных ям и пр.), а лишь устанавливали верхние и нижние временные границы на основании отдельных артефактов. Один из возможных путей решения данной проблемы – выделение комплексов, связанных с определёнными жилищами или другими объектами, для которых допустимо предполагать бытование на протяжении относительно короткого периода. Их культурная атрибуция и радиоуглеродное датирование позволят выделить маркеры для дальнейших хроностратиграфических исследований.

В-третьих, актуализация материалов поселенческих комплексов важна для изучения вопросов генезиса и трансформаций тагарской культуры на территории Кия-Чулымского междуречья в контексте проблемы межкультурного взаимодействия. Одним из ключевых проблемных этапов в истории данного региона и Южной Сибири в целом является переходное время от поздней бронзы к раннему железному веку. Тема происхождения тагарской культуры изучается с момента её выделения и остаётся дискуссионной. В решении этого вопроса исследователи всегда опирались на данные погребальных комплексов. В качестве двух местных компонентов, участвовавших в сложении культуры, рассматриваются андроновские и лугавские племена [напр.: Вадецкая, 1986, с. 96–98; Лазаретов, 2006; Мартынов, 1967; Членова, 1992]. В Кия-Чулымском междуречье исследовано поселение Тамбар III, содержащее материалы всех трёх культур [Бобров, Михайлов, 1987; Бобров, 1993; Бобров, Кузьминых, Тенейшвили, 1997, с. 13–29]. Решение проблемы хронологии разнотипных комплексов данного поселения, возможно, позволит приблизиться к ответу на вопросы о времени «доживания» культур эпохи бронзы и появления тагарского населения в Кия-Чулымском междуречье.

Географическое положение Кия-Чулымского междуречья на стыке двух обширных геоморфологических провинций – равнинных пространств Западно-Сибирской низменности и горных массивов Алтае-Саянской системы – обусловило его своеобразный статус в качестве «коридора», соединяющего два крупных историко-культурных региона – Верхнее Приобье на западе и Минусинские котловины на востоке. Данная специфика нашла отражение в представлении районов северной лесостепи в качестве контактной зоны в системе культурно-исторических процессов на территории Южной Сибири [Мартынов, 1961; Бобров, 1985; 1992]. С началом раннего железного века Кия-Чулымское междуречье повсеместно осваивается населением тагарской культуры, а присутствие компонентов других культур не столь оче-

видно. Тем не менее, ранее уже отмечались факты, свидетельствующие о контактах населения Кия-Чулымского междуречья с племенами Томского Приобья. В частности, в позднетагарское время фиксируется проникновение в местную среду населения кулайской культуры [Мартынов, Мартынова, Кулемзин, 1971, с. 190; Бобров, 1978; Красниенко, 1999; Бобров, Боброва, 2017]. Представляется, что дальнейшее развитие данной темы на материалах поселений позволит обосновать формы сосуществования и взаимодействия двух культурных традиций на территории Кия-Чулымского междуречья.

Объём накопленной и систематизированной информации по тагарским курганным могильникам значительно превышает количество стационарно исследованных поселенческих комплексов. Такая ситуация характеризует и степень изученности раннего железного века Минусинских котловин, с той лишь разницей, что в этом регионе поселенческих объектов тагарской культуры исследованы единицы. Совершенно иная картина наблюдается на сопредельных территориях, входивших в сферу культурного влияния тагарской культуры [Савинов, 2012, с. 42], – в Томском Приобье и подтаёжной зоне Среднего Енисея, – где для раннего железного века изучены преимущественно поселения [напр.: Плетнёва, 1977; Мандрыка, 2018]. Поэтому отсутствие систематизированных данных по тагарским поселениям существенно затрудняет понимание процессов межкультурного взаимодействия на юге Западной Сибири в раннем железном веке, которые необходимо изучать именно на материалах этой категории памятников.

В-четвёртых, в связи с проблемой интерпретации материалов поселений в изучении тагарской культуры наблюдается существенное отставание в реконструкции различных палеоэкономических аспектов. Основные исследования [Киселёв, 1933; Сосновский, 1940; Гришин, 1960], в результате которых был описан комплексный уклад хозяйства тагарского населения, а также представлены концепции оседлого и полукочевого скотовод-

ства, относятся к первой половине XX в. и базируются на материалах довоенных раскопок. Важно отметить, что в этих и других работах [напр.: Вадецкая, 1986, с. 94; Грязнов, 1968; Киселёв, 1951, с. 251–259; Членова, 1992, с. 220] была дана характеристика палеоэкономики в целом, без дифференциации по этапам и уточнения специфики той или иной отрасли хозяйства в определённый период развития культуры. В качестве основных источников для моделирования тагарского хозяйства привлекались данные погребений, случайные находки и петроглифы, а поселенческие комплексы фигурировали лишь в качестве вспомогательных материалов. В то же время представляется очевидным, что на современном этапе изучения тагарской культуры без должного исследования материалов поселений с использованием междисциплинарного подхода невозможно создание аргументированных локально-хронологических палеоэкономических моделей.

За последние 30 лет в отечественной науке был сформирован широкий спектр междисциплинарных подходов к анализу археологических источников. Среди них выделяется экологический подход, предложенный М. Ф. Косаревым [1984; 1991], направленный на эколого-ландшафтную интерпретацию обширной источниковой базы в контексте адаптации и трансформации палеоэкономических комплексов древнего населения в различных регионах в условиях меняющейся палеоклиматической и палеоландшафтной обстановки. К настоящему времени имеется серия монографических работ, где на материалах поселенческих комплексов решаются вопросы трансформации культур в контексте изменений палеоэкономических моделей в разных регионах Западной Сибири [напр.: Зах и др., 2008; Зимина, Зах, 2009; Кирюшин, 2002; Косарев, 1984; 1991; Рындина, Дегтярева, 2002; Соколов, 2005; Чиндина, 1987]. В них раскрывается ряд принципиальных вопросов: становление производящего хозяйства пастушеско-земледельческих обществ, возникновение и разновидности кочевого скотовод-

ства, переход от присваивающих к производящим формам и наоборот, а также сформулирован ряд проблем, касающихся территориальной неоднородности развития тех или иных форм хозяйствования, эффектов миграций и межкультурных взаимодействий. В целом было установлено, что на фоне изменений ландшафтно-климатических условий повсеместно резко менялись как системы хозяйствования, так и факторы культурогенеза древнего и средневекового населения. Накопленный опыт свидетельствует о перспективности нового обращения к материалам тагарских поселений и их актуализации посредством комплексного изучения для построения аргументированных моделей хозяйства тагарского населения на разных этапах развития культуры и в различных ландшафтно-экологических нишах.

Подводя итог краткому обзору основных вопросов и перспектив в изучении тагарских поселений, необходимо отметить, что проблема корреляции материа-

лов погребений и поселений является одной из ключевых в изучении тагарской культуры. Уже давно назрела необходимость систематизировать и ввести в научный оборот материалы поселенческих комплексов. В целях уточнения хроностратиграфических особенностей и получения материалов для радиоуглеродного датирования представляются перспективными и новые полевые исследования. В совокупности с информацией погребальных комплексов полученные данные позволят выявить специфику основных отраслей хозяйства, а также сделать ряд выводов, имеющих основополагающее значение для понимания историко-культурных процессов в раннем железном веке на территории Кия-Чулымского междуречья: о хронологических особенностях системы расселения, специфике контактов тагарцев с автохтонным населением эпохи поздней бронзы и инокультурных влияниях на последующих этапах развития тагарского общества.

Литература

- Абсаямов М. Б. О типах жилищ на тагарских и тагарско-таштыкских поселениях // Археология Южной Сибири. Известия кафедры археологии. Кемерово: КемГУ, 1977. Вып. 9. С. 34–42.
- Абсаямов М. Б. Поселения тагарского и переходного тагаро-таштыкского времени в южной Сибири VII–I вв. до н. э. Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Новосибирск, 1978. 16 с.
- Абсаямов М. Б., Мартынов А. И. Поселения тагарского и переходного тагаро-таштыкского времени в Хакасско-Минусинской котловине и Ачинско-Мариинской лесостепи // Археология Южной Сибири. Кемерово: КемГУ, 1979. Вып. 10. С. 60–86.
- Бобров В. В. Кулайские элементы в тагарской культуре // Ранний железный век Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1978. С. 33–49.
- Бобров В. В. Эпоха поздней бронзы Обь-Чулымского междуречья // Археология Южной Сибири. Кемерово: КемГУ, 1985. Вып. 13. С. 28–36.
- Бобров В. В., Михайлов Ю. И. Комплекс андроновской-ф культуры поселения на берегу Тамбарского водохранилища // Проблемы археологических культур степей Евразии. Кемерово: КемГУ, 1987. С. 17–27.
- Бобров В. В. Кузнецко-Салаирская горная область в эпоху бронзы. Диссертация на соискание учёной степени доктора ист. наук в форме научного доклада. Новосибирск, 1992. 41 с.
- Бобров В. В. Жилища лугавской культуры в Ачинско-Мариинской лесостепи // Культура народов евразийских степей в древности. Барнаул: АГУ, 1993. С. 118–131.
- Бобров В. В., Кузьминых С. В., Тенейшвили Т. О. Древняя металлургия Среднего Енисея (лугавская культура). Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. 99 с.
- Бобров В. В., Боброва Л. Ю. Бронзовые предметы скифского времени с горы Арчекас (Кузнецкий Алатау): новые находки // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. № 45 (2). С. 78–86 / <https://doi.org/10.17746/1563-0110.2017.45.2.078-086>.

- Вадецкая Э. Б. Первые итоги работы на КАТЭЖе // Древние культуры евразийских степей. Л.: Наука, 1983. С. 47–56.
- Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. 180 с.
- Герман П. В. Сибирский период научной деятельности Г. О. Оссовского // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 3 (23). С. 116–119.
- Гришин Ю. С. Производство в тагарскую эпоху // Очерки по истории производства в Приуралье и Южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа. М.: Академия наук СССР, 1960. С. 116–207. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 90).
- Грязнов М. П. Тагарская культура // История Сибири. Л.: Наука, 1968. Т. 1. С. 187–195.
- Зах В. А., Зими́на О. Ю., Рябогину Н. Е., Скочина С. Н., Усачева И. В. Ландшафты голоцена и взаимодействие культур в Тоболо-Ишимском междуречье. Новосибирск: Наука, 2008. 212 с.
- Зими́на О. Ю., Зах В. А. Нижнее Приоболье на рубеже бронзового и железного веков. Новосибирск: Наука, 2009. 232 с.
- Кирюшин Ю. Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул: АлтГУ, 2002. 294 с.
- Киселёв С. В. Разложение рода и феодализм на Енисее. Л., 1933. 34 с. (Известия Государственной академии истории материальной культуры. Вып. 65).
- Киселёв С. В. Древняя история Южной Сибири. М.: АН СССР, 1951. 644 с.
- Косарев М. Ф. Западная Сибирь в древности. М.: Наука, 1984. 245 с.
- Косарев М. Ф. Древняя история Западной Сибири: Человек и природная среда. М.: Наука, 1991. 302 с.
- Красниенко С. В. Кулайцы на Среднем Чулыме: столкновение традиций // Изучение культурного наследия Востока. Культурные традиции и преемственность в развитии древних культур и цивилизаций. Материалы международной конференции в Санкт-Петербурге (23–25 ноября 1999 г.). СПб.: Евро Дом, 1999. С. 37–40.
- Красниенко С. В., Субботин А. В. У Солгонского кряжа. Археологические памятники Ужурского района (Красноярский край): история изучения и современное состояние. СПб: ИИМК РАН, 2013. 200 с.
- Кулемзин А. М. Шестаковский археологический комплекс // Археология Южной Сибири. Кемерово: КемГУ, 1980. Вып. 11. С. 95–106.
- Кулемзин А. М. Комплекс археологических памятников у с. Чумай // Археология, этнография и музейное дело. Кемерово: КемГУ, 1999. С. 43–47.
- Лазаретов И. П. Памятники баиновского типа и тагарская культура // Археологические вести. 2007. Вып. 14. С. 93–105.
- Мандрыка П. В. Бронзовый и ранний железный век в южной тайге среднего Енисея и низовьев Ангары. Автореф. дис. ... докт. истор. наук. Барнаул, 2018. 54 с.
- Мартынов А. И. Материалы к археологической карте Кемеровской области // Учёные записки Кемеровского педагогического института. 1961. Вып. 4. С. 152–164.
- Мартынов А. И. К вопросу о происхождении тагарской культуры // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово: КГПИ, 1967. Вып. 1. С. 15–45.
- Мартынов А. И. Тисульский могильник // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово: КГПИ, 1972. Вып. 4. 330 с.
- Мартынов А. И. Ягуня // Известия лаборатории археологических исследований (Учебное пособие). Кемерово: КГПИ, 1973. 320 с.
- Мартынов А. И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск: Наука, 1979. 208 с.
- Мартынов А. И. Косогольский археологический комплекс // Археология Южной Сибири. Кемерово: КемГУ, 1980. Вып. 11. С. 11–19.
- Мартынов А. И., Абсалямов М. Б. Тагарские поселения. Красноярск: Изд-во Красноярского университета, 1988. 136 с.
- Мартынов А. И., Бобров В. В. Серебряковский могильник // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово: КГПИ, 1971. Вып. 3. 132 с.

- Мартынов А. И., Мартынова Г. С., Кулемзин А. М.* Шестаковские курганы. Кемерово: КГПИ, 1971. 250 с.
- Плетнёва Л. М.* Томское Приобье в конце VIII–III вв. до н.э. Томск: Изд-во ТГУ, 1977. 142 с.
- Савинов Д. Г.* Памятники тагарской культуры Могильной степи (по результатам археологических исследований 1986–1989 гг.). Спб.: ЭлекСис, 2012. 180 с.
- Соколов П. Г.* Экономика и система жизнеобеспечения обществ эпохи поздней бронзы Верхней Оби. Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Кемерово, 2005. 21 с.
- Сосновский Г. П.* К истории скотоводства в Сибири (Материалы к истории древнейших домашних животных // Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных. М.-Л., 1940. Т. I. С. 135–150.
- Субботин А. В.* Нелинейный характер развития тагарской культуры (по материалам монографически раскопанных могильников). СПб.: ИИМК РАН, 2014. 154 с.
- Циркин А. В.* Белоярское поселение на р. Чулым (предварительное сообщение) // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово: КГПИ, 1974. Вып. 5. С. 72–84.
- Циркин А. В.* Утинское поселение по раскопкам 1970–1975 гг. // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. Кемерово: КемГУ, 1976. С. 73–97.
- Чиндина Л. А.* Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск: Изд-во ТГУ, 1984. 256 с.
- Членова Н. Л.* Тагарская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 206–224.

УДК 902/904

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС РАННЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ДОЛИНЫ РЕКИ ХУТ В СЕВЕРНОЙ ТУВЕ

К. М. Монгуш^{1, 2}, А. А. Донгак²

¹Кемеровский государственный университет;

²Национальный музей им. «Алдан-Маадыр» Республики Тыва

Сравнительно малоизученной областью северной части Тувы, даже на современном этапе исследований, является высокогорная долина р. Хут (правый приток р. Бий-Хем в среднем течении), расположенная на стыке современных административных территорий Республики Тыва и Красноярского края. Пионером археологических исследований в этом районе являлся М. Х. Маннай-оол. В 1968 г. экспедицией Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории под его руководством были начаты археологические исследования в данном районе. Всего в тот год было изучено два разновременных курганных могильника, располагавшихся по обоим берегам реки. Особый интерес представляет курган № 1 могильника на правом берегу, являвшийся одним из самых северных комплексов эпохи ранних кочевников Тувы. В статье представлена полная публикация материалов этого памятника, выполненная по архивным и музейным источникам. В результате анализа погребального обряда и сопроводительного инвентаря могил установлено, что памятник относится к алды-бельской культуре раннескифского времени Тувы. После подробного рассмотрения материального комплекса, основанного на аналогиях из надёжно датированных памятников раннескифского времени Саяно-Алтая и сопредельных регионов, определено относительное время сооружения кургана – в рамках рубежа VII–VI вв. до н.э.

Ключевые слова: Северная Тува, река Хут, эпоха ранних кочевников, раннескифское время, алды-бельская культура, курган, могила

THE FUNERARY COMPLEX OF THE EARLY SCYTHIAN PERIOD IN THE RIVER KHUT VALLEY IN NORTHERN TUVA

K. M. Mongush^{1, 2}, A. A. Dongak²

¹Kemerovo State University;

²The National Museum of the Republic of Tuva

Even at present, the Alpine valley of the Khut river, a right tributary of the Piy-Khem river (Great Yenisei) in its middle reaches, is still a relatively little-studied area of the Northern part of Tuva. It is located at the junction of the modern administrative territories of the Republic of Tuva and Krasnoyarsk territory. The pioneer of archaeological research in this area was M. Kh. Mannay-ool. In the field season of 1968 the expedition of the Tuvan Institute for Language, Literature and History Studies under his leadership began archaeological excavation in this area. That year the expedition studied 2 time-diverse cemeteries, located on the left and right banks of the river. Mound 1 from the cemetery on the right bank is of particular interest, being one of the most Northern complexes of the early nomads in Tuva. This article is complete publication of the archaeological materials of this site, based on the materials of archival and museum sources. As a result of the analysis of the ground structure, burial rite and enclosed inventory of the graves, it was found that the site belongs to the Aldy-Bel' archaeological culture of the early Scythian period of Tuva. After a detailed consideration of the accompanying inventory of the mound graves, based on analogies of objects from reliably dated complexes of the early Scythian period of the Altai-Sayan and adjacent regions, the relative date of construction of the site was determined within the 7th–6th centuries BC.

Keywords: Northern Tuva, the Khut river, the early nomadic period, the early Scythian period, the Aldy-Bel' archaeological culture, mound, grave

Памяти М. Х. Маннай-оола (1933–2018 гг.) посвящается

Экспедицией Тувинского научного исследовательского института языка, литературы и истории под руководством М. Х. Маннай-оола в полевом сезоне 1968 г. были проведены исследования памятников археологии в высокогорной долине р. Хут на севере Тувы, которая до этого времени оставалась абсолютно неизученной в археологическом отношении. Всего в тот полевой сезон были исследованы погребальные объекты двух могильников, располагавшихся на левом и правом берегах реки. В результате работ был получен интересный археологический материал. Среди остальных памятников особо выделяется курган № 1 могильника на правом берегу р. Хут. В настоящей работе представлена полная публикация этих материалов. Описание кургана с некоторыми отдельными поправками приводится по отчёту М. Х. Маннай-оола за 1968 г., который, как и вся коллекция находок (колл. № 4731) из памятника, хранится сейчас в фондах Национального музея им. «Алдан-Маадыр» Республики Тыва (далее – НМРТ). Чертежи кургана и могил выполнены по планам, представленным в альбоме отчёта¹.

Могильник расположен на правом берегу р. Хут правого притока главной водной артерии севера и северо-востока Тувы – р. Бий-Хем (Большой Енисей), примерно в 6 км к востоку от одноимённого посёлка. Всего могильник включал четыре каменно-землянных объекта погребального характера. Экспедицией был исследован самый крупный в могильнике курган № 1.

Курган имел округлую в плане сильно задернованную насыпь из земли и речных валунов с западиной в центре (рис. 1: 1, 2). Диаметр его составлял 20 м, наибольшая высота насыпи – 2 м. После расчистки и разборки каменно-земляной насыпи кургана в его центральной части были обнаружены четыре могильные ямы, которые имели подпрямоугольные в плане формы.

Могила № 1 (рис. 1: 1; рис. 2: 1). Располагалась к югу от центральной могилы № 2. Имела размеры: СЗ–ЮВ – 1,5 м, СВ–ЮЗ – 1,1 м. На дне на глубине 0,38 м от уровня горизонта лежал скелет взрослого человека в скорченном положении, на левом боку, головой на северо-запад. Под тазовыми костями скелета на глубине 0,73 м был найден пластинчатый бронзовый нож (рис. 2: 2) в кожаном футляре. Других находок не обнаружено.

Могила № 2 (рис. 1: 1; рис. 2: 3). Располагалась в центре. Имела размеры: С–Ю – 1 м, З–В – 1,66 м. Погребение ограблено в древности. На дне ямы на глубине 1,2 м от уровня горизонта лежали отдельные кости скелета взрослого человека, перемещённые грабителями: челюсть, тазовые и бедренные кости, лопатка. Среди них был найден бронзовый нож (рис. 2: 5) (находка не поступила в фонды НМРТ). При разборке ямы на глубине 1,28 м обнаружен амулет в виде конского копыта (по определению М. Х. Маннай-оола), реалистически вырезанный из кости (рис. 2: 4), и поделка из нефрита (находка не поступила в фонды НМРТ).

Могила № 3 (рис. 1: 1; 3: 1). Находилась к северо-западу от могилы № 2. Имела размеры: СЗ–ЮВ – 1,1 м, СВ–ЮЗ – 0,7 м. На дне могильной ямы на глубине 0,62 м от уровня горизонта лежал скелет взрослого человека на левом боку, в скорченном положении, головой на запад. При разборке погребения в области костей таза (под левой подвздошной костью) погребённого на глубине 0,7 м обнаружен бронзовый проушной чекан (рис. 3: 4) с плоским обушком и круглым в сечении бойком. У бедренной кости погребённого на глубине 0,65 м был найден каменный четырёхгранный полированный оселок (рис. 3: 3) с отверстием на одном конце, за костями стоп – бронзовые наконечники стрел (рис. 4: 1–8), а также бронзовый нож (рис. 3: 2) с кольцевидным навершием.

¹ Альбом отчёта, к сожалению, не был сдан М. Х. Маннай-оолом в фонды музея. Оцифрованные копии страниц альбома были любезно предоставлены К. В. Чугуновым (Государственный Эрмитаж). Пользуясь случаем, авторы выражают ему искреннюю признательность за предоставленные копии, а также за методическую помощь в написании настоящей работы.

Могила № 4 (рис. 1: 1). Находилась к северо-востоку от центральной могилы. Имела размеры: СЗ-ЮВ – 1,1 м, СВ-ЮЗ – 0,7 м. На дне могильной ямы на глубине 0,32 м от уровня горизонта был найден скелет ребенка плохой сохранности, лежащий на левом боку, с согнутыми ногами, головой на северо-запад. При погребённом никаких находок не найдено.

Погребальный обряд и полученный комплекс инвентаря уверенно атрибутируют памятник эпохой ранних кочевни-

ков. В культурном плане памятник может относиться, исходя из современных представлений, к алды-бельской культуре раннескифского времени Тувы [Савинов, 2002], хотя автор раскопок относил его к первому этапу уюкской культуры по монокультурной схеме развития эпохи ранних кочевников региона [Маннай-оол, 1970].

Наземная часть кургана, сооружённая из разномасштабных скальных пород, имела округлую в плане форму (рис. 1: 1)

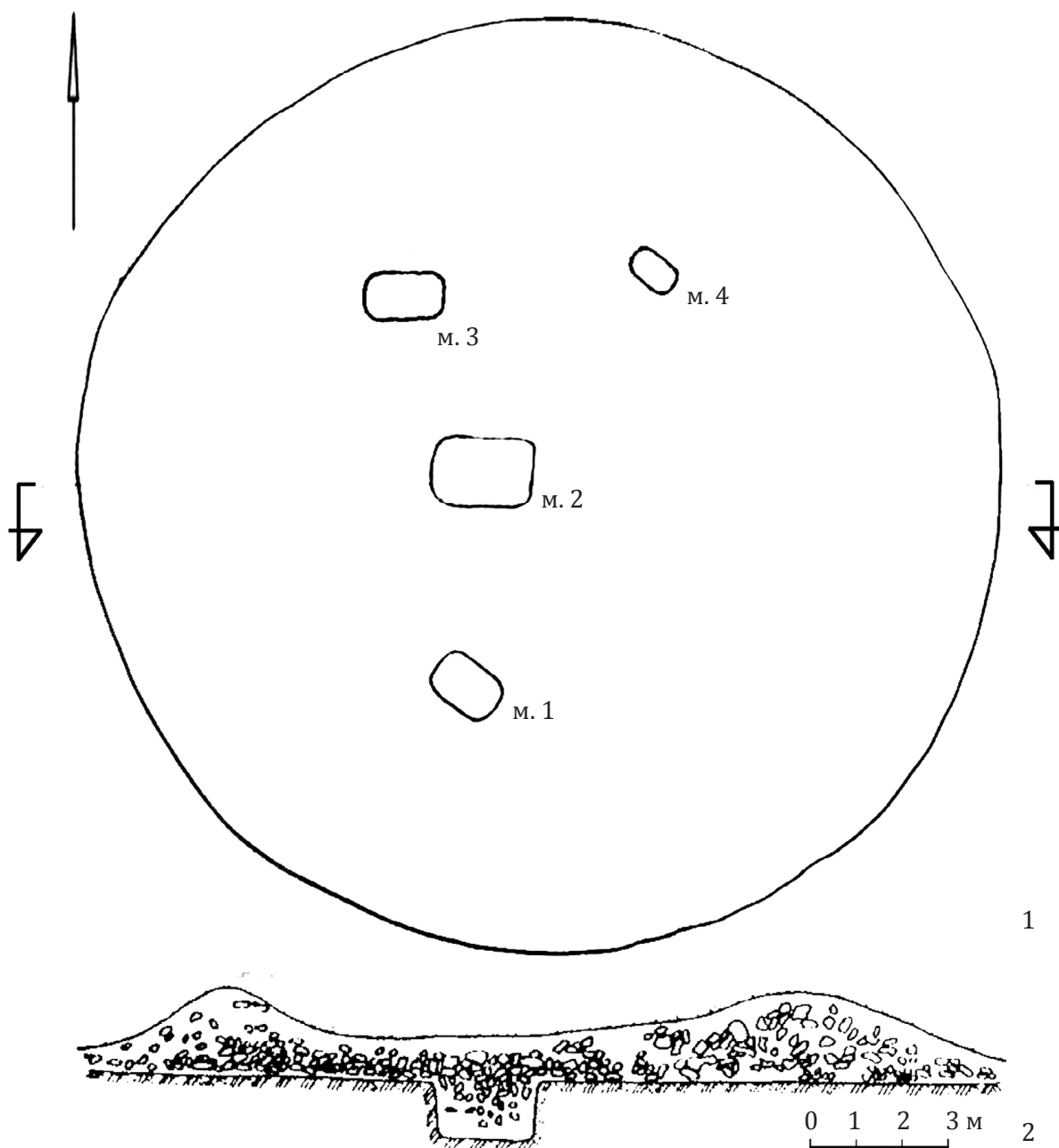

Рис. 1. Могильник на правом берегу р. Хут, курган № 1: 1 – план; 2 – разрез кургана

с грабительской воронкой посередине (рис. 1: 2). В насыпи встречались крупные речные гальки, которые, по-видимому, были принесены строителями кургана с берегов р. Хут. По архивным материалам сложно сказать, имел ли курган какие-нибудь архитектурные особенности наземной конструкции, например, ограду из камней, которая, как правило, фиксируется в погребальных комплексах алдыбельской культуры. К сожалению, на плане и разрезе она не прослеживается.

Планиграфия могил на площади кургана характерна для данной культуры – сопроводительные захоронения размещены вокруг центральной могилы (рис. 1: 1). Все могилы устроены в грунтовых ямах. Следует отметить, что М.Х. Маннай-оолом, к сожалению, не были сделаны индивидуальные разрезы могил (кроме могилы № 2) кургана. Внутри располагались погребения по обряду ингумации: три могилы – № 1, 2 и 3 (рис. 2: 1, 3; 4: 1) – являлись погребениями взрослых, а могила № 4 – детским захоронением. Погребальные позы единообразны: на левом боку с согнутыми в коленях ногами, головой на СЗ и З. Только могила № 2 (рис. 2: 1), которая являлась центральным погребением памятника, подвергалась ограблению в древности. Другие захоронения – могилы № 1, 3 (рис. 2: 3; 4: 1) и 4 – не имели следов ограбления, почти все кости оказались расположены в анатомическом порядке.

Комплекс сопроводительного инвентаря захоронений памятника представлен небольшим количеством вещей. Несмотря на это, можно отметить, что он весьма характерен и существенно дополняет материалы культуры раннескифского времени Тувы.

В могилах № 1, 2 и 3 найдено три бронзовых ножа, характерных для раннескифского времени Тувы и сопредельных регионов. Нож, найденный в могиле № 1 (рис. 2: 1), клиновидный в сечении, имеет прямую спинку и подпрямоугольное навершие. На лезвии предмета, благодаря консервирующим свойствам бронзы, сохранились остатки кожаных ножен. Предметы (рис. 2: 5; 3: 2) из двух других могил

имеют кольцевидные навершия и слегка изогнутые спинки, клиновидные в поперечнике. Можно сказать, что все ножи являются типичными для погребений алдыбельской культуры. Два ножа с кольчатым навершием имеют прямые аналогии в других комплексах культуры, например, они обнаружены в основном погребении – могила № 5 – кургана Аржан-2 [Čugunov et. al., 2010, Taf. 10, 1, 2], а также в могиле № 1 кургана у Ийской лесной школы в Тоджинской котловине. Нож из могилы № 1 имеет аналогии на всём протяжении скифского времени Тувы. Например, похожий нож был найден в одной из могил кургана № 2 могильника Торгалык I [Семёнов, 1993, рис. 2, 9]. То же можно сказать и про полированный каменный оселок (рис. 3: 3) из могилы № 3, – типичный атрибут воинского населения культуры, обнаруженный под левой бедренной костью погребённого.

Костяной предмет (рис. 2: 4) в виде конской ноги с копытом на окончании, найденный в могиле № 2 кургана, является во всей коллекции единственной находкой, выполненной в зверином стиле. По-видимому, это составная часть деревянного ковша, т.к. на внешней стороне имеется отверстие. Такие характерные отверстия, служившие для крепления ковша к деревянной основе, имеются, например, на костяной рукояти в виде головы копытного животного из могилы № 1 кургана № 4 могильника Усть-Хадынныг I в Западной Туве, а также на копытовидных рукоятях ковшей из могил № 5 и 20 Аржана-2 [Виноградов, 1980, рис. 1; Čugunov et. al., 2010, Taf. 112, 1]. Поделка из нефрита (?), к сожалению, не поступившая в фонды НМРТ, вероятно, могла быть украшением одежды погребённого. На обилие украшений из различных минералов в комплексах алды-бельской культуры указывал А.Д. Грач [1980, с. 26].

Находки предметов вооружения в могиле № 3 представлены проушным чеканом и комплектом наконечников стрел. В целом, на основании этих предметов можно судить о хронологии настоящего памятника.

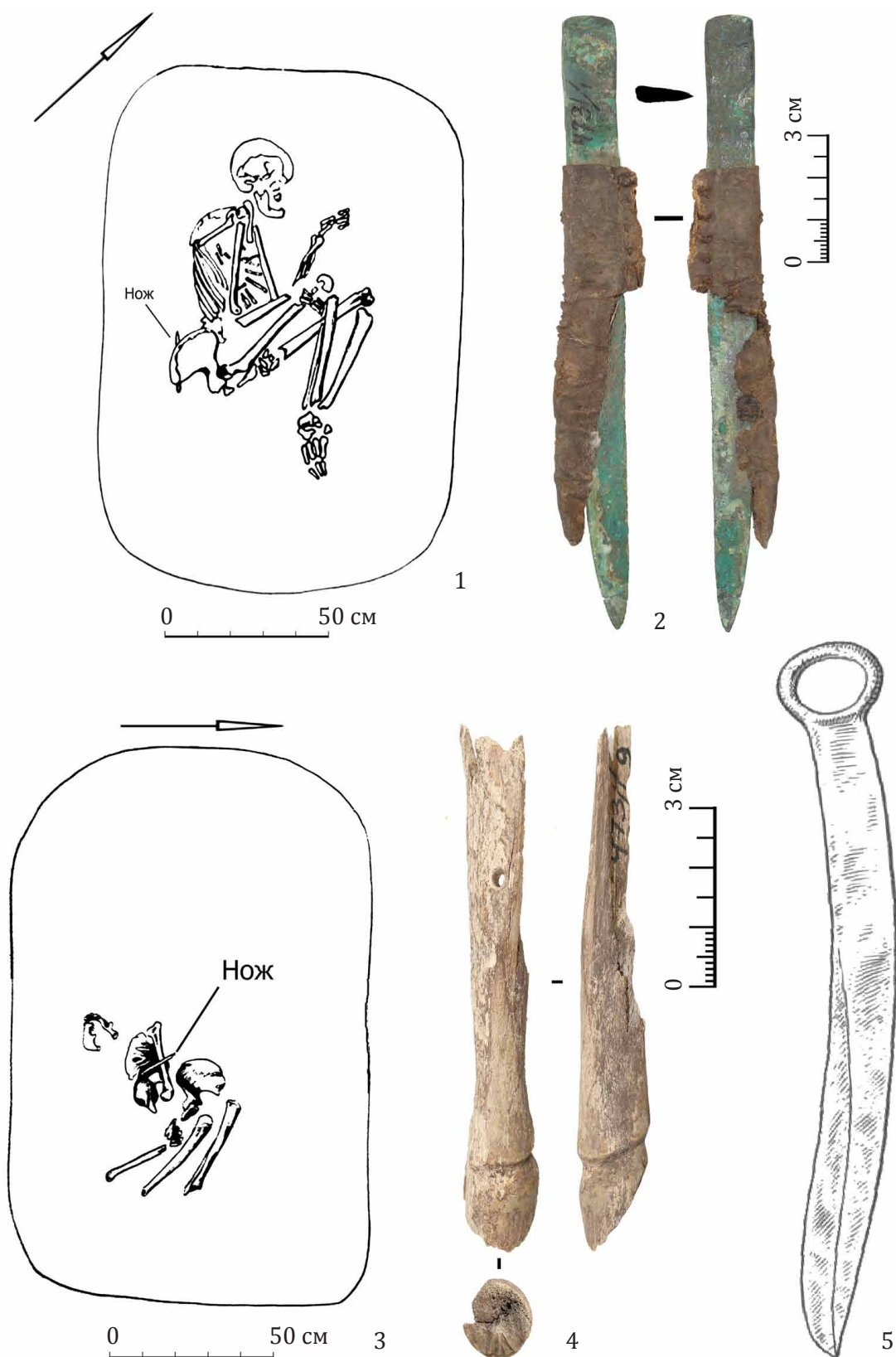

Рис. 2. Могильник на правом берегу р. Хут, курган № 1: 1, 2 – могила № 1 (1 – план могилы, 2 – нож); 3–5 – могила № 2 (3 – план могилы, 4 – поделка, стилизованная под конское копыто, 5 – нож (без масштаба), рисунок по: [Маннай-оол, 1970, рис. 7, 2]); 2 – бронза и кожа, 4 – кость, остальное бронза

Рис. 3. Могильник на правом берегу р. Хут, курган № 1. Могила № 3 и инвентарь: 1 – план могилы; 2 – нож; 3 – оселок; 4 – проушной чекан. 3 – камень, остальное бронза

Проушной чекан (рис. 3: 4) с плоским обухом, бойком с четырёхгранным остриём, а также с круглым отверстием на проушине, был опубликован в ряде работ исследователей [Чугунов, 2001, табл. 2, 2; Смирнов, 2004, рис. 2, 6]. Почти полной

анalogией этому предмету является бронзовый проушной чекан (рис. 4), обнаруженный М.Х. Маннай-оолом при случайных обстоятельствах в том же 1968 г. во время разведки, предшествовавшей раскопкам могильника. Он был сдан исследователем в музей вместе со всей коллекцией инвентаря и сейчас выставлен в экспозиции НМРТ. Этот предмет почти идентичен чекану из кургана и отличается лишь оформлением обуха, который имеет каплевидное отверстие в центре. Вокруг отверстия всю поверхность занимает барельефное изображение головок копытных животных (сайгаков?). Можно сказать, что оба чекана относятся к довольно редкому типу вооружения раннескифского времени не только Тувы, но и других регионов. Справедливы мнения К.В. Чугунова и Н.Ю. Смирнова о том, что находка чекана из могилы № 3 кургана на р.Хут может быть переходной формой от раннескифского времени к скифскому. А чертой, относящей данное оружие к раннескифскому времени, может являться отверстие для штифта на проушине [Чугунов, 2001, с. 175; Смирнов, 2004, с. 47]. Важно отметить, что комплекс по этой находке датируется Н.Ю. Смирновым началом третьего этапа алды-бельской культуры – конец VI в. до н.э. по культурно-хронологической схеме Д.Г. Савинова. Хотя не исключается возможность датировки последней четвертью VI в. до н.э. [Смирнов, 2004, с. 47].

Решающее значение для определения относительной хронологии памятника имеет комплект из 8 наконечников стрел, происходящих из этой же могилы. Анализ этих предметов ранее был проведён в работе К.В. Чугунова [2000, рис. 1, III, 3]. По мнению авторов, в ней имеются некоторые неточности, связанные, по-видимому, с графическим воспроизведением находок по фотографии из альбома отчёта, что привело исследователя к ошибочным выводам в отношении типологического состава данного комплекта [Чугунов, 2000, рис. III, 3]. В связи с этим представляется необходимым ещё раз проанализировать комплект наконечников.

Рис. 4. Случайная находка проушного бронзового чекана в районе р. Хут в 1968 г.

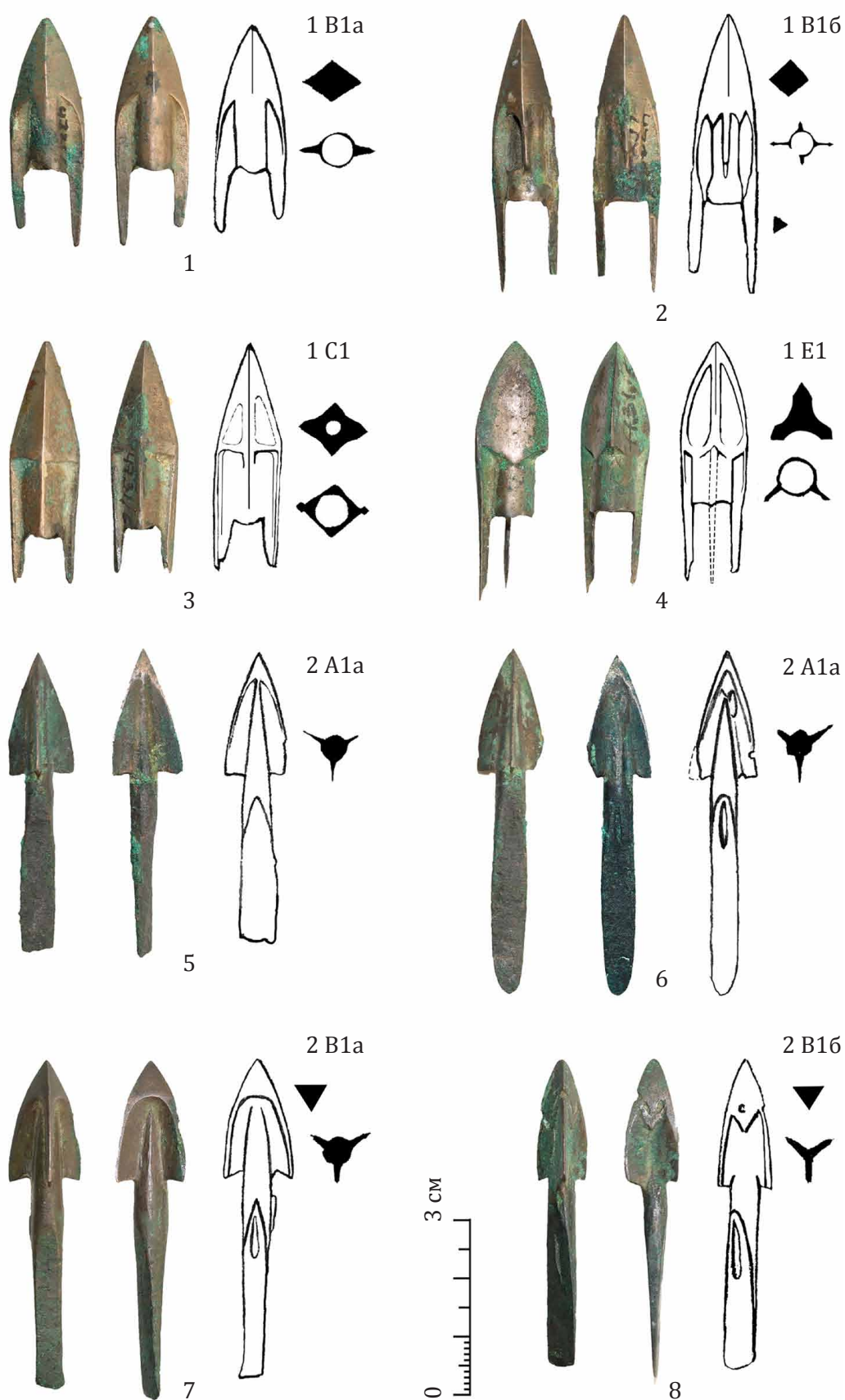

Рис. 5. Могильник на правом берегу р. Хут, курган № 1: 1-8 – комплект стрел из могилы № 3; бронза

Наконечники компактно располагались *in situ* у стоп погребённого и, вероятно, первоначально лежали в кожаном колчане, который истлел со временем. Все предметы можно описать, пользуясь классификационной схемой К.В. Чугунова [2011а, табл. 1; 2011б, табл. на с. 366]. В соответствии с ней набор можно разделить на две группы по насаду: втульчатые (1) и черешковые (2).

Группа втульчатых наконечников представлена тремя отделами по сечению – четырёхгранно-двухлопастные (В), ромбические (С) и трёхгранно-трёхлопастные (Е).

Тип 1 В1 подразделяется на два варианта.

Вариант а: наконечник (рис. 5: 1) со сводчатой головкой, с выделенной втулкой. От двух лопастей плавно опускаются тонкие шипы.

Вариант б: наконечник (рис. 5: 2) со сводчатой головкой с выделенной втулкой, основание четырёхгранного бойка имеет вильчатый узор; от боковых и центральных рёбер граней опускаются лопасти (центральные лопасти короче, доходят до центра головки), боковые плавно опускаются в виде тонких шипов.

Тип 1 С1: наконечник (рис. 5: 3) с башневидной формой головки и прямоугольными и треугольными выемками на гранях, от двух боковых рёбер наконечника опущены два шипа.

Тип 1 Е1: наконечник (рис. 5: 4) трёхгранно-трёхлопастной со сводчатой формой головки и выемками на гранях бойка, основание трёхгранного бойка имеет оформление в виде свисающего треугольника; от двух лопастей (третий сломан) плавно опускаются тонкие шипы.

Черешковые представлены двумя отделами – трёхлопастные (А) и трёхгранно-трёхлопастные (В).

Тип 2 А1: наконечники (рис. 5: 5, 6) с треугольной формой головки и без выделенного бойка, от острия вдоль ложков идет нервюра, являющаяся продолжением черешка. Нижняя часть лопастей срезана под прямым углом.

Тип 2 В1 подразделяется на два варианта.

Вариант а – наконечник черешковый трёхлопастной (рис. 5: 7) со сводчатой формой головки, с выделенным бойком. Основание бойка оформлено в виде арки, от него вдоль ложков головки наконечника идет нервюра, являющаяся продолжением черешка; нижняя часть лопастей срезана под небольшим углом к черешку в виде шипов.

Вариант б – наконечник (рис. 5: 8) со сводчатой формой головки с выделенным бойком, основание бойка оформлено в виде вильчатого узора; нижняя часть лопастей срезана под углом к черешку в виде шипов.

Приступая к анализу колчана из могилы, следует отметить, что комплект является характерным для развитого этапа алды-бельской культуры Тувы, где представлены разнообразные по типологическому составу наконечники стрел [Чугунов, 2000, с. 227–229; 2011а, с. 310–311].

Наконечники с втульчатым насадом в наборе представлены индивидуальными типами. Четырёхгранно-двухлопастной наконечник (рис. 5: 1) типа 1 В2а является весьма распространённым предметом колчанного набора Тувы в раннескифское время. Своим происхождением, по мнению К.В. Чугунова, они обязаны двухлопастным листовидным наконечникам с выделенным бойком и короткой втулкой, которые известны в памятниках Приаралья [Чугунов, 2011а, с. 313–314]. Аналогичные предметы в Туве обнаружены в двух комплексах, датируемых серединой и второй половиной VII в. до н.э.: один найден в колчане могилы № 26 Аржана-2 [Чугунов, 2011а, рис. 29], три, но башневидной формы – в могиле № 3 кургана № 1 могильника Сарыг-Булун [Семёнов, Килуновская, 1990, рис. 2, 29, 30]. Ещё три таких стрелы происходят из колчана, погребённого в могиле № 4 элитного кургана Чинге-Тэй I в Уюкской долине, предварительно датируемого началом VI в. до н.э. [Чугунов, 2011б, рис. 17, 1–3]. За пределами Тувы близкие по форме находки обнаружены в колчане могилы № 3 кургана № 2 могильника Иртыш 14 в Южном Зауралье [Таиров, 2007, рис. 41, 2–12] и сре-

ди случайных находок в Поволжье [Очир-Горяева, 1996, тип 1 (9)]. Комплекс кургана № 2 Иртыша 14 датируется А. Д. Таиловым в рамках VII–VI вв. до н.э. [Таиров, 2007, с. 128]. Ещё один типологический аналог публикуемому наконечнику происходит из стрелкового набора кургана 20 могильника Сакар-Чага 6 (конец VIII–VII в. до н.э.) в Присарыкамышье [Яблонский, 1996, рис. 17, 41].

Наконечнику типа 1 В16 (рис. 5: 2) полных соответствий на Верхнем Енисее не обнаружено. Единственная абсолютная аналогия этому предмету происходит из набора стрел кургана № 5 элитного тасмолинского некрополя Талды-2 в Центральном Казахстане [Bejsenov, 2013, Abb. 2, крайний справа]. Методом радиоуглеродного датирования по костям скелета получена дата этого памятника, находящаяся в интервале 800–540 гг. до н.э. (2σ) [Бейсенов, Китов, 2013, с. 72]. Полученные даты из памятника попадают на сложный участок «галыштатского плато», поэтому хронологическая позиция памятника довольно размыта. Верхний рубеж, вероятно, указывает на первую половину или середину VI в. до н.э., однако многочисленные соответствия находкам в Аржане-2 не позволяют сильно разносить по времени эти комплексы.

Башневидный четырёхгранный в сечении наконечник (рис. 5: 3) типа 1 С1, вероятно, представляет собой дальнейшее развитие четырёхгранных наконечников с ромбическим абрисом головки и резким перегибом граней, находимых в комплексах второй половины VIII – начала/середины VII в. до н.э. Они известны в колчанах памятников Верхнего Енисея (Тоора-Хем Вторая поляна, Баданка IV, Аржан-2) [Боковенко, 2014, рис. 12, 14–17; Дэвлет, 1971, рис. 7, в нижнем правом углу; Чугунов, 2011а, рис. 29], лесостепного Алтая (поселение Боровое III) [Тишкин, Кунгуров, Лихачёва, 2014, рис. 2, 12–15], Центрального Казахстана (могильник Карабулак) [Бейсенов, 2015, рис. 9] и Приаралья (могильники Уйгарак, Южный Тагискен, Сакар-Чага) [Яблонский, 2006, рис. 3]. Наиболее же близкие этому наконечнику по

форме предметы с перегибом граней, но сводчатым абрисом головки происходят из кургана Аржан-2 – в колчане могилы № 20 и кладе 2а [Чугунов, 2011а, рис. 29, 2]. Интересно, что эти два комплекса элитного мемориала были сооружены во время царских похорон, т.е. датируются серединой VII в. до н.э. [Чугунов, 2011а, табл. 3].

Последний из втульчатых наконечников типа 1 Е1 (рис. 5: 4) в работе К. В. Чугунова [2000, с. 218, рис. 1, III, 3] был определён как сводчатый четырёхгранно-двухлопастной. Действительно, под определённым углом наконечник имеет сходство с этим типом стрел из-за одной обломанной лопасти. Данная деталь наконечника была утрачена ещё в древности, а место утраты было аккуратно сточено до плоскости втулки. Есть достаточные основания считать, что типологическим предшественником такой формы могут выступать именно четырёхгранно-двухлопастные стрелы. Аналогия этому наконечнику имеется в колчане могилы № 3 погребально-поминального комплекса Чинге-Тэй I [Чугунов, 2011б, рис. 16, 14]. Единственным отличием этого экземпляра является небольшая длина шипов, отходящих от узких лопастей. Также есть основания считать, что типологическим развитием или вариантом данного типа наконечников, вероятнее всего, является находка трёхгранно-трёхлопастного экземпляра с башневидным абрисом головки из колчана могилы № 5 кургана № 2 Сарыг-Булуна [Семёнов, Килуновская, 1990, рис. 4, 4]. Также можно отметить ещё два близких по форме наконечника, один происходит из кургана № 9 могильника Куйлуг-Хем [Грач, 1980, рис. 86], другой – из уюкско-саглынского кургана № 2 могильника Чарга на правом берегу р. Улуг-Хем [Семёнов и др., 1995, рис. 2–20].

Группа черешковых наконечников является типичной для колчанных комплексов алды-бельской культуры Тувы. Интересны два наконечника типа 2 А1 с треугольной формой головки без выделенного острия из набора (рис. 5: 5, 6). В общих чертах установлено, что на Верхнем Енисее они начинают бытовать, вероятно, в пост-

аржанское время [Чугунов, 2000, с. 228]. Предметы, аналогичные нашим, к примеру, встречаются в колчанах могил № 13а, 20 погребально-поминального комплекса Аржан-2 [Чугунов, 2011а, табл. 1, тип 2 А1]. За пределами Тувы похожие типы стрел бытуют в памятниках раннесакского времени Приаралья и урало-казахстанских степей несколько раньше, примерно с начала/середины VIII в. до н.э. Отметим некоторые комплексы этих двух указанных регионов. В Приаралье такие находки найдены в колчане кургана № 39 могильника Уйгарак [Вишневская, 1973, табл. XIII, 19–28, XXV, 38, 39]. Данный памятник датировался О. А. Вишневской VII–VI вв. до н.э., но присутствие двухлопастных и четырёхгранных стрел позволяет говорить о конце VIII – первой половине VII в. до н.э. В Центральном Казахстане аналогичные наконечники найдены в составе колчана в кургане № 9 могильника Карабулак (VIII в. до н.э.) [Бейсенов, 2015, рис. 9]. Верхняя граница существования наконечников этого типа в Туве устанавливается в рамках первой половины или середины VI в. до н.э. В частности, такая находка имеется в составе колчана (26 наконечников) потревоженного кургана № 9 могильника Куйлуг-Хем I в Центральной Туве [Грач, 1980, рис. 86].

Экземпляр со сводчатой головкой и с арочным основанием бойка – тип 2 В1а (рис. 5: 7), представлен широко в колчаных комплексах культуры и в других регионах восточной части скифского мира, начиная со второй половины VIII – первой половины VII в. до н.э. по первую половину VI в. до н.э. Сводчатый наконечник стрелы с арочным основанием бойка, аналогичный нашему, был обнаружен в упомянутом выше памятнике – кургане у Ийской лесной школы в Тоджинской котловине, в составе второго колчанного набора в могиле № 3 [Дэвлет, 2004, рис. 9, 7]. Комплекс датируется VII в. до н.э. [Чугунов, 2011а, с. 312]. Следует сказать, что в той же котловине был найден ещё один набор, включавший три черешковых трёхлопастных, четыре двухлопастных и два пулевидных втульчатых бронзовых наконечника из частично разграбленного кургана № 2 могильника Тоора-Хем Вторая поляна, датируемых, по мнению К. В. Чугунова, второй половиной VIII – первой половиной VII в. до н.э. [Дэвлет, 2005, рис. 5–7; Чугунов, 2011а, с. 311]. Черешковые наконечники из этого комплекса имеют очертания, близкие предмету из публикуемого колчана, отличаясь формой основания лопастей, которые срезаны под тупым углом от черешка.

Последний наконечник черешковой группы – со сводчатой формой головки и вильчатым основанием бойка типа 2 А16 (рис. 5: 8). Можно сказать, что наконечники данного типа существуют довольно длительное время. Наиболее близкий по конфигурации наконечник происходит из колчана ранней могилы № 20 (середины – вторая половина VII в. до н.э.) кургана Аржан-2 [Чугунов, 2011а, табл. 1]. Подобный наконечник также происходит из колчана могилы № 5 позднего кургана № 2 Сарыг-Булуна на правом берегу Енисея в Центральной Туве. Памятник датировался авторами исследований V в. до н.э. [Семёнов, Килуновская, 1990, с. 46], но в настоящее время эта дата памятника пересмотрена и предложена другая – начало/первая половина VI в. до н.э. [Чугунов, 2011б, с. 367]. Следует отметить, что за пределами Тувы наконечники данного типа широко представлены в колчанах тасмолинской культуры Центрального Казахстана. В частности, близкие по форме наконечники обнаружены в кургане 5ж могильника Карамурун I [Кадырбаев, 1966, рис. 59, 6]. Памятник на момент публикации датировался VII–VI вв. до н.э. [Кадырбаев, 1966, с. 378], в настоящее время удрежён на столетие [Бейсенов, 2015, с. 24].

Приведённые аналогии наконечникам стрел из памятников Тувы и востока скифского мира показывают довольно длительное время бытования типов стрел из могилы № 3 кургана 1. Сочетание двух трёхлопастных черешковых (рис. 5: 1, 2) и одного втульчатого (рис. 5: 3) наконечников, судя по аналогиям, указывает на нижнюю границу – VII в. до н.э. Вместе с тем, на самое начало VI в. до н.э. указывают

пять наконечников набора: два со сводчатой головкой четырёхгранно-двухлопастные (рис. 5: 7, 8), один трёхгранно-трёхлопастной (рис. 5: 6) с втульчатыми насадами, а также два трёхгранно-трёхлопастных черешковой группы. Следовательно, нет оснований в настоящий момент относить данный колчан к ранней группе стрел, что было сделано в работе К.В. Чугунова [2000, с. 222, рис. III; 2011а, с. 314].

Резюмируя сказанное, можно в общих чертах определить относительное время сооружения памятника. Трёхгранно-трёхлопастной (рис. 5: 4) наконечник стрелы из могилы № 3 публикуемого кургана, по всей видимости, может указывать на самое начало видоизменения состава колчанов алды-бельской культуры. К.В. Чугунов предполагает появление этих стрел в начале VI в. до н.э., однако экземпляр, обна-

руженный в комплексе со стрелами, характерными для VII в. до н.э., позволяет говорить, что это происходит на рубеже столетий [Чугунов, 2011б, с. 358]. Соответственно, рубеж VII–VI вв. до н.э. может являться, вероятнее всего, узкой датой сооружения публикуемого памятника, чему не противоречит и находка проушного чекана, который относится к переходному типу.

В заключении следует отметить, что публикуемый комплекс является, вместе с погребальными сооружениями раннескифского времени могильника Баданка IV в Усинской котловине [Боковенко, 2014], самым северным памятником алды-бельской культуры. Таким образом, можно говорить о широком освоении территории Тувы рядовым населением данной культурной традиции после распада так называемого аржанского союза племен.

Литература

- Боковенко Н.А. Археологические памятники скифской эпохи Усинской котловины в Западном Саяне: культурно-хронологическая интерпретация // Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. Памяти Вадима Михайловича Массона. Труды ИИМК РАН. СПб.: ИИМК РАН, Арт-экспресс, 2014. Т. XLII. С. 372–392.
- Бейсенов А.З., Китов Е.Г. Могильник тасмолинской культуры Талды II в Центральном Казахстане // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. История. 2013. № 4 (28). С. 71–85.
- Бейсенов А.З. Поселения и могильники сакской эпохи Центрального Казахстана // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии. Алматы: Бегазы-Тасмола, 2015. С. 11–38.
- Вишневская О.А. Культура сакских племён низовьев Сырдарьи в VII–VI вв. до н.э. // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. VIII. М. 1979. 160 с.
- Виноградов А.В. Памятник алды-бельской культуры в Туве // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1980. С. 60–64.
- Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука, 1980. 256 с.
- Дэвлет М.А. Археологические исследования в Тодже в 1970 году // Учёные записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. 1971. Вып. XXI. С. 250–263.
- Дэвлет М.А. Об изображении серёг на оленных камнях и реальном прототипе из раскопок в Тодже // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М.: ИА РАН, 2004. С. 22–50.
- Дэвлет М.А. Курганы скифского времени «Тораа-Хем Вторая поляна» в Тоджинском хошуне Тувы // Теория и практика археологических исследований. 2005. Вып. 1. С. 104–112.
- Маннай-оол М.Х. Тува в скифское время (уюкская культура). М.: Наука, 1970. 117 с.
- Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука Казахской ССР, 1966. С. 303–428.
- Очир-Горяева М.А. Наконечники стрел кочевников Нижнего Поволжья // Российская археология. 1996. № 1. С. 41–54.
- Семёнов В.А., Килуновская М.Е. Новые памятники раннего железного века в Туве // Информационный бюллетень Международной ассоциации исследователей культур Центральной Азии. 1990. Вып. 17. С. 36–47.

Семёнов В. А., Килуновская М. Е., Чугунов К. В. Археологические исследования на правом берегу Улуг-Хема // Южная Сибирь в древности. Археологические изыскания. СПб.: ИИМК РАН, 1995. Вып. № 24. С. 23–30.

Савинов Д. Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея. Археологические культуры и культурогенез. СПб.: СПбГУ, 2002. 204 с.

Смирнов Н. Ю. К вопросу о чеканах раннескифского времени Саяно-Алтая // Альманах молодых археологов. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2004. С. 41–52.

Таиров А. Д. Ранние кочевники Урало-казахстанских степей в VII–VI вв. до н.э. Челябинск: ЮУрГУ, 2007. 274 с.

Тишкин А. А., Кунгуров А. Л., Лихачёва О. С. Рентгенофлюоресцентный анализ металлических наконечников стрел аржано-майэмирского времени с поселения Боровое-III (Верхнее Приобье) // Теория и практика археологических исследований. 2014. № 2. С. 96–112.

Чугунов К. В. Бронзовые наконечники скифского времени Тувы // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. Сборник статей к 60-летию М. Л. Подольского. СПб.: СПбГУ, 2000. С. 213–238.

Чугунов К. В. Локально-хронологические особенности культуры Тувы в середине I тысячелетия до н.э. // Евразия сквозь века. Сборник научных трудов, посвященный 60-летию со дня рождения Д. Г. Савинова. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2001. С. 173–178.

Чугунов К. В. Аржан-2: реконструкция этапов функционирования погребально-поминального комплекса и некоторые вопросы его хронологии // Российский археологический ежегодник. 2011а. № 1. С. 262–335.

Чугунов К. В. Дискретность постройки царских мемориалов Тувы и хронология раннескифского времени // Terra Scythica: материалы международного симпозиума. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011б. С. 358–369.

Шульга П. И. Ранние костяные наконечники стрел из курганов скифского времени на Алтае // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2002. С. 43–61.

Яблонский Л. Т. Саки Южного Приаралья (археология и антропология могильников). М.: ИА РАН, 1996. 181 с.

Яблонский Л. Т. Материалы для классификации наконечников стрел раннесакского типа // Древности скифской эпохи. Материалы по археологии России. 2006. № 7. С. 277–296.

Bejsenov A. Die nekropole Taldy 2 in Beziehung zu den Kulturen der frühsakischen Zeit Osteuropas // Unbekanntes Kasachstan. Archäologie im Herzen Asiens. Bochum: DBM, 2013. Band II. S. 595–608.

Čugunov K. V., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Fürstengraban Aržan 2 in Tuva. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 2010. 330 S. (Archäologie in Eurasien. Band 26).

УДК 902/904

НОВОРОМАНОВСКАЯ ПИСАНИЦА: ДЕСЯТЬ ЛЕТ ПОСЛЕ РАСЧИСТКИ ОТ ЛИШАЙНИКОВ

И. Д. Русакова*Музей-заповедник «Томская Писаница»;**Институт экологии человека, Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН*

В работе представлены результаты мониторинга плоскостей с петроглифами Новоромановской писаницы, осуществляемого с 2008 г. В 2007–2008 гг. на памятнике была проведена расчистка изображений от биообрастателей. За прошедшие десять лет плоскости с петроглифами снова покрылись колониями лишайников. В статье анализируются причины этого явления и предлагаются пути решения проблемы.

Ключевые слова: петроглифы, Новоромановская писаница, документирование, лишайники, расчистка

NOVOROMANOV ROCK ART SITE: TEN YEARS AFTER CLEARING OFF THE LICHENS

I. D. Rusakova*Museum-Reserve "Tomskaya Pisanitsa";**Institute of Human Ecology, Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry, SB RAS*

The paper presents the results of monitoring and documenting of the surfaces with petroglyphs on the Novoromanovo rock art site since 2008. In 2007–2008, clearing off the lichens was conducted at the site. Ten years later, the surfaces are again covered with lichens. The paper deals with the causes of this phenomenon and suggests solutions of the problem.

Keywords: petroglyphs, Novoromanovo rock art site, documenting, lichens, clearing

В 2007–2008 гг. совместной экспедицией Института экологии человека СО РАН и музея-заповедника «Томская Писаница» была проведена расчистка плоскостей с петроглифами Новоромановской писаницы от лишайников и мхов [Ковтун, Русакова, Мухарева, 2011]. Прошло десять лет, и сегодня мы можем подвести первые итоги мониторинга состояния плоскостей в этот временной промежуток (рис. 1–7)¹.

После 2008 г., когда была проведена основная работа по расчистке и документированию петроглифов, мы возвращались сюда в разное время и имели возможность наблюдать происходящие изменения.

В 2009 г., через год после удаления лишайников, никаких существенных изменений в сторону возобновления биообра-

стания выявлено не было. В этот год был зафиксирован высокий уровень половодья, в результате которого часть плоскостей с петроглифами была затоплена водами Томи. Это плоскости групп I и IV, расположенные ниже основного массива (рис. 5: 4).

В 2011 г. на некоторых плоскостях стали заметны талломы вновь появившихся лишайников (рис. 2: 2; 6).

В 2017 г. уже практически на всех ранее расчищенных плоскостях II–V групп наблюдалась реколонизация лишайников. Часть плоскостей покрылась своеобразным серым налётом (рис. 1: 9; 4: 2), на многих участках развилась достаточно богатая лишенофлора (рис. 1: 3; 3: 3; 4: 4; 5: 3), местами появились мхи (рис. 3: 3; 4: 4). Чтобы иметь возможность внести уточнения

¹ Для иллюстраций были использованы фото автора разных лет, а также фото И. В. Ковтуна (2005, 2008, 2009 гг.), А. Н. Мухаревой (2008 г.), И. В. Аболонковой (2018 г.). Благодарю их за сотрудничество.

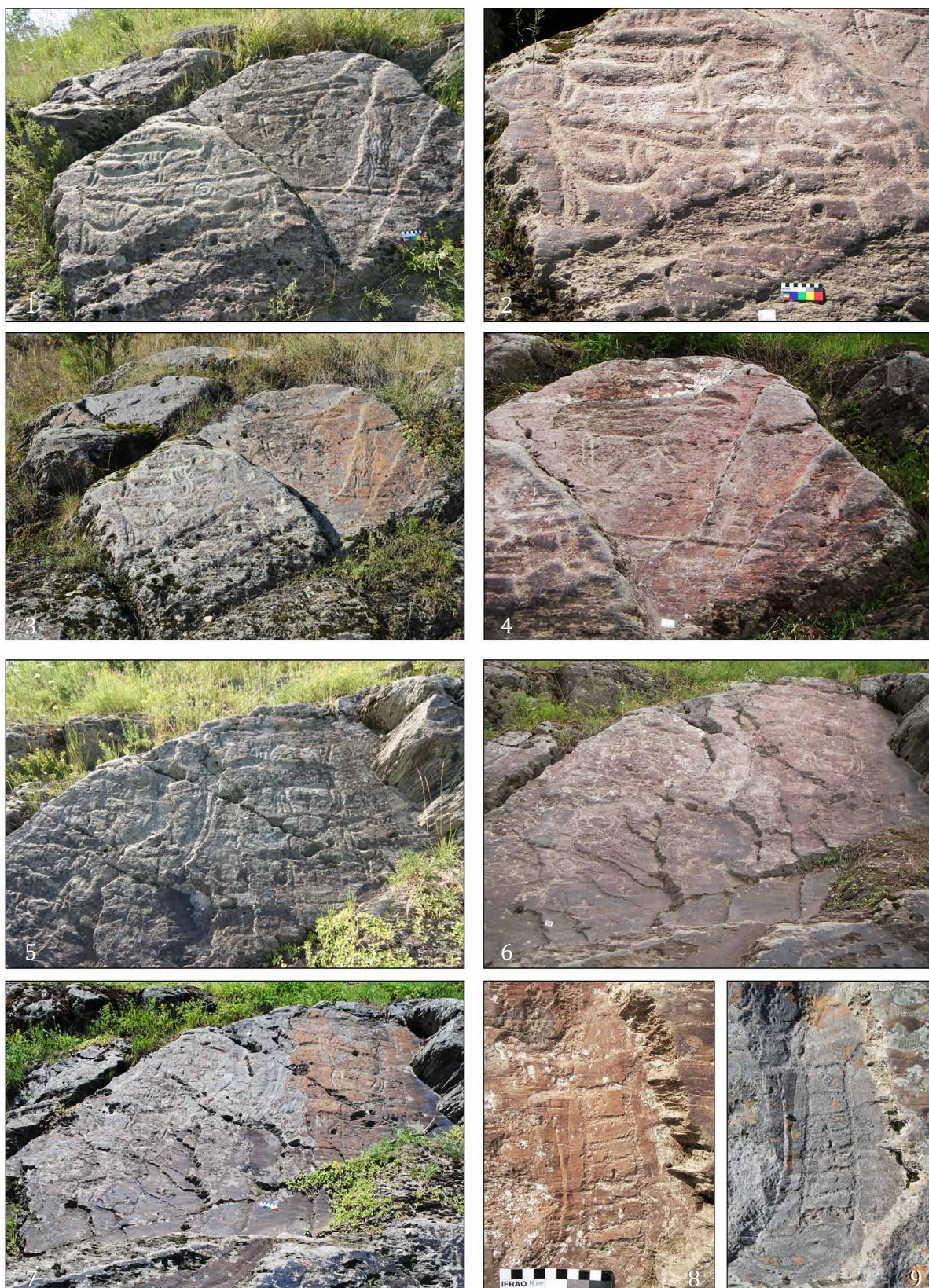

Рис. 1. Плоскости 9, 10, 15, II группа Новоромановской писаницы: 1 – II.9 и II.10, фото 2005 г., 2 – II.9, фото 2008 г.; 3 – II.9 и II.10, фото 2017 г., 4 – II.10, фото 2008 г.; 5 – II.15, фото 2005 г., 6 – II.15, фото 2008 г.; 7 – II.15, фото 2017 г.; 8 – II.15 (фрагмент, «лестница»), фото 2008 г.; 9 – I.15 (фрагмент, «лестница»), фото 2018 г.

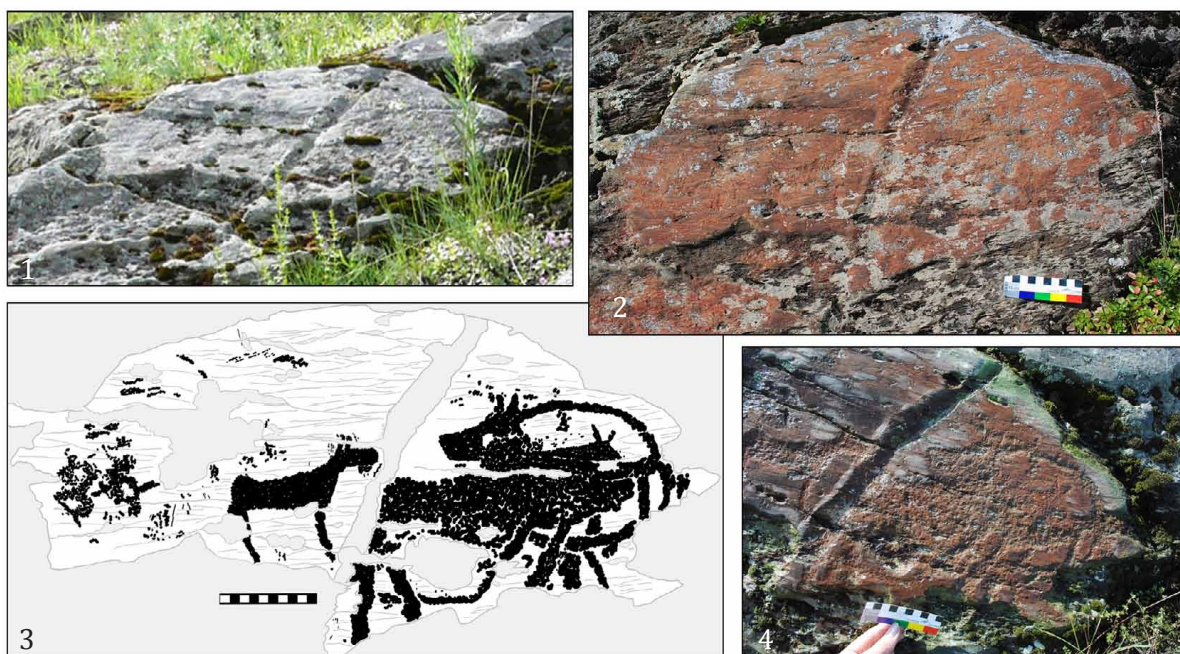

Рис. 2. Плоскость 19, II группа Новоромановской писаницы: 1 – фото 2005 г.; 2 – вновь появившиеся талломы лишайников, фото 2011 г.; 3 – прорисовка; 4 – влажная плоскость после новой расчистки, фото 2017 г.

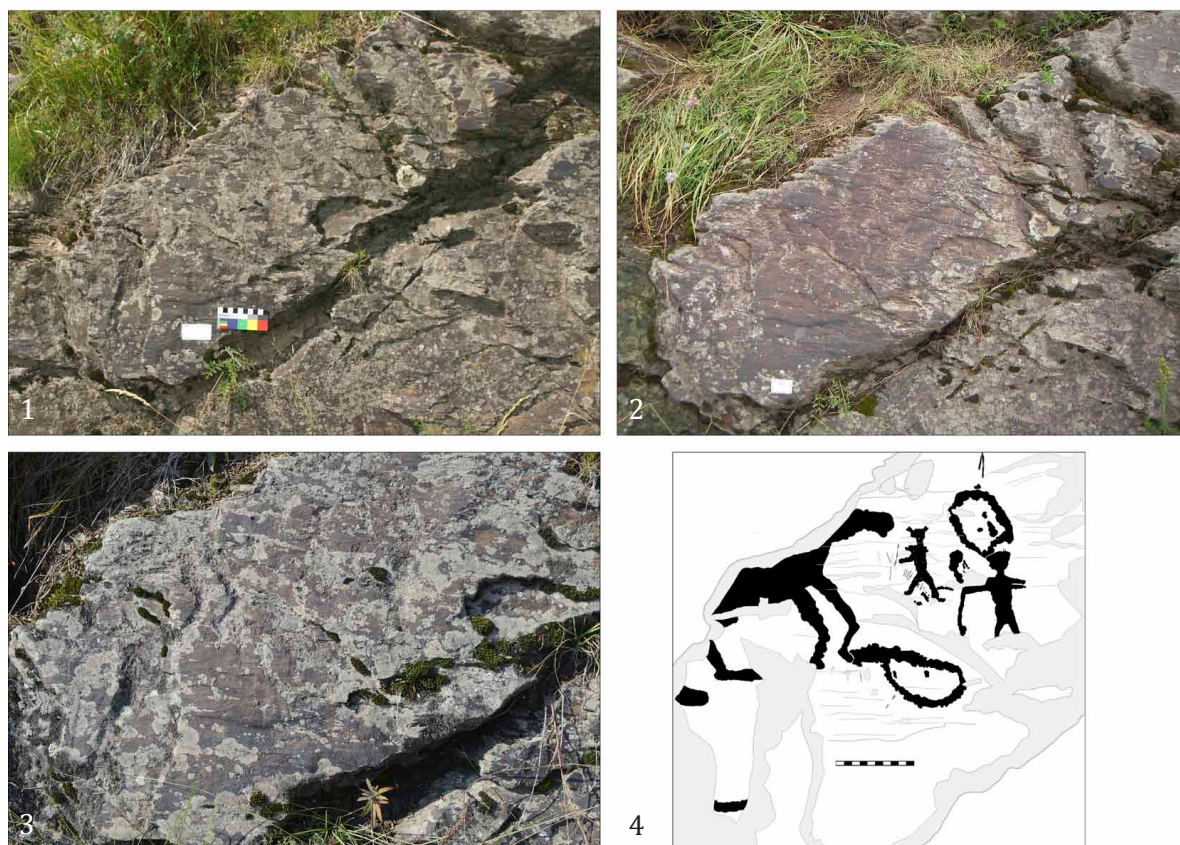

Рис. 3. Плоскость 20, II группа Новоромановской писаницы: 1 – до расчистки, фото 2008 г.; 2 – после расчистки видны светлые пятна – остатки талломов лишайников, фото 2008 г.; 3 – реколонизация лишайников и мхов, фото 2017 г.; 4 – прорисовка 2017 г.

в прорисовки некоторых плоскостей, нам совместно с И. В. Ковтуном и А. С. Сизёвым пришлось заново их расчищать (рис. 2; 3; 7).

Петроглифы Новоромановской писаницы, входящие в группы II–V, более, чем другие писаницы Томи, подвержены биодеструкции. Причины особой предрасположенности памятника к биообрастанию уже отмечались нами ранее. Это целый ряд факторов, способствующий высокой степени увлажнённости плоскостей: положительный угол наклона, отсутствие естественной защиты от осадков и стекающей воды, близость реки [Ковтун, Русакова, Мухарева, 2011, с. 140]. К этому следует добавить минералого-петрографические особенности скального массива. В его

структуре, по-видимому, содержится большое количество рыхлых включений, относительно легко вымываемых водой. Это привело к формированию на каменных поверхностях многочисленных углублений, в которых постоянно скапливается вода (рис. 7).

Ещё один фактор, способствующий активному биологическому обрастанию – сильно нарушенная естественная патина. Как известно, патина формируется на скалах в течение тысячелетий и имеет более высокие прочностные характеристики, чем основной массив камня. Биообрастателям трудно найти на ней благоприятную для себя среду, и они начинают селиться в первую очередь там, где патина

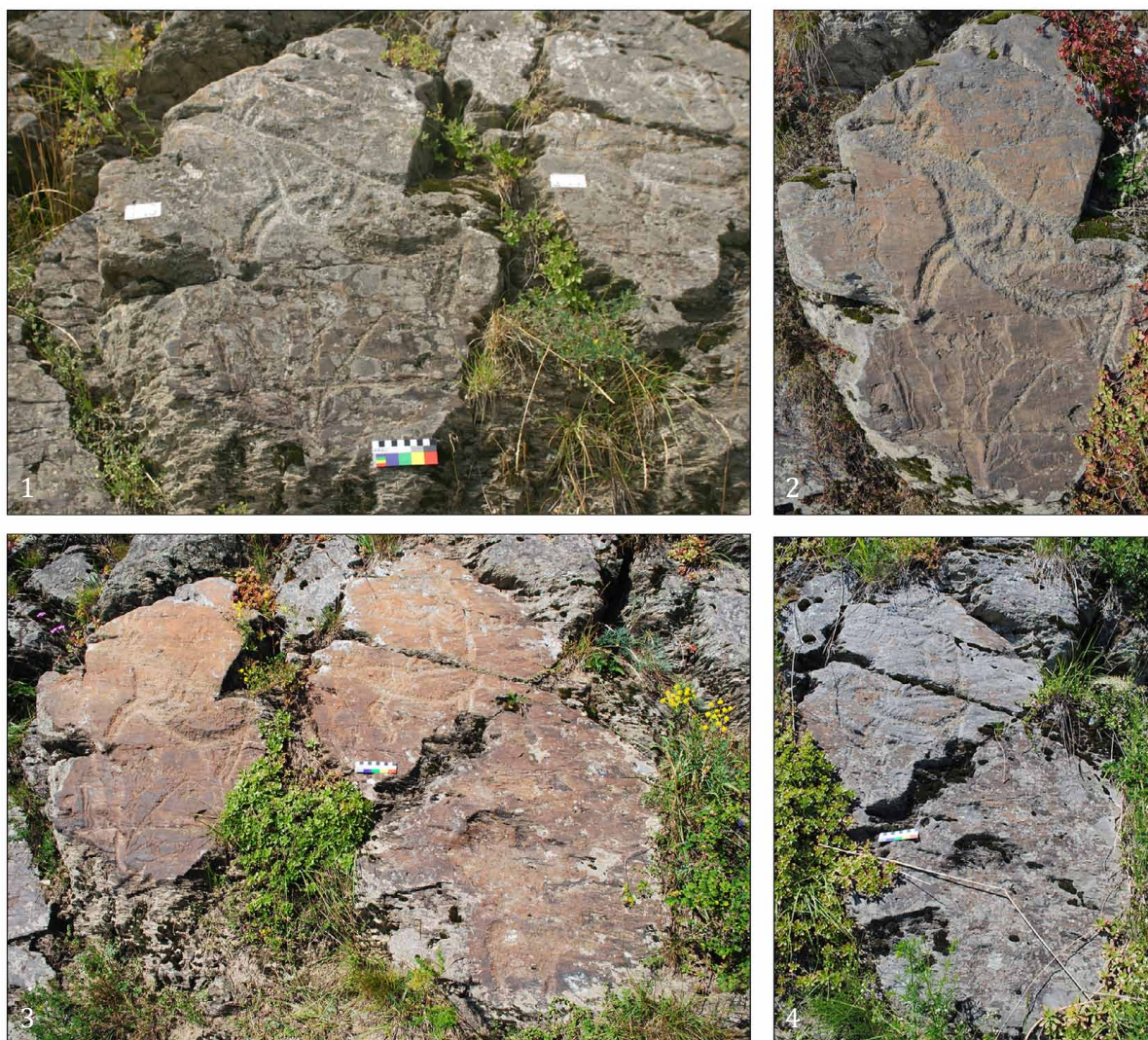

Рис. 4. Плоскости 25–27, II группа Новоромановской писаницы: 1 – II.25 и II.26, фото 2005 г.; 2 – II.25, фото 2018 г.; 3 – II. 25–II.27 после расчистки, фото 2008 г.; 4 – II. 26 и II.27, фото 2017 г.

нарушена. На плоскостях Новоромановской писаницы весьма незначительное количество участков с сохранившейся патиной. Она повреждена как вследствие естественных причин (большое количество вымытых углублений, трещин и др.), так и вследствие нанесения рисунков.

Следует учитывать также, что расчистка лишайников проводилась, по сути, механическим путём. Химические вещества были применены только на подготовительном этапе: для размягчения талломов лишайников на них наносились компрессы с раствором перекиси водорода; плоскости покрывались полиэтиленовой плёнкой на несколько часов, после чего производилась собственно расчистка с помощью заострённых деревянных палочек и капроновых щёток [Ковтун, Русакова, Мухарева, 2011, с. 141]. Этот метод был отработан на разных памятниках наскального искусства Восточной Сибири, Енисея, Чукотки, а также на Томской писанице [Агеева, Ребрикова, Кочанович, 2004, с. 119; Ребрикова, 2004, с. 126; Агеева, Кочанович, Миклашевич, Мухарева, 2007, с. 11; Агеева, Кочанович, Миклашевич, 2008, с. 21, 22]. Он продолжает достаточно широко применяться и в настоящее время.

Однако накипные лишайники, даже после предварительного размягчения, очень сложно удалить полностью. При том, что перекись водорода имеет биоцидные свойства [Агеева, Кочанович, Миклашевич, 2008, с. 22], после финальной промывки плоскостей большим количеством воды, её на скальной поверхности практически не остаётся. На Новоромановской писанице после расчистки на многих участках остался тончайший слой талломов в виде пятен зеленоватого или белёсого оттенков (рис. 1: 4). Подобный факт подтверждают и другие исследователи, когда-либо занимавшиеся расчисткой лишайников на памятниках наскального искусства. Чтобы полностью избавиться от слоевищ, необходима долговременная тщательная работа не только с применением компрессов с насыщенным раствором перекиси во-

дорода и аммиака, но и с использованием пароструйного аппарата, как это было сделано на некоторых участках Томской писаницы [Агеева, Кочанович, Миклашевич, Мухарева, 2007, с. 11, 12; Агеева, Кочанович, Миклашевич, 2008, с. 21–25]. Однако далеко не всегда исследователи имеют в своем распоряжении все названные временные, рабочие и материальные ресурсы.

По наблюдениям биологов, на плоскостях, искусственно расчищенных от лишайников, зачастую начинается ускоренная их реколонизация, т.к. на этих участках ранее существовавшими здесь колониями уже подготовлен необходимый для жизни субстрат².

Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов факта, что вокруг расчищенных петроглифов на Новоромановской писанице находится большое количество плоскостей без рисунков, остающихся под плотными слоями разного рода биообрастателей.

Вероятно, весь комплекс вышеобозначенных факторов и обусловил стремительную реколонизацию лишайниками скальных плоскостей Новоромановской писаницы, расчищенных в 2008 г.

Необходимо, однако, отметить, что не все плоскости памятника подвергаются биологическому заселению с одинаковой скоростью. Так, например, плоскости II.9 и II.10, расположенные на одном скальном выходе и разделённые лишь мощной скальной складкой, были интенсивно покрыты лишайниками, расчищенными в 2008 г. (рис. 1: 1, 2, 4). В 2017 г. мы наблюдали следующую картину: плоскость II.9 уже практически полностью покрывалась слоем лишайников, а плоскость II.10 была заселена ими на отдельных участках, в основном в виде серого налёта (рис. 1: 3). Плоскость II.15, поверхность которой была полностью заселена лишайниками, расчищенными в 2008 г. (рис. 1: 5, 6), к 2017 г. была покрыта ими на три четверти (рис. 1: 7). На иллюстрациях видно, что в случаях с плоскостями

² Благодарю Д. Ю. Власова за консультацию по данному вопросу.

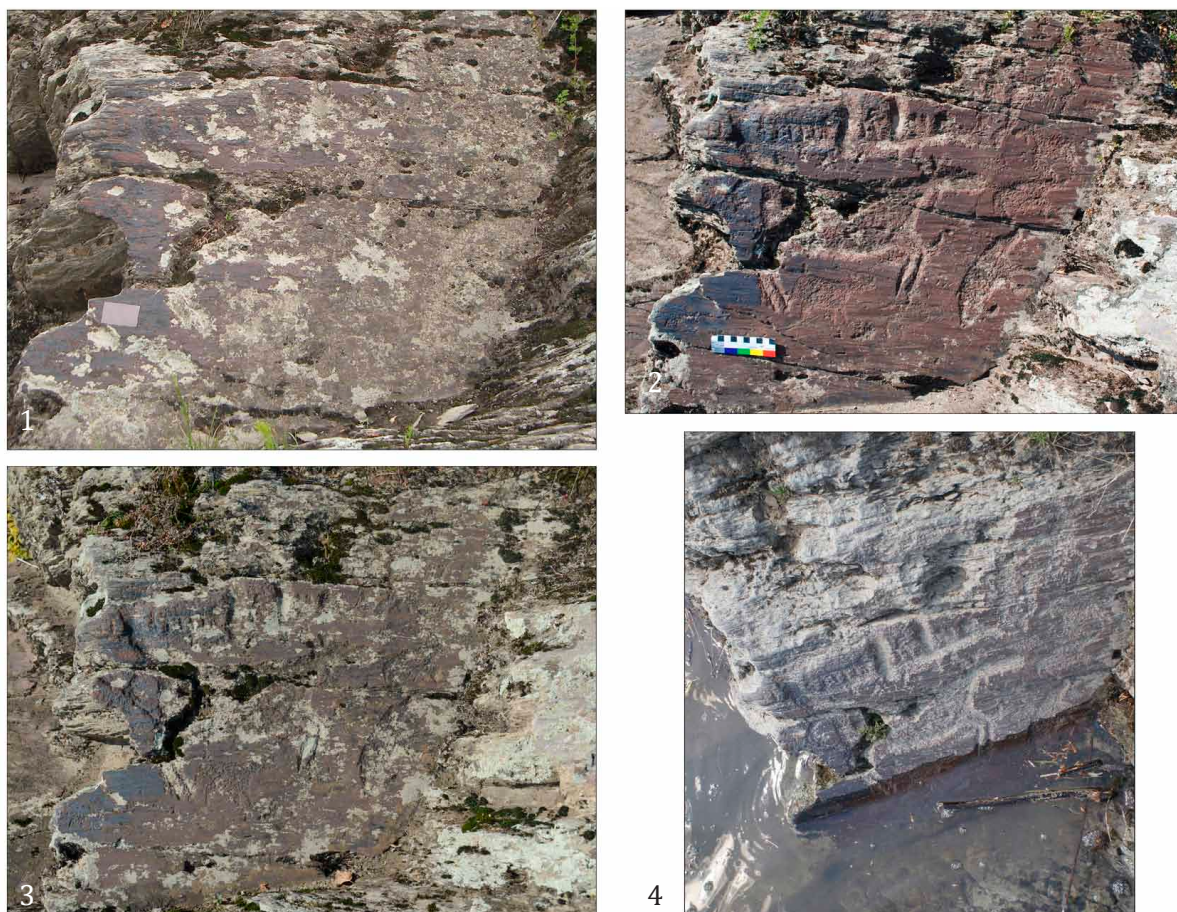

Рис. 5. Плоскость 3, IV группа Новоромановской писаницы: 1 – фото 2005 г.; 2 – фото 2008 г.; 3 – фото 2018 г.; 4 – фото 2009 г. (во время половодья Томи в мае)

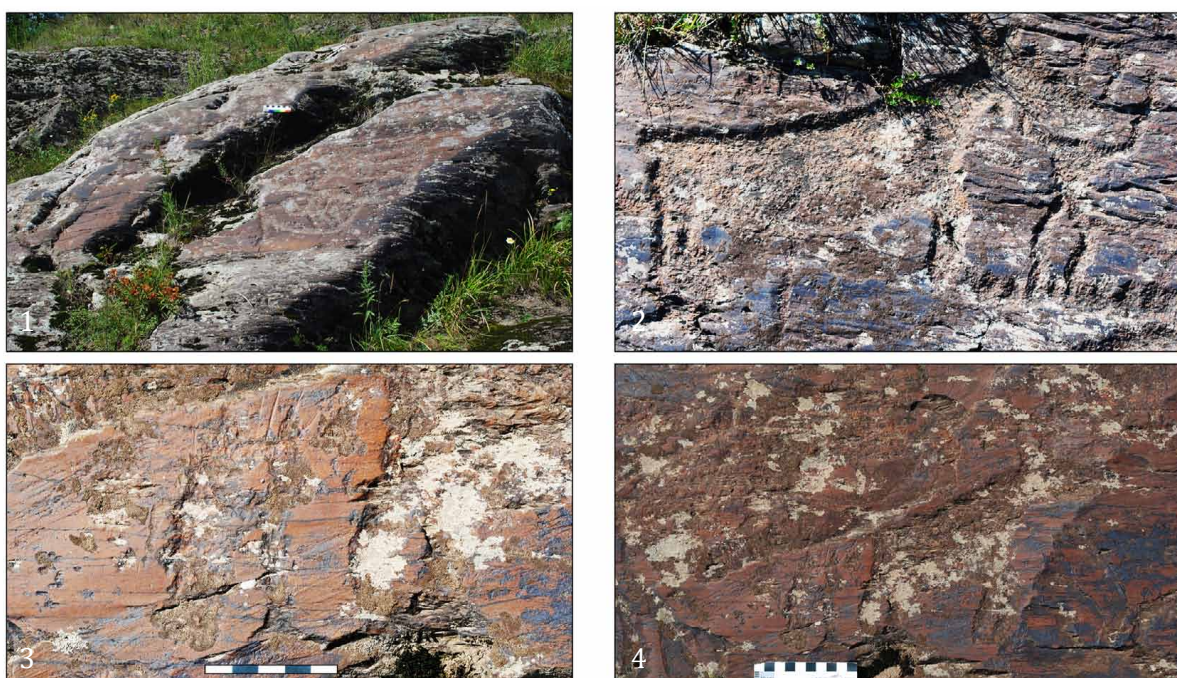

Рис. 6. Участки плоскостей II группы Новоромановской писаницы с вновь появившимися талломами лишайников, фото 2011 г.: 1 – II.2 и II.3; 2 – II.24 (фрагмент); 3, 4 – II.15 (фрагменты)

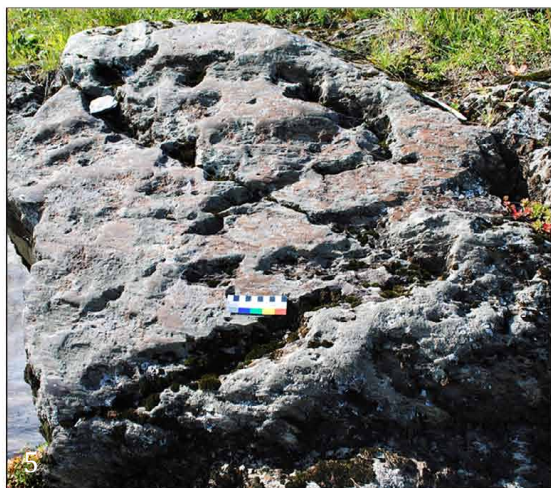
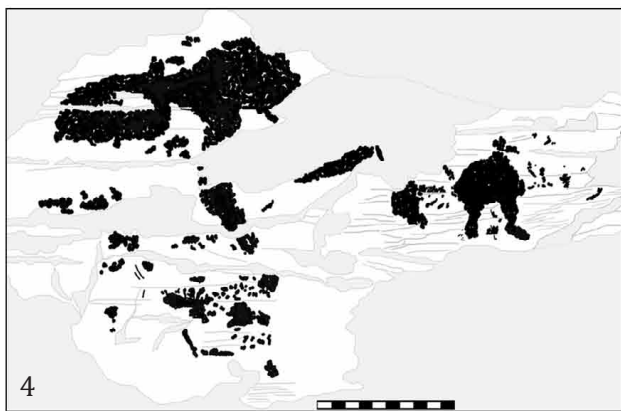
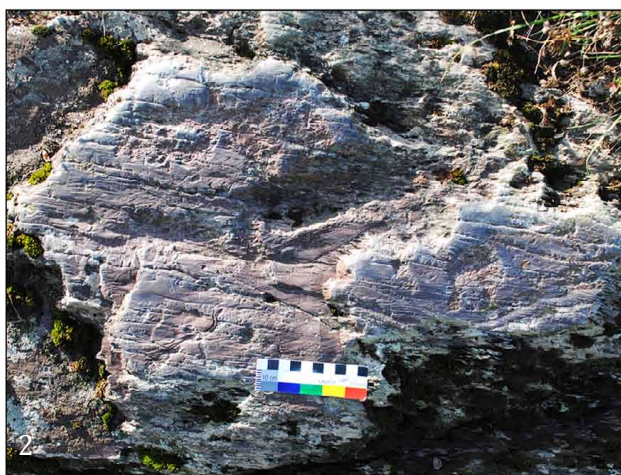
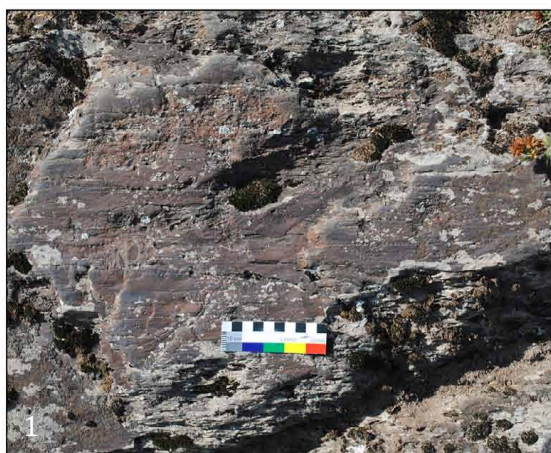

Рис. 7. Плоскости 11 и 18, II группа Новоромановской писаницы, фото 2017 г.: 1 – II.11 до расчистки; 2 – II.11 после расчистки; 3 – II.11, прорисовка, среди остатков выбивки определяется голова, лося; 4 – II.18, прорисовка, среди остатков выбивки определяется голова лося; 5 – II.18 до расчистки; 6 – II.18 после расчистки

II.9, II.10 и II.15 на участках, имеющих более высокое расположение, реколонизация происходит не так активно, как на расположенных ниже.

Для плоскостей II.25–II.27 ситуация несколько иная (рис. 4). Одинаково расчищенные в 2008 г. (рис. 4: 3), в настоящее время они сильно отличаются друг от друга по степени обрастания. На плоскости II.25 покрыты серым «налётом» фрагменты на верхнем участке (рис. 4: 2), а плоскости II.26 и II.27 покрыты лишайниками практически полностью (рис. 4: 4). Неравномерность биозаселения прослеживается и на других плоскостях.

Таким образом, подводя предварительные итоги мониторинга состояния Новоромановской писаницы, следует акцентировать внимание на следующем. Памятник находится в очень сложной ситуации, обусловленной, в первую очередь, его природным положением и минералогическими особенностями скального массива. Здесь особенно выражена разрушительная роль лишайников. В 2008 г., при промывании плоскостей водой после расчистки мы наблюдали их окрашивание в красновато-коричневый цвет. В последующие годы в лунках рядом с расчищенными плоскостями вода также была окрашена в подобный тон. По всей видимости, это мельчайшие частицы разрушенной породы, образовавшиеся в процессе жизнедеятельности лишайников. Соответственно, вместе с камнем разрушаются и рисунки, на нём расположенные.

Все эти процессы, происходящие на Новоромановской писанице, требуют скрупулёзного изучения. Чтобы предохранить петроглифы от дальнейшего активного биологического заселения и последующего разрушения, необходимо снова провести масштабную расчистку, практически в полной мере повторив работы 2007–2008 гг.

При расчистке необходимо использовать химические средства, не только смягчающие талломы, но и предотвращающие их дальнейший рост, при этом экологически безопасные. Новый состав смывки рекомендован специалистами из Санкт-Петербурга, он был применен на Томской писанице и показал свою эффективность [Власов, Конончук, Щигорец, 2016, с. 18, 19; 46–49; 70–74].

В последующем для предупреждения роста лишайников необходимо наносить на плоскости биоцидные препараты с периодичностью один раз в два – три года.

Чтобы предотвратить процессы ускорения выветривания камня, могущие возникнуть после удаления лишайников, необходима обработка плоскостей камнеукрепителями.

Однако эти меры могут оказаться недостаточными для сохранения памятника. Расчищенные плоскости, на которых петроглифы становятся хорошо заметными, привлекают внимание отдыхающих и рыбаков, часто посещающих место расположения писаницы в летний период. Поэтому необходимо также прорабатывать вопрос об её охране.

Источники

Агеева Э. Н., Кочанович А. В., Миклашевич Е. А., Мухарева А. Н. Проведение комплексных консервационных мероприятий, направленных на нейтрализацию процессов разрушения памятника наскального искусства Томская писаница. Отчёт о НИР № 07-10/3-3303 от 07.08.2007. М., 2007. 52 с. // Научный архив музея-заповедника «Томская Писаница». Ф. 4. Оп. 1. Д. 115.

Агеева Э. Н., Кочанович А. В., Миклашевич Е. А. Организация и проведение консервационных и строительно-монтажных работ, необходимых для реставрации объекта культурного наследия федерального значения – памятника наскального искусства «Томская писаница». Отчёт по госконтракту №53-01-41/04-ПХ от 18.08.2008. М., 2008. 85 с. // Научный архив музея-заповедника «Томская Писаница». Ф. 4. Оп. 1. Д. 116.

Власов Д. Ю., Конончук К. В., Щигорец С. Б. Научно-реставрационный отчёт. Томская писаница. Плоскость № 3 и № 8. Кемерово, 2016. 82 с. // Научный архив музея-заповедника «Томская Писаница». (Без №).

Литература

Агеева Э. Н., Ребрикова Н. Л., Кочанович А. В. Опыт консервации памятников наскального искусства Сибири // Памятники наскального искусства Центральной Азии. Общественное участие, менеджмент, консервация, документация. Алматы: UNESCO, НИПИ ПМК, 2004. С. 116–122.

Ковтун И. В., Русакова И. Д., Мухарева А. Н. Предварительные результаты расчистки от лишайников петроглифов Новоромановской писаницы // Наскальное искусство в современном обществе (к 290-летию научного открытия Томской писаницы). Материалы международной научной конференции. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011. Т. 1. С. 140–148. (Труды САИПИ. Вып. VIII).

Ребрикова Н. Л. Проблемы контроля биоповреждений петроглифов // Памятники наскального искусства Центральной Азии. Общественное участие, менеджмент, консервация, документация. Алматы: UNESCO, НИПИ ПМК, 2004. С. 123–127.

УДК 903.07.31

ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ХРОНОЛОГИЯ ШАЛАБОЛИНСКИХ ПЕТРОГЛИФОВ (РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА ПАЛИМПСЕСТОВ НА ЦЕНТРАЛЬНОМ УЧАСТКЕ ПИСАНИЦЫ)

А. Л. Заика¹, Л. В. Зоткина²¹Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева;²Новосибирский государственный университет;²Институт археологии и этнографии СО РАН

В статье подробно анализируется одна из плоскостей Шалаболинской писаницы (плоскость 10 участка 4). Рассматривается история изучения этой плоскости, даётся общая характеристика изображений, предлагается стратиграфический анализ на основе визуального и стилистического изучения её содержания. Кроме того, в статье даны первые результаты трасологического анализа шести участков пересечений различных изображений плоскости. Трёхмерная визуализация и сопоставление характера следов пикетажа позволяют по-новому взглянуть на последовательность выполнения петроглифов и предложить новые данные для последующих дискуссий.

Ключевые слова: Шалаболинская писаница, петроглифы, наскальное искусство, трасология, 3D

RELATIVE CHRONOLOGY OF THE SHALABOLINO PETROGLYPHS (RESULTS OF ANALYSIS OF SUPERIMPOSITION IN THE CENTRAL PART)

A. L. Zaika¹, L. V. Zotkina²¹Krasnoyarsk State Pedagogical University;²Novosibirsk State University;²Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

The paper presents the detailed analysis of one panel of the Shalabolino rock art site (panel 10, section 4). General description of the images and the history of the research is given. The authors also propose a stratigraphic study based on visual and stylistic analysis of the imagery. Besides, the paper includes some preliminary results of technical and traceological study of 6 areas of superimpositions on the panel. Three-dimensional visualization and comparison of the features of pecked surface allows us to reconsider our views on the sequence of creating the petroglyphs and to propose new data for the further discussions.

Keywords: the Shalabolino site, petroglyphs, rock art, technical traceological analysis, 3D

Работа выполнена при поддержке грантов Президента РФ №: 17-1-007814

*«Сохранение и популяризация объекта культурного наследия Шалаболинская писаница» и
№ МК-1344.2017.6 «Тенденции развития технологий в наскальном искусстве Минусинской котловины».*

Шалаболинские петроглифы расположены на правом берегу р. Тубы (правый приток р. Енисей), на высоком (до 200 м) крутом береговом скальном массиве, сложенном девонскими песчаниками, который имеет протяжённость в северо-восточном направлении около 2,5 км. Береговые утёсы начинаются в 0,6 км к ЮВ от д. Ильинки и заканчиваются выше по тече-

нию р. Тубы в устье р. Шушь, в 5 км к ЮЗ от с. Шалаболино. Всего насчитывается около 500 плоскостей с рисунками, которые встречаются на всём протяжении скального массива на различных высотах от 1,5 до 50 м от августовского уреза воды. Границы памятника охватывают значительную территорию: по линии ЮЗ–СВ – 1950 м, по линии СЗ–ЮВ – 100 м.

Изображения выполнены в различной технике: минеральными красителями (охрой), путём выбивки, шлифовки, гравировки. Нередки случаи комбинированного сочетания различных техник при выполнении рисунка. Скопления петроглифов локализованы на 8 участках скальных обнажений. Разделённые территориально, они имеют естественные границы в виде мощных осыпей скальных пород, ложбин, участков прижима реки.

История научного исследования Шалаболинских петроглифов насчитывает более полутора веков [Дроздов, Заика, 2005]. Наиболее полный набор эстампажей с подробнейшим описанием петроглифов впервые сделал крупнейший исследователь на скального искусства Среднего Енисея А. В. Адрианов [1904, 1910]. Частично материалы исследований были опубликованы К. В. Вяткиной [1949]. С 1977 г. в течение трёх лет писаница изучалась Петроглифическим отрядом Южносибирской археологической экспедиции КемГУ под руководством Б. Н. Пяткина [Пяткин, Капелько, 1978; Пяткин, 1980]. В состав отряда входил профессиональный художник В. Ф. Капелько, которым был разработан оригинальный метод копирования на скальных изображений на микалентную бумагу [1986], прекрасно себя зарекомендовавший и позволивший копировать петроглифы максимально точно и объективно в большом объёме и довольно быстро. Результаты изучения Шалаболинских петроглифов нашли своё отражение в диссертационном исследовании [Пяткин, 1982] и монографии [Пяткин, Мартынов, 1985].

Несмотря на всю полноту и объективность многолетних изысканий, а также достоверность полученной информации, памятник требует более углубленного и детального исследования на современном уровне развития науки, уточнения известных данных, анализа новой информации о петроглифах. Особенно актуальны в настоящее время вопросы датировки на скальных рисунков.

Интерес представляет многофигурная композиция (плоскость 10) на центральном (четвёртом) участке писаницы, на примере которой представляется возмож-

ным определить относительную хронологию на скальных рисунков путём анализа палимпсестов, планиграфии изображений и степени скального «загара» (патинизации).

Впервые данная плоскость была выявлена и скопирована в 1910 г. А. В. Адриановым. Копировку Александр Васильевич производил контактным способом, используя метод эстампирования. Наложив многослойно на петроглифы смоченную «пропускную» бумагу, он затем «пробивал» её щёткой, чтобы добиться желаемого оттиска на скальных рисунков, которые проявлялись в «негативном» виде. «Что делать с эстампажами? Для издания их можно фотографировать, но с изнанки, и в таком случае негатив придется перевернуть; можно и к помощи рисовальщика прибегнуть, а вернее и то, и другое» [цит. по: Дэвлет, 2004, с. 40]. Впоследствии К. В. Вяткина для публикации сделала выкопировку Шалаболинских эстампажей, которые хранятся в Музее антропологии и этнографии (г. Санкт-Петербург). По наблюдениям М. А. Дэвлет, К. В. Вяткина при копировании «под эстамп подкладывала лист бумаги, а затем по контуру изображений делала наколы тонкой иглой, которая протыкала насквозь эстамп и бумагу под ним, после чего на бумаге можно было обводить намеченный абрис карандашом или тушью» [Дэвлет, 2004, с. 40–41]. Соответственно, при такой выкопировке не учитывалась последовательность нанесения рисунков, сами они не отличались высокой точностью, в их разряд нередко попадали естественные выбоины и выломы скальных пород (рис. 1), что отразилось и в описаниях, сделанных исследовательницей [Вяткина, 1949, с. 449–452].

Повторно плоскость 10 была обнаружена в 2004 г. участниками археологического отряда КГПУ во время расчистки нижнего яруса скальных обнажений от растительности, скальных обвалов и наносного грунта [Заика и др., 2004; Заика, 2007, с. 36, 37, рис. 15; Заика, Дроздов, 2008]. Причиной выбора места для расчистки явились факты обнаружения фрагментов петроглифов по верхней кромке осыпей.

Рис. 1. Прорисовки плоскости 10 участка 4 Шалаболинской писаницы (по: [Вяткина, 1949, с. 449, 451])

На первом этапе работ была проведена расчистка осыпей и прилегающей территории берега путем вырубki и выкорчевки древесной и кустарниковой растительности [Заика и др., 2004].

На втором этапе производилась выборка грунта (крупнообломочный материал) на глубину 2–3 м (у основания скалы) до условного уровня площадки подножия. Разборка осыпей производилась вручную и с использованием кирок, лопат, ломов, огородных тяпок. Участки, прилегающие непосредственно к скальным плоскостям, расчищались руками, деревянными инструментами, щётками. Сыпучий грунт заполнения скальных ниш разбирался послойно совками, зачищался кистями и затем просеивался в металлических сетках (ячея 2×2 мм). Обнаруженный материал нивелировался, заносился на план, фиксировался на фото и видео.

На третьем этапе составлялся горизонтальный контур и вертикальный разрез обнажившихся скальных плоскостей, графически фиксировались плоскости с петроглифами.

На завершающем этапе после подготовки скальных обнажений (обработка щётками и водой) осуществлялось контактное копирование петроглифов на микалентную бумагу и прозрачные материалы (полиэтилен, плёнка «ORACAL»), фото- и видеофиксация рисунков, описание петроглифов.

Плоскость 10 является продолжением общего скального фриза нижнего яруса скальных обнажений, находится за грани-

цей скальной ниши (ширина 0,5 м), имеет протяжённость 2,7 м и ширину 0,8–0,9 м, условно разделена вертикальной трещиной на два участка – «а» и «б» (рис. 2: 1).

Плоскость 10а (1,5 × 0,8 м) ровная, вертикальная, обращена на ЮВ (аз. 50°), разделена горизонтальной трещиной (рис. 2: 2).

В верхней части плоскости представлены контурные фигуры лосей, маралов, быка, силуэтная фигура лося, волка, выполненных в «ангарском» (№ 2, 14, 15, 17) и «минусинском» (№ 11, 12) стилях. Комбинированное сочетание стилей характерно для контурной фигуры лося (№ 6), которая перекрывает силуэт профильного изображения птицы (№ 5). В линейном стиле выполнена фигура небольшого животного (№ 45). Между фигурами животных помещены фронтальные и профильные изображения людей (№ 1, 3, 7, 8, 9, 13, 16), фрагменты лодок (№ 4, 18).

В нижней части плоскости находится крупное контурное изображение лося (№ 44), которое перекрывает силуэтные фигуры людей (№ 25, 29, 33, 34, 36), контурные и силуэтные изображения копытных животных (№ 17, 21, 27, 30, 40, 38), рисунок рыбы (№ 35), изображение лодки (№ 26). У одной профильной антропоморфной фигуры показан гравированный многолучевой головной убор (№ 29). Слева от фигуры лося находится силуэтный рисунок другого лося, выполненный в «ангарском» стиле (№ 22). Изображение выполнено поверх фронтальной фигуры человека в «рогатом» головном уборе (№ 24), контурного рисунка быка (?) (№ 21),

головы сохатого (№ 23). Справа и ниже крупной контурной фигуры лося (№ 44) выявлены силуэтные фронтальные антропоморфные изображения (№ 37, 39, 43), голова животного (№ 41), линейная фигура копытного животного (№ 42). По нижнему срезу плоскости (край облома скальных пород) видны фрагменты рисунков лосей (№ 21, 23, 28), быка (?) (№ 38).

Плоскость 10б (1,1×0,9 м) ровная, вертикальная, обращена на ЮВ (аз. 50°), разделена горизонтальной и диагональной трещинами (рис. 2: 3). В верхней части плоскости виден фрагмент лодки с шестью «пассажирами» (№ 3), неполные контуры маралов и лосей (№ 1, 2, 12, 13, 14), силуэтная фигура быка (№ 11.), ориентированная, в отличие от других животных, в левую сторону. Привлекает внимание контурное изображение оленя с ветвистыми рогами (№ 6). Слева от него помещены силуэтная и контурная фронтальные антропоморфные фигуры (№ 4, 5). В центральной части плоскости выполнены поверх других рисунков силуэтные изображения двух лосей в «минусинском» стиле, но с рядом иконографических признаков, характерных для «ангарской» традиции (№ 21, 37). Они перекрывают фронтальные фигуры людей (№ 19, 22, 27, 46), силуэтные и контурные изображения животных (№ 18, 20, 38, 34, 40). Над ними показаны контурные фигуры лосей (№ 23, 40) и других животных (№ 39, 44), фрагменты нижней части антропоморфных фигур (№ 41, 42). Под изображениями лосей выявлены контурные фигуры маралов, лосей, хищника (медведь?), ориентированные в правую сторону (№ 16, 17, 26, 24, 30, 31, 34). В противоположную сторону обращено животное, выполненное в «скелетном» стиле путём гравировки (№ 35). Выявлены также три антропоморфные фигуры, выполненные в комбинированной технике (№ 15, 28, 29).

Анализ внутренней стратиграфии рисунков свидетельствует о том, что наиболее древний («нижний») пласт петроглифов занимает основную площадь плоскости и представлен антропоморфными фигурами (!), показанными в различном

ракурсе (фас, профиль, фас-профиль) (рис. 2: 2 – изображения № 7, 9, 13, 16, 24, 25, 33, 34, 36, 39; рис. 2: 3 – изображения № 19, 22, 27, 33, 41, 42). У двух фигур показаны «хвосты», что не характерно для петроглифов Среднего Енисея; а также укороченные верхние конечности, которые встречаются у архаичных антропоморфных образов на Шалаболинской писанице. У других фигур зафиксированы головные уборы в виде одного или двух «рогов». Две фигуры показаны в процессе совокупления (рис. 2: 2 – изображения № 33, 34). Примечательно, что ряд фигур сопряжён с округлыми предметами (рис. 2: 2 – изображения № 9, 13, 25, 29). По всей видимости, в это же время были выполнены контурные изображения «грузных» животных, фрагментарно сохранившихся по нижнему краю плоскости, и фигура медведеподобного существа (рис. 2: 3 – изображение № 45).

Стратиграфически и планиграфически определяется следующий пласт рисунков, который связан с зооморфными образами, выполненными в традиции «минусинского» стиля. Они, как правило, показаны не полностью. Основной акцент древние художники делали на краниальной части животных и прилегающих участках тела, нередко показанных «пунктирно» (рис. 2: 2 – изображения № 11, 12, 40; рис. 2: 3 – изображения № 1, 2, 12, 14, 24, 38). Возможно, в это время появились изображения лодок.

Практически одновременно, судя по композиционному построению и стратиграфии рисунков, формируется комплекс изображений животных, выполненных в классическом «ангарском» стиле, в его несколько стилизованном варианте, а также в комбинированном сочетании ангарских и минусинских традиций (рис. 2: 2 – изображения № 2, 6, 14, 17, 20, 22, 23, 27, 28, 44; рис. 2: 3 – изображения № 6, 21, 23, 24, 34, 37, 40).

Следующий изобразительный слой связан с проявлениями «классической» окуневской культуры. В это время появляются многолучевой головной убор у центральной профильной динамичной

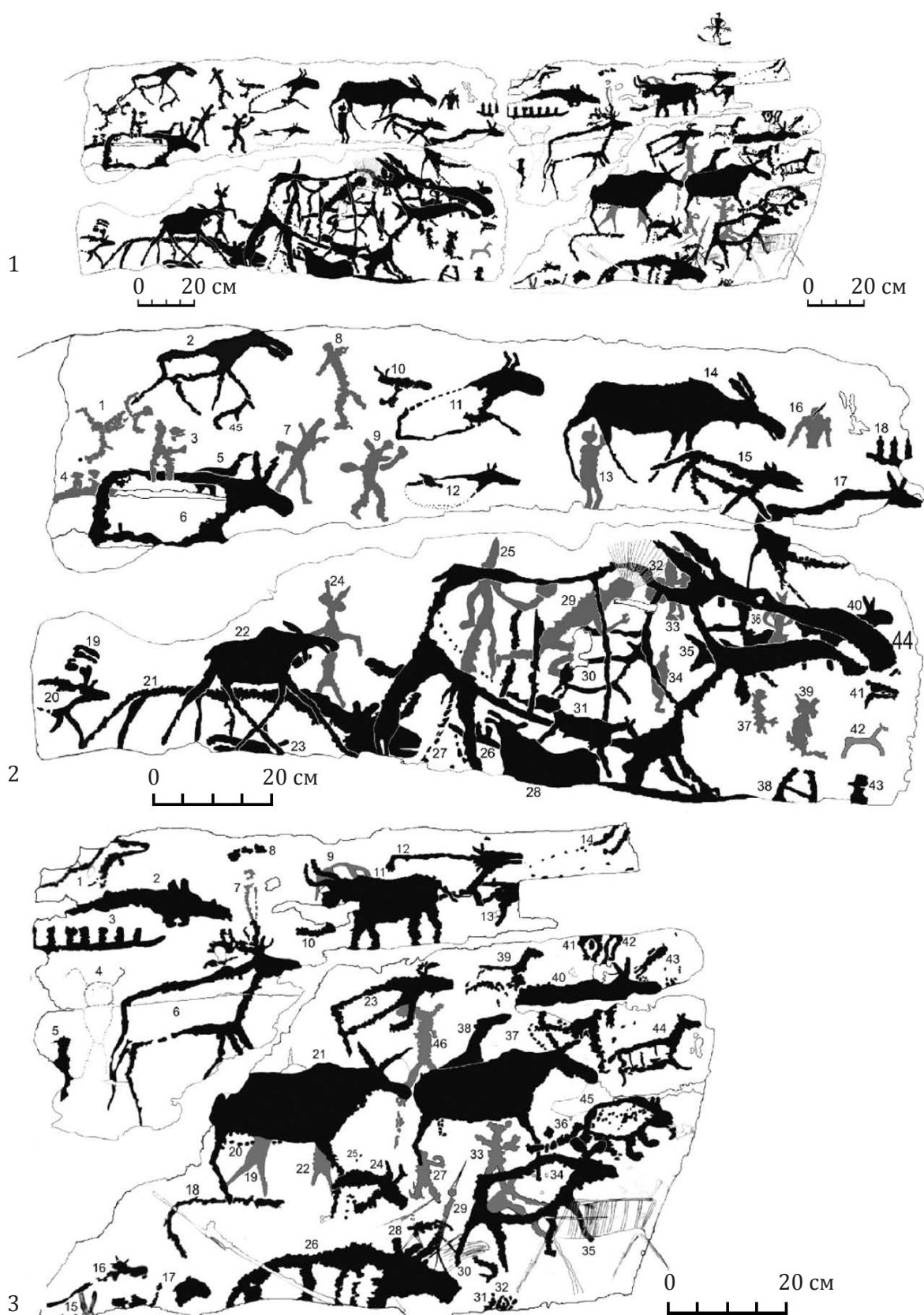

Рис. 2. Прорисовки плоскости 10 участка 4 Шалаболинской писаницы, выполненные А. Л. Заикой: 1 – участки а, б, в плоскости 10; 2 – участок а с нумерацией изображений; 3 – участок б с нумерацией изображений

антропоморфной фигуры, антропоморфные образы, выполненные путём гравировки, изображение быка (рис. 2: 2 – изображение № 32; рис. 2: 3 – изображения № 9, 28, 29). С этим же временем, вероятно, связано появление изображения копытного животного (рис. 2: 3 – изображение № 35).

Наиболее поздние образы появились после того, как основная поверхность плоскости была уже заполнена, что позволило помещать рисунки на её периферийных участках. Это линейные изображения небольших размеров (рис. 2: 2 – изображения № 1, 3, 8, 42, 45), изображение волка (рис. 2: 2 – изображение № 15).

Хронологически не ясно время появления динамичных фигур копытных животных (рис. 2: 2 – изображения № 30, 31; рис. 2: 3 – изображения № 39, 44).

Кроме визуального анализа и классической «топографической раскладки» плоскостей 10а и 10б Шалаболинской писаницы [Столяр, Савватеев, 1976; Столяр, 1977] был выполнен трасологический анализ [Гиря, Дэвлет, 2010; 2012] участков пересечений некоторых наскальных изображений, составляющих палимпсест плоскости 10а. Этот подход заключается в изучении и сопоставлении характеристик следов пикетажа, на основании чего устанавливается последовательность выполнения фигур. Более поздним элементом палимпсеста является тот петроглиф, чьи специфические характеристики преобладают в зоне перекрывания.

Документирование петроглифов для трасологического анализа связано с трёхмерной визуализацией по методу фотограмметрии [Cassen et al., 2014; Robert et al., 2016]. Она позволяет получить модели трасологически значимых участков пикетажа очень высокого разрешения. Преимущество этого приёма фиксации в том, что он позволяет получить информацию о характере рельефа поверхности пикетажа не только в плане, но и в профиле, что очень важно для трасологического анализа. Кроме того, специализированное программное обеспечение даёт возможность проводить наблюдения при различ-

ном освещении и при помощи различных фильтров, благодаря чему некоторые детали и характеристики рельефа лучше видны.

В задачи трасологического анализа плоскости 10а входило установить относительную хронологию фигуры лося № 44 и других петроглифов, с которыми она пересекается: № 29, 30, 31, 34, 36, 40 (рис. 2: 2). Для этого была выполнена трёхмерная реконструкция шести участков перекрываний, а также для каждого изучаемого изображения проведён трасологический анализ характерных зон пикетажа, не задействованных в пересечениях. В результате были сделаны следующие наблюдения.

Антропоморфное изображение № 29 пересекается сразу в двух местах с элементами, относящимися к петроглифу № 44 (лось): горизонтальной и вертикальной линиями в области изгиба руки (рис. 3: 1). Гораздо более глубокие и крупные следы, образующие эти линии, сильно отличаются от характера пикетажа антропоморфного персонажа (мелкие, регулярные выбоины, менее плотная выбивка). На 3D-моделях хорошо видно, что антропоморфный персонаж перекрыт этими крупными, грубыми следами (рис. 3: 1).

Зооморфное изображение № 30 выполнено мелким пикетажем, на некоторых участках довольно редким, регулярными небольшими подокруглыми выбоинами, часто выходящими за контуры линий. Такие характеристики хорошо видны в области заполнения туловища, на шее и крупе животного (рис. 3: 2). Однако по всему контуру фигуры отмечаются совсем другие выбоины: грубые, глубокие, неровных очертаний, явно отличающиеся от вышеописанных. Можно предположить, что петроглиф был подновлен. Интересно, что шея животного выглядит так, как будто выполнена двойной линией (рис. 3: 2, б, г). Верхняя, параллельная шее цепочка крупных выбоин относится к изображению лося № 44, так как их характер абсолютно идентичен другим линиям пикетажа, образующим «перегородки» внутри его туловища. Дру-

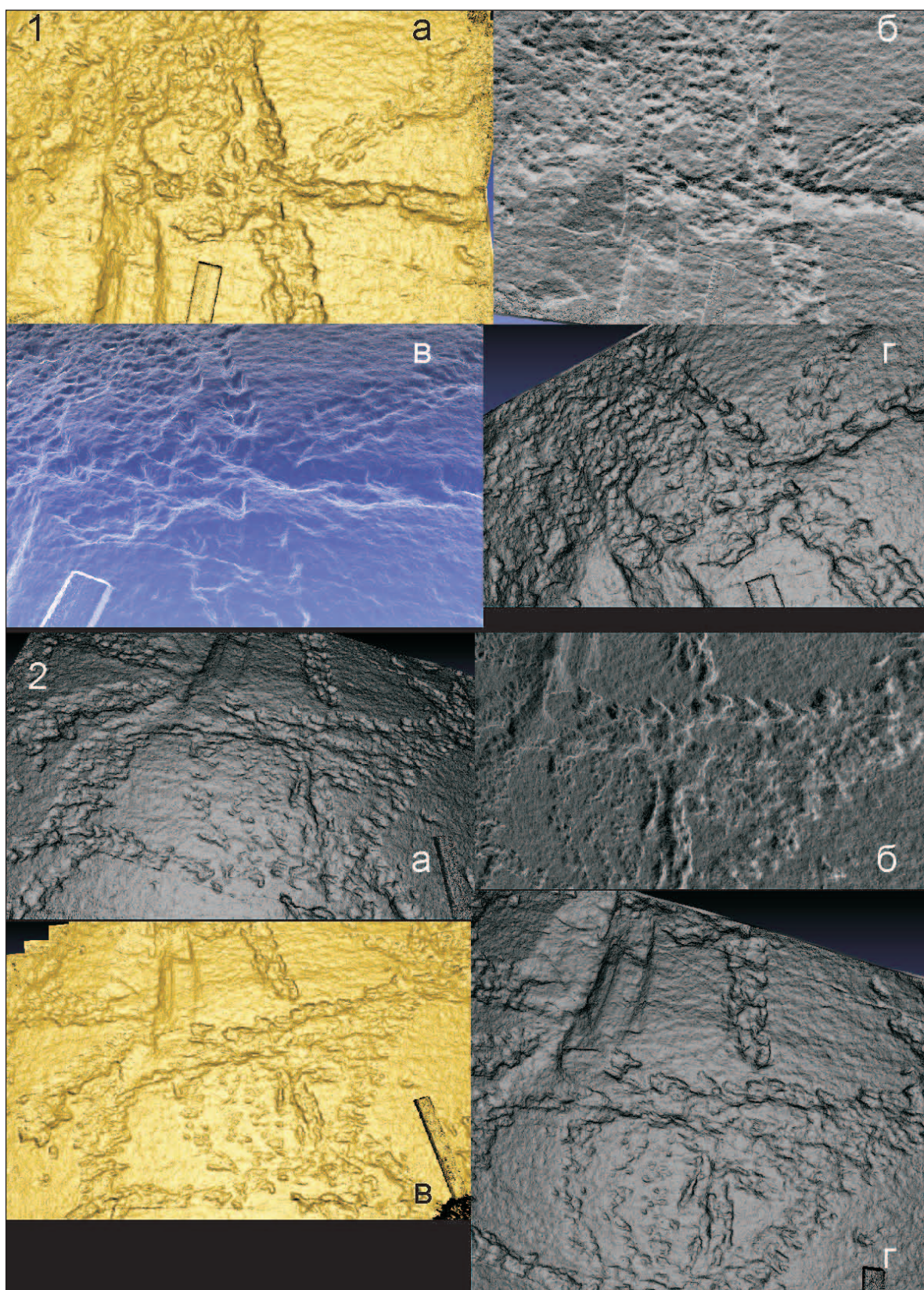

Рис. 3. Трёхмерные модели участков плоскости 10а Шалаболинской писаницы: 1 – пересечение антропоморфного изображения № 29 и горизонтальной и вертикальной линий, составляющих фигуру лоса № 44; 2 – пересечение зооморфного изображения № 30 и горизонтальной и вертикальной линий, составляющих фигуру лоса № 44

гая вертикальная линия, которая пересекает эту фигуру, также является «перегородкой», относящейся к изображению лося № 44. Однако она прерывается и не перекрывает зооморфный персонаж № 30 (рис. 3: 2). Это может указывать на единовременность выполнения изображения № 30 и горизонтальных и вертикальных линий, относящихся к фигуре лося № 44.

Зооморфное изображение № 31 выполнено плотным пикетажем и относительно мелкими выбоинами. Оно пересекается с линией живота лося № 44, которая образована более крупными и глубокими следами. На бесцветных 3D-моделях при различном освещении отмечается перекрывание контуров туловища зооморф-

ного персонажа № 31 линией живота лося № 44 (рис. 4: 1).

Антропоморфное изображение № 34 образовано мелкими, неглубокими следами плотного пикетажа, при этом отдельных выбоин, выходящих за контуры, практически не фиксируется. Этот петроглиф пересекается с дугообразной линией, относящейся к фигуре лося № 44. На 3D-модели очень хорошо фиксируются совсем другие весьма глубокие грубые следы прерывистого пикетажа, которые образуют эту вертикальную линию (рис. 4: 2). Очевидно, она выполнена позже, чем антропоморфное изображение, так как эти грубые следы выбивки перекрывают поверхностное плотное заполнение фигуры человека.

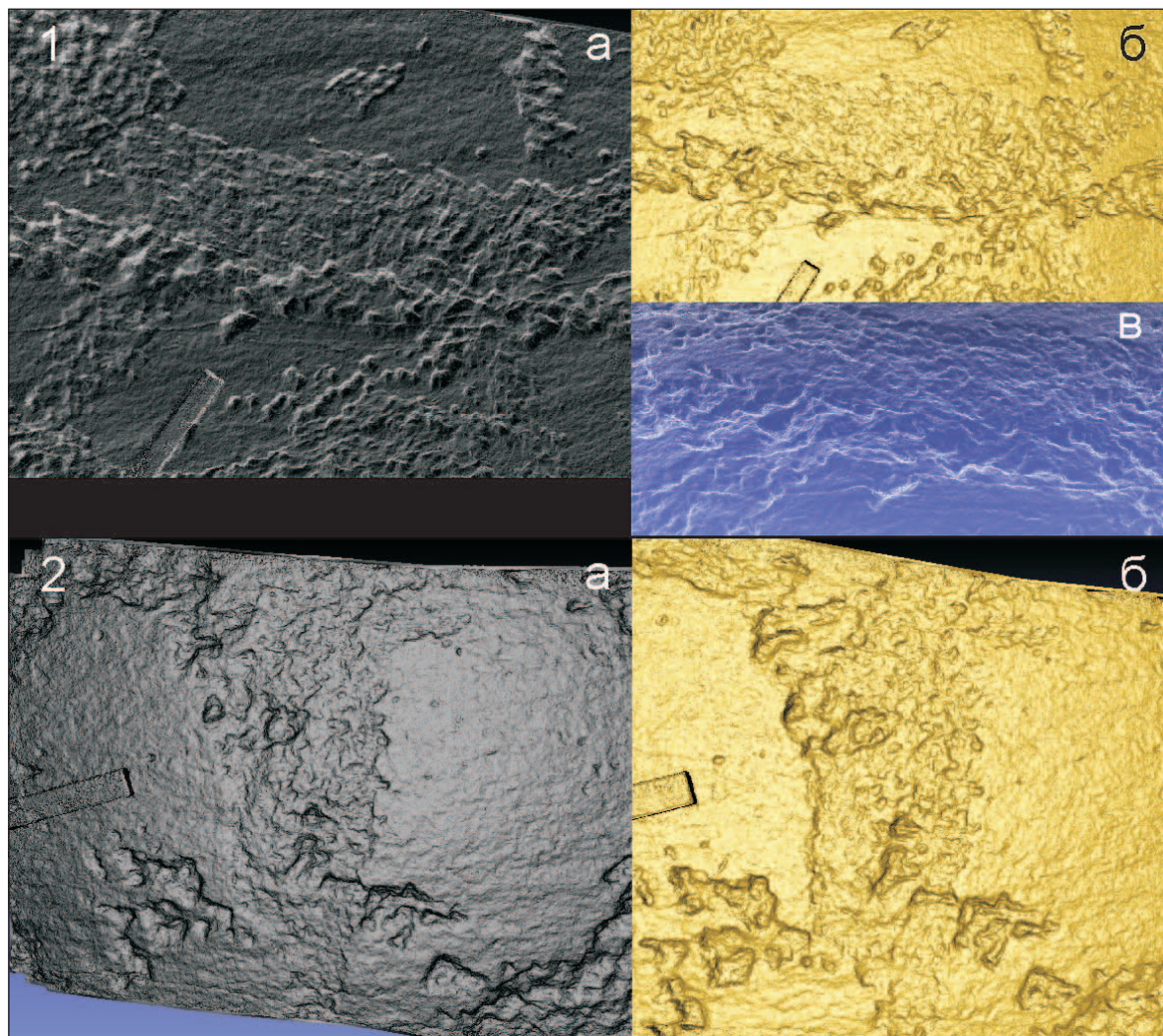

Рис. 4. Трёхмерные модели участков плоскости 10а Шалаболинской писаницы: 1 – пересечение зооморфного изображения № 31 и линии живота лося № 44; 2 – пересечение антропоморфного изображения № 34 и дугообразной вертикальной линии, составляющей фигуру лося № 44

Другой пример антропоморфного изображения – это фигура № 36 (рис. 5: 1). Простой осмотр даёт основание полагать, что линия верхней части морды лося № 44 перекрывает её, однако, это не так. На рис. 5: 1а, 1б хорошо видно, что мелкие округлые выбоины, характерные для пикетажа, образующего антропоморфную фигуру, присутствуют также в области пересечения этих двух петроглифов.

Кроме того, очень хорошо читается контур левой руки антропоморфного персонажа именно в области пересечения этой детали с головой лося (рис. 5: 1в, 1г). Следы на этом участке имеют признаки, свойственные изображению № 36.

Зооморфная фигура № 40 схожа по характеру пикетажа с антропоморфным изображением № 34 (рис. 5: 2). Выбивка здесь более глубокая, но также состоит

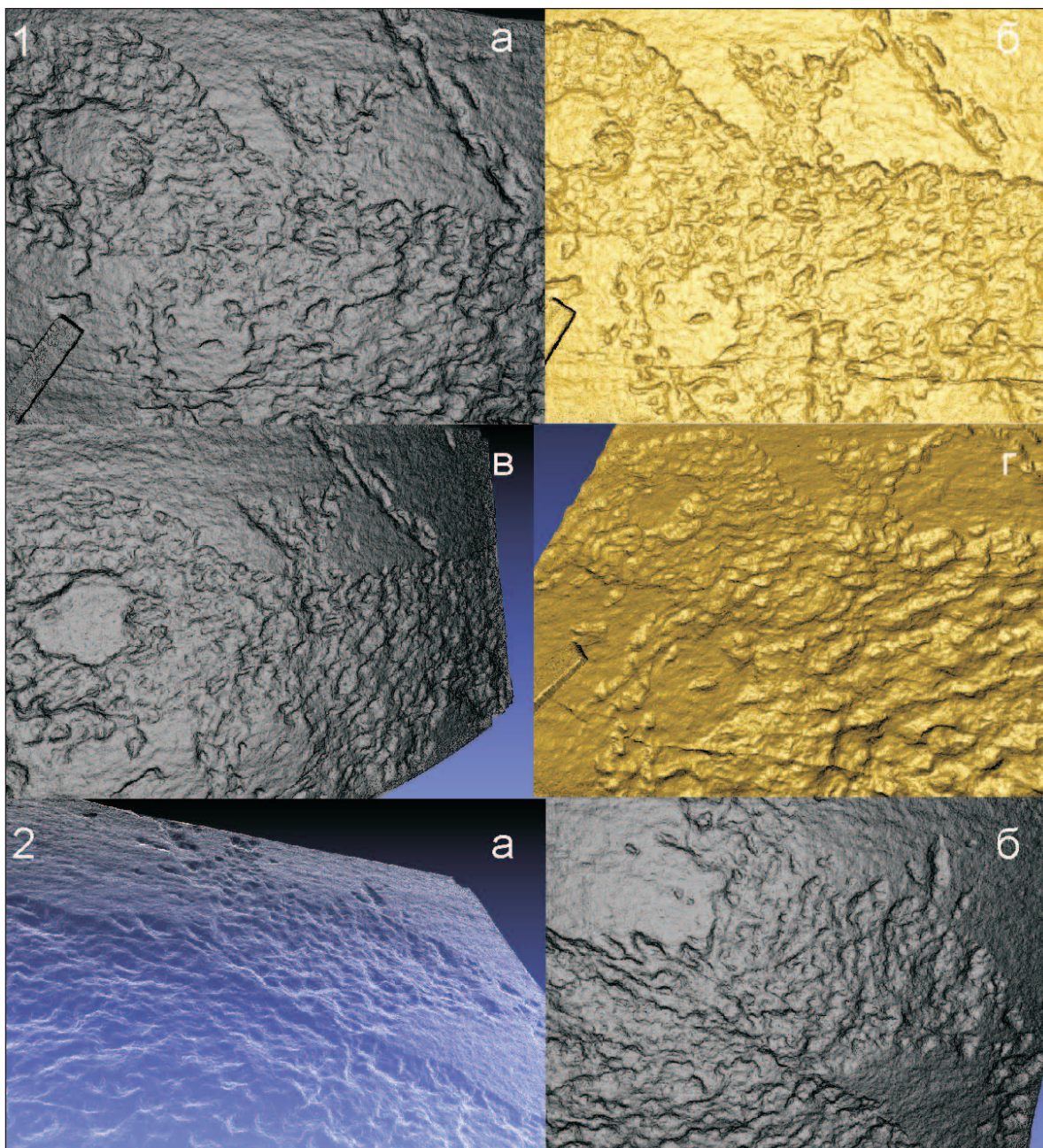

Рис. 5. Трёхмерные модели участков плоскости 10а Шалаболинской писаницы: 1 – пересечение антропоморфного изображения № 36 и верхней линии морды лося № 44; 2 – пересечение зооморфного изображения № 40 и верхней линии морды лося № 44

из плотно прилегающих мелких округлых выбоин. Более крупные, менее регулярных очертаний лунки пикетажа, составляющие голову лося № 44, выглядят совершенно иначе. В области пересечения двух этих петроглифов (№ 40 и 44) преобладают очертания выбоин, характерных для последнего. Голова лося перекрывает туловище зооморфного изображения № 40.

Таким образом, трасологический анализ рассмотренных участков показал, что изображению лося № 44 предшествуют все изученные трасологически петроглифы (№ 29, 31, 34, 40), кроме одного антропоморфного изображения № 36, которое было выполнено позже. Зооморфная фигура № 30 может быть единовременной изображению лося № 44. Это указывает на довольно поздний возраст этой фигуры лося.

Следует отметить, что представленные выше результаты не только открывают перспективы для развития современных методов изучения скальной поверхности, но и ставят вопросы для новых дискуссий о стратиграфии рассмотренного палимпсеста и стадильности развития наскального искусства региона. В целом большинство изображений выполнено в неолитическое и окуневское время (III–II тыс. до н.э.). Привлекает внимание архаичность антропоморфных персонажей, их атрибуция и синкретичное сочетание различных неолитических стилей в формировании зооморфных образов. Учитывая относительную новизну представленных материалов, следует в определённой степени пересмотреть устоявшиеся стереотипы о развитии наскального искусства Среднего Енисея. Данная работа не претендует на законченность и требует продолжения.

Литература

- Адрианов А. В. Предварительные сведения о собирании писаниц в Минусинском крае летом 1904 г. // Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. СПб., 1904. № 4. С. 25–33.
- Адрианов А. В. Отчет по исследованию писаниц Минусинского края // Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. СПб., 1910. № 10. С. 41–53.
- Вяткина К. В. Шалаболинские (Тесинские) наскальные изображения // Сборник Музея антропологии и этнографии. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 12. С. 417–484.
- Гиря Е. Ю., Дэвлет Е. Г. Некоторые результаты разработки методики изучения техники выполнения петроглифов пикетажем // Уральский исторический вестник. 2010. № 1 (26). С. 107–118.
- Гиря Е. Ю., Дэвлет Е. Г. Об исследовании техники выполнения изображений на скалах // Проблемы истории, филологии, культуры. 2012. № 1 (35). С. 158–178.
- Дроздов Н. И., Заика А. Л. История исследования Шалаболинской писаницы // Мир наскального искусства. Сборник докладов международной конференции. М.: ИА РАН, 2005. С. 72–74.
- Дэвлет М. А. Александр Васильевич Адрианов (к 150-летию со дня рождения). Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. 68 с.
- Заика А. Л. Полевые исследования петроглифов (на примере Шалаболинской писаницы) // Мир наскального искусства. Сборник докладов международной конференции. М.: ИА РАН, 2005. С. 108–110.
- Заика А. Л. Петроглифы из-под руин. Шалаболинская писаница // Енисейская провинция. Альманах. Красноярск: Изд-во КГПУ им. В. П. Астафьева, 2007. Вып. 3. С. 24–38.
- Заика А. Л., Дроздов Н. И., Березовский А. П., Ключников Т. А., Журавков С. П. Шалаболинские петроглифы (итоги исследований 2004 г.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. Т. X. С. 259–260.
- Заика А. Л., Дроздов Н. И. Новые петроглифы Шалаболинской писаницы // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М.: ИА РАН, 2008. Т. III. С. 28–30.

Капелько В. Ф. Эстампажный метод копирования петроглифов // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Изд-во ИИФФ СО АН СССР, 1986. С. 105–111.

Пяткин Б. Н. Капелько В. Ф. Шалаболинские писаницы // Археологические открытия 1977 года. М.: Наука, 1978. С. 275–276.

Пяткин Б. Н. Ранние петроглифы Шалаболинских скал // Археология Южной Сибири. Кемерово: КемГУ, 1980. С. 27–44.

Пяткин Б. Н. Шалаболинские петроглифы (вопросы методики и хронологии). Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Л., 1982. 14 с.

Пяткин Б. Н., Мартынов А. И. Шалаболинские петроглифы. Красноярск: Изд-во Красноярского университета, 1985. 192 с.

Столяр А. Д., Савватеев Ю. А. О некоторых возможностях изобразительного анализа писаницы Астунансалми (Финляндия) // Первобытное искусство. Новосибирск: Наука, 1976. С. 151–156.

Столяр А. Д. Опыт анализа композиционных структур петроглифов Беломорья // Советская археология. 1977. № 3. С. 24–41.

Cassen S., Lescop L., Grimaud V., Robin G. Complementarity of acquisition techniques for the documentation of Neolithic engravings: lasergrammetric and photographic recording in Gavrinis passage tomb (Brittany, France) // Journal of Archaeological Science. 2014. Vol 45. P. 126–140.

Robert E., Petrognani S., Lesvignes E. Application of digital photography in the study of Paleolithic cave art // Journal of Archaeological Science: Reports. 2016. Vol. 10. P. 847–858.

УДК 903.07.31

КРАСОЧНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ НА ЗАПАДНОМ УЧАСТКЕ ШАЛАБОЛИНСКОЙ ПИСАНИЦЫ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ)

А. Л. Заика¹, А. К. Солодейников²

¹Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева;

²Санкт-Петербургская региональная общественная организация по развитию и укреплению культурных ценностей в обществе «Центр сохранения культурного наследия "Аркус"»

Статья посвящена находкам образцов окуневского искусства на Шалаболинской писанице. Полевые работы по исследованию красочных изображений проводились летом 2018 г. археологическим отрядом КГПУ им. В. П. Астафьева. Красочные рисунки удалось обнаружить на одном из раскопанных в 2002 г. блоков участка 1а. Для их исследования были привлечены современные методы фотосъёмки и цифровой обработки фотоматериала: метод пигментных карт и DStretch. Зафиксированы два красочных слоя, не менее девяти личин разного типа и размера; приводится сравнение выявленных изображений с известными образцами окуневского изобразительного пласта.

Ключевые слова: Шалаболинская писаница, охра, метод пигментных карт, окуневская культура, личины

PAINTED IMAGES FOUND IN THE WEST PART OF THE SHALABOLINO ROCK ART SITE. PRELIMINARIES

A. L. Zaika¹, A. K. Solodeynikov²

¹Krasnoyarsk State Pedagogical University;

²St-Petersburg Regional Public Organization for the Development and Strengthening the Cultural Values
"Center for the Preservation of Cultural Heritage «Arcus»"

The paper is focused on some examples of Okunevo rock art found in Shalabolino. The investigations of V. P. Astafyev archeological group of the KGPU were carried on during the summer field season of 2018. Remains of ochre paintings were found on one of the blocks of Shalabolino section 1a excavated in 2002. Studying it involved some up-to-date methods of recording and postponed digital processing, such as the Pigment Maps Method and DStretch. There are two stratigraphic layers of painting found, which brought up at least 9 anthropomorphic facemasks. The authors compare the found images to the known samples of the Okunevo culture

Keywords: Shalabolino rock art site, ochre, Pigment maps, the Okunevo culture, anthropomorphic images

*Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ №: 17-1-007814
«Сохранение и популяризация объекта культурного наследия Шалаболинская писаница»*

Хорошо известная в наскальном искусстве Сибири Шалаболинская писаница имеет богатую, более чем полуторавековую историю научного исследования [Дроздов, Заика, 2005]. Вместе с тем, каждый полевой сезон приносит новые открытия, вносит порой существенные коррективы в устоявшиеся взгляды на развитие наскального творчества в регионе и прово-

цирует исследователей на разработку новых методических принципов работы с петроглифами.

В 2018 г. археологическим отрядом КГПУ им. В. П. Астафьева были проведены исследования Шалаболинской писаницы с целью уточнения данных об известных и выявления новых петроглифов, фиксации их современного состояния, характера и

масштабов повреждений наскальных рисунков, определения мер по их сохранению и музеефикации. В ходе работ апробировались различные методические приёмы документирования петроглифов. Эта статья посвящена методам исследования красочных изображений на примере группы плоскостей, находящихся на западной оконечности Шалаболинской писаницы.

Плоскости 7–9 участка 1а (рис. 1) расположены на скальном блоке размером $2,3 \times 1,4$ м, обращённом на ЮЮЗ, на высоте 5,9 м от уреза воды. Субстрат – девонский песчаник красноватого цвета. Блок разбит трещинами на три горизонтальные части, что связано с микротектоническим движением пластов (рис. 2). Верхняя треть блока образует козырёк, нависающий по центру над средней и нижней третями (рис. 3), имеет положительный уклон и разделена двумя вертикальными трещинами ещё на три части. Время образования трещин на блоке установить трудно, поскольку красочные рисунки используют общее для средней и нижней третей изобразительное пространство (рис. 4), в то время как выбитые изображения локализованы с учётом деления изобразительного пространства трещинами. Вертикаль-

ные трещины вторичны по отношению к горизонтальным и ассоциируются с движением инфлюационной воды, богатой окислами и гидроокислами железа: верхняя кромка блока имеет следы ожелезнения (рис. 5), связанного с поверхностными водными потоками, такие же следы прослеживаются по вертикальным трещинам в верхней и средней третях блока. Правая часть верхней трети блока отделена второй вертикальной трещиной и сильно разрушена, на ней также выявляются следы окислов и гидроокислов железа. Средняя треть блока разделена вертикальной трещиной на две неравных части, длиной 0,95 и 1,4 м соответственно, область вокруг трещины закрыта тонкой кальцитово-й плёнкой (рис. 3): тот же ассоциируемый с вертикальными трещинами поверхностный поток воды, из которого в верхней части блока осаждаются оксиды и гидрооксиды железа, в нижней части оставляет на поверхности скалы карбонат кальция и образует тонкую кальцитовую корку. Это видно также на трещине, разбивающей нижнюю треть блока на две неравные части длиной 1,54 и 0,6 м (рис. 3). Средняя и нижняя трети блока почти вертикальны.

Рис. 1. Общий вид участка 1а Шалаболинской писаницы

Рис. 2. Общий вид блока с плоскостями 7–9. HDR из серии кадров, снятых со вспышками

Рис. 3. Общий вид блока при прямом солнечном освещении

Рис. 4. Пигментная карта, построенная на основе пигментных карт, полученных из разных каналов одного изображения

Рис. 5. Пигментная карта на основе канала *a*. Снята сухая плоскость с естественным рассеянным освещением

В средней и нижней третях блока находится не менее 11-ти выбитых изображений животных разного периода, а также, как минимум, две антропоморфных фигуры (рис. 3). Эти изображения копировались в разное время И. Т. Савенковым, А. В. Адриановым, Р. В. Николаевым и А. Л. Заикой [Дроздов, Заика, 2005]. В публикации Б. Н. Пяткина и А. И. Мартынова эта плоскость не фигурирует, поскольку в период исследования она была закрыта осыпью, которая, вероятно, была вызвана взрывными работами в 1960–1970-х гг. [Заика, Дроздов, 2005, с. 111]. Выбитые изображения относятся к разным хронологическим пластам, что явствует из их технологических и стилистических особенностей, а также из сохранности выбивки. Кроме того, в центральной части есть очевидные взаимные перекрывания выбитых изображений животных. Предметом данной статьи являются обнаруженные А. Л. Заикой после разбора осыпи в 2002 г. [Дроздов и др., 2003] красочные изображения, среди которых зооморфных мотивов не обнаружено. Стратиграфические соотношения выбитых и красочных изображений требуют отдельного исследования, но очевидно, что как минимум одно из выбитых изображений перекрывается красочным (в левой части средней трети), в то время как в центральной части средней трети выбивка сделана поверх красочного слоя. На плоскости присутствуют также гравированные изображения.

Некоторые рельефные изображения, как кажется, выполнены с использованием техники протира. Однако, следует принимать во внимание вероятность подготовки поверхности к нанесению изображения поверх уже существующего: если выбитое изображение целенаправленно «затирали» с использованием каких-либо абразивных материалов, то вероятно, что для нас оно может выглядеть как выполненное в технике протира. Вопрос подготовки поверхности недостаточно освещён в науке, и в этой статье мы не будем его подробно рассматривать. Отметим только, что поводом для абразивной подготовки поверхности могут быть как тех-

нологические «требования»: выравнивание рельефа плоскости или подготовка поверхностного слоя для живописи, так и культурно-семантическая необходимость: уничтожение или смягчение предшествующего изобразительного слоя, созданного представителями другой культуры, хотя следует отметить, что уничтоженные и вновь нарисованные на их месте рисунки могли соответствовать одной культурной традиции. Данная плоскость представляет хороший образец для изучения этого вопроса. По нашему мнению, некоторые зоны были обработаны не только с целью подготовки поверхности под живопись, но и с целью ослабления предшествующих изобразительных пластов. Так, в левой части центральной трети хорошо читаемый круп животного является не парциальным изображением, но частью уничтоженного изображения, следы которого прослеживаются под красочным слоем (рис. 3).

В исследовании красочных изображений можно выделить три этапа. Первый, полевой этап, заключался в фотосъёмке материала для последующей обработки. Поскольку изображения охрой на девонском песчанике обладают метамерией: меняют отражающие характеристики в зависимости от освещения, а также потому, что часть плоскости покрыта тонким кальцитовым натёком, съёмка проводилась при разном освещении и при разном состоянии поверхности. Использовались три варианта освещения: прямое солнце, рассеянное освещение в тени в солнечный день, и вспышки [Солодейников, 2013]. Поскольку плоскость обращена на юго-запад, с запада закрыта соседним скальным выступом, а пространство перед плоскостью закрыто деревьями, мешающими полноценно использовать прямое естественное освещение, нам удалось сделать лишь один подход в первой половине дня, когда плоскость была полностью освещена прямым солнечным светом. Рисунки охрой на девонском песчанике лучше всего видны при закатном солнце, но из-за особенностей расположения плоскости такая съёмка невозможна. Для полноты картины

можно предложить съёмку с искусственным освещением, цветовая температура которого соответствует закату солнцу. Нам пока такие осветительные приборы недоступны. Тонкие кальцитовые коры становятся более прозрачными, если их смочить водой, и тогда можно различить рисунки, закрытые кальцитовой плёнкой. По этой причине была проведена съёмка влажной поверхности с естественным рассеянным освещением: плоскость при съёмке была в тени.

На втором этапе исследования для выявления красочных изображений применялись методы пигментных карт [Миклашевич, Солодейников, 2013] и программа DStretch. Результаты обработки отдельных кадров были объединены в одно изображение, позволяющее визуализировать выявленные в разных каналах при помощи разных техник результаты (рис. 4).

Третий этап – интерпретация полученных результатов.

Основная часть сохранившихся красочных изображений находится в средней трети плоскости, что объясняется, в частности, почти вертикальным углом падения плоскости в этой зоне, а также наличием козырька, в качестве которого выступает нависающая верхняя треть блока. В центральной верхней части блока, имеющей положительный уклон, изображения могли быть вымыты поверхностными потоками. Разница между каналами *a* и *b* показывает преобладание гидроокислов железа в нижней части блока, что свидетельствует об активных процессах размывания красочных изображений (рис. 5, 6). В левой верхней и нижней левой частях блока сохранились рисунки верхнего красочного пласта. В правой части нижней трети блока также выявляются следы красочных изображений, а также очевидны утраты рисунков в центральной части.

По данным цифрового анализа очевидно, что для создания изображений использовалась краска не менее чем двух оттенков (рис. 5–11). Однако, при интерпретации этих результатов следует иметь в виду, что разная степень сохранности изображений, влияние кальцито-

вого натёка, разная степень диффузии и вымывания оксидов железа, а также разные условия освещения могут существенно влиять на цветовые характеристики рисунков. Так, в правой центральной части блока, где условия бытования рисунков иные, нежели в других частях блока, колориметрическая разница между изображениями не столь велика, как, например, в левой части центральной трети.

Рисунки выполнены широкой линией (пальцем?) и могут интерпретироваться как изображения личин двух типов. Уверенно выделяются три личины в средней части плоскости. Присутствуют два крупных хорошо выделяющихся изображения крестообразных личин в левой и центральной частях блока, одна из крестообразных личин перекрывает предыдущий пласт. Охра, использованная для крестообразных личин, отличается по оттенку и лучше сохранилась, чем краска на изображениях нижнего пласта. Кроме того, выделяются еще четыре крестообразных знака меньшего размера: в левой верхней части блока и в центральной. Изображены также некоторые символы, не поддающиеся интерпретации, в левой части плоскости.

Изобразительная стратиграфия плоскости требует уточнения, однако уже сейчас можно сказать, что красочное изображение крестообразной личины в левой центральной части блока перекрывает выбитое изображение животного, которое воспринимается как парциальное – изображена только задняя часть туловища животного, но при внимательном рассмотрении становится очевидным, что передняя часть выбитого изображения животного была затёрта в процессе подготовки плоскости к нанесению левой личины нижнего пласта. Со стилистической и технологической точек зрения изображение может быть отнесено к так называемому минусинскому стилю.

Таким образом, сегодня мы можем уверенно выделить четыре изобразительных слоя на этом блоке. Нижний слой (№ 1): выбитые изображения животных в так называемом минусинском стиле. Слой № 2: красочные изображения трёх личин в сред-

Рис. 6. Пигментная карта на основе канала *b*. Снята сухая плоскость с естественным рассеянным освещением

Рис. 7. Результат применения алгоритма *lds* модуля DStretch к фотографии сухой плоскости

Рис. 8. Пигментная карта на основе канала *a*. Снята влажная плоскость с естественным рассеянным освещением

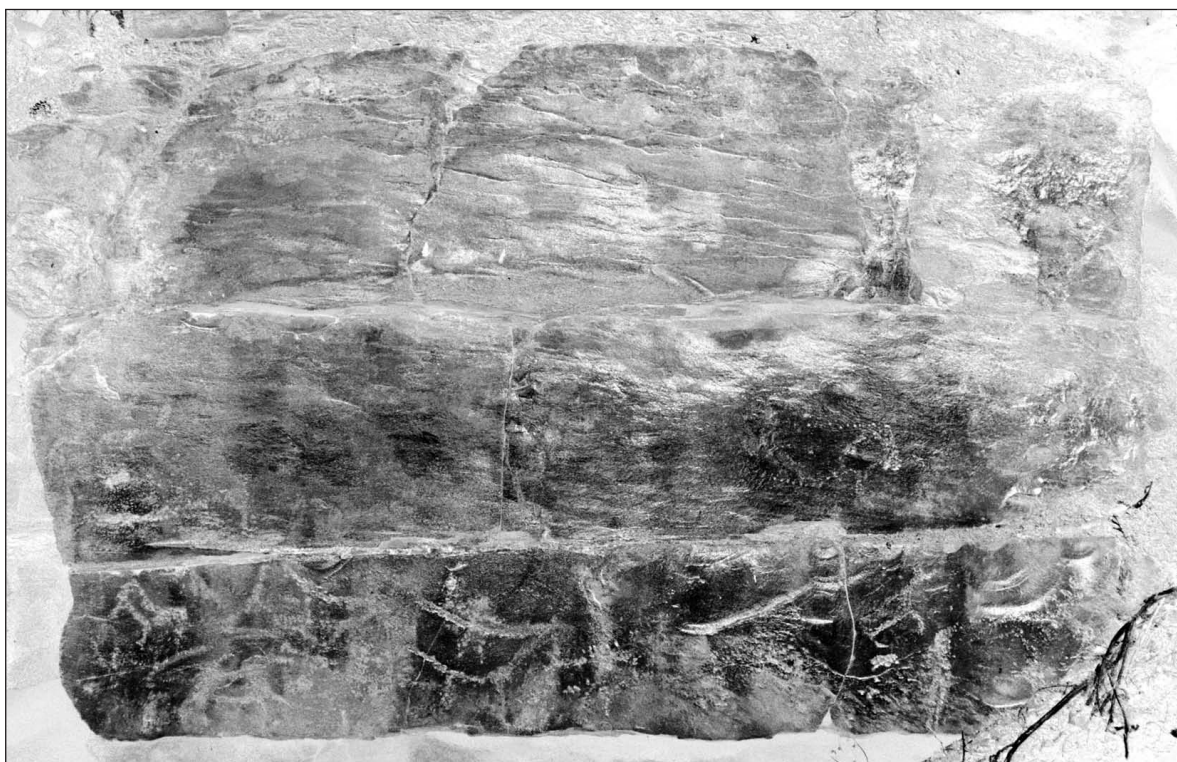

Рис. 9. Пигментная карта на основе канала *b*. Снята влажная плоскость с естественным рассеянным освещением

ней трети блока. Слой № 3: красочные изображения крестообразных личин. Слой № 4 – более поздние выбитые изображения животных и гравированные рисунки.

Все выявленные красочные изображения личин характеризует отсутствие внешнего контура (если не брать во внимание фрагменты дугообразной «окантовки» одной из них). Обилие дугообразной «татуировки» у центральных личин в средней части блока позволяет соотнести их с выделенной Д. Г. Савиновым так называемой кок-хаинской группой окуневских антропоморфных изображений [Савинов, 2006, рис. 13]. Вместе с тем, дугообразные вертикальные межглазные линии с развилками на концах встречаются и среди рисованных личин джойского типа [Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, рис. 6, 6]. Сам Д. Г. Савинов отмечает, что кок-хаинская группа личин «каким-то образом может быть связана с изображениями джойской группы» [Савинов, 2006, с. 167], и поэтому, возможно, является одной из наиболее поздних в ряду окуневских антропоморфных образов [Савинов, 2006, с. 168].

Надо отметить, что левая личина на обсуждаемой плоскости Шалаболинской писаницы находит близкие стилистические и иконографические аналогии с выбитым и прошлифованным антропоморфным образом со следами краски, венчающим оконтуренную личину на окуневской стеле из Усть-Абакана [Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, с. 100, 214, рис. 266] (упомянутую оконтуренную личину Д. Г. Савинов относит к распространённой в окуневском искусстве черновской группе изображений (второй вариант) [Савинов, 2006, рис. 13, 1]), некоторыми личинами первого варианта черновской группы [Савинов, 2006, рис. 8, 8]. Характерной особенностью данной шалаболинской личины также является обилие концентрических кругов на месте глаз и горизонтальных линий под ними. Подобное оформление глаз не характерно для красочных окуневских личин и в единичных случаях встречается у рельефных образов на стелах и изваяниях тазминской и черновской групп окуневских изображений [Савинов, 2006, рис. 9; Ле-

онтьев, Капелько, Есин, 2006, рис. 140], и в большей степени характерно для рисованных личин «каменского» типа на Нижней Ангаре [Заика, 2013, с. 123–125, табл. 114]. Ряд горизонтальных линий с развилками на концах (?) характеризует личины джойского типа [Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, рис. 6, 2, 5, 7, 8].

Следуют также обратить внимание на личину в нижней трети блока, которая правым роговидным отростком перекрывает вышеописанный антропоморфный образ. По своим стилистическим особенностям она вписывается в первый вариант черновской группы окуневских антропоморфных изображений [Савинов, 2006, с. 166], но её отличает отсутствие «третьего» глаза, центрального «луча» и условное обозначение глаз. Наиболее близкие аналогии этой шалаболинской личине можно найти у антропоморфных образов на стелах из Аскиза и улуса Сартыгой [Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, рис. 70, 263]. Если принять короткие «отростки» над поперечной чертой за верхние ответвления развилки на её концах, то можно констатировать присутствие джойских изобразительных традиций у данного антропоморфного образа.

Что касается крестовидных личин, то они, как правило, в известных композициях находятся на периферийных участках, часто перекрывают более ранние антропоморфные образы [Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, рис. 202, 203, 266 и др.], т.е. в планиграфическом и стратиграфическом плане иллюстрируют наиболее поздние, финальные явления в окуневском искусстве. Вместе с тем, присутствие их в оформлении наголовий у «классических» антропоморфных образов, туловищ фантастических хищников и других животных [Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, рис. 110, 141, 200, 205, 219 и др.] позволяет полагать более ранние истоки данной изобразительной традиции. В нашем случае следует обратить внимание на крестовидную личину в правой части центральной трети. Отличительной особенностью её является наличие развилки на нижних концах взаимопересекающихся линий «татуиров-

Рис. 10. Результат применения алгоритма *lds* модуля DStretch к фотографии влажной плоскости

Рис. 11. Результат применения алгоритма *ure* модуля DStretch к фотографии влажной плоскости

ки», акцентированно выраженные пятна глаз и тройные росчерки охры по обеим сторонам личины. Т.е. перед нами – наиболее «усложнённый» вариант данных схематичных образов.

Таким образом, выявленный ряд красочных антропоморфных образов характеризует стилистические и иконографические черты различных групп окуневских личин, гармонично сочетающихся на одном изобразительном полотне. Это может быть следствием как культурного межтерриториального взаимодействия, так и эволюционного развития. Подводя итог своим исследованиям стилей в окуневском искусстве, Д. Г. Савинов отмечает: «На каждом этапе сосуществуют различные сти-

ли..., включающие как традиционные, воспринятые от предшествующей традиции, так и инновационные элементы, которые, адаптируясь в местной среде, становятся традиционными» [Савинов, 2006, с. 170]. В нашем случае следует отметить, несмотря на иконографическое многообразие личин, их относительную разновременность, превалирование стилистических черт, характерных для джойской изобразительной традиции в окуневском искусстве.

В данной работе освещены предварительные результаты исследования красочных антропоморфных образов на Шалаболинской писанице, которые требуют дальнейшего более углублённого изучения.

Литература

- Дроздов Н. И., Заика А. Л., Марченко Л. А., Макулов В. И., Березовский А. П., Журавков С. П., Емельянов И. Н., Бабина М. С., Чуракова Е. В. Результаты исследования Шалаболинской писаницы (по результатам работ 2002–2003 гг.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАиЭт СО РАН, 2003. Т. IX. Ч. I. С. 342–346.
- Дроздов Н. И., Заика А. Л. История исследования Шалаболинской писаницы // Мир наскального искусства. Сборник докладов международной конференции. М.: ИА РАН, 2005. С. 72–74.
- Заика А. Л., Дроздов Н. И. Шалаболинская писаница (результаты исследования 2001–2004 годов) // Мир наскального искусства. Сборник докладов международной конференции. М.: ИА РАН, 2005. С. 111–115.
- Заика А. Л. Личины Нижней Ангары. Красноярск: Изд-во КГПУ им. В. П. Астафьева, 2013. 178 с.
- Леонтьев Н. В., Капелько В. Ф., Есин Ю. Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. Абакан: Хакаское книжное изд-во, 2006. 236 с.
- Миклашевич Е. А., Солодейников А. К. Новые возможности документирования наскальных изображений, выполненных краской (на примере Кавказской писаницы в Минусинской котловине) // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2013. № 1 (5). С. 176–191.
- Савинов Д. Г. О выделении стилей и иконографических групп изображений окуневского искусства / Окуневский сборник. Культура и ее окружение. СПб.: Изд-во «Эликсис Принт», 2006. С. 157–190.
- Солодейников А. К. Некоторые аспекты фотофиксации наскальных изображений // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 3 (55). Т. 4. С. 76–82.

УДК 902/904

НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ДЭРСТИЙН ХУТУЛ В МОНГОЛИИ**А. Н. Мухарева¹, Ч. Мунхбаяр², Б. Сухбаатар^{2,3}**¹Музей-заповедник «Томская Писаница»;¹Кемеровский государственный университет;²Ховдский государственный университет;³Музей Ховдского аймака

Публикация вводит в научный оборот наскальные изображения памятника Дэрстийн хутул, расположенного в местности Хавцгайт на территории Ховдского аймака Монголии. Петроглифы встречаются на вертикальных и горизонтальных плоскостях небольших скальных выходов, а также свободно лежащих камнях, образующих несколько невысоких горных цепочек, протянувшихся с юго-запада на северо-восток, перпендикулярно дороге, ведущей из Улгий в Ховд. Среди петроглифов памятника есть изображения развитой и поздней бронзы, раннего железного века, средневековые и этнографические. Помимо традиционно распространённого образа горного козла, встречаются фигуры оленей, выполненные в стиле оленных камней с особой тщательностью и мастерством. Остаётся уникальной антропоморфная фигура, изображённая с древком, на конце которого закреплено полотнище.

Ключевые слова: наскальное искусство, петроглифы, документирование, хронология, стиль оленных камней, Дэрстийн хутул, Монгольский Алтай

ROCK ART OF DERSTIYN KHUTUL IN MONGOLIA**A. N. Mukhareva¹, Ch. Munkhbayar², B. Sukhbaatar^{2,3}**¹Museum-Reserve "Tomskaya Pisanitsa";¹Kemerovo State University;²Khovd State University;³Museum of Khovd aimak

The paper introduces into scientific use the rock art site of Derstiyn khutul, located in Khavtsgayt area on the territory of Khovd aimak of Mongolia. Petroglyphs have been found on the vertical and horizontal surfaces of small rocky outcrops, as well as loose-lying stones, forming several low mountain ranges, stretching from South-West to North-East, perpendicular to the road from Ulgiy to Khovd. The petroglyphs of the site include images of the Developed and Late Bronze Age, the Early Iron Age, the Medieval and Ethnographic periods. In addition to the traditionally common image of a mountain goat, there are figures of deer, created in the deer-stone style with great elaboration and skill. An anthropomorphic figure depicted with a flagstaff, at the end of which the flag is fixed, remains a unique image so far.

Keywords: rock art, petroglyphs, documentation, chronology, the style of deer stones, Derstiyn khutul, Mongolian Altai

Памятник наскального искусства Дэрстийн хутул расположен в местности Хавцгайт, на территории Ховд сомона Ховдского аймака Монголии (рис. 1: 1, 2), в направлении на северо-северо-запад от г. Ховда. Расстояние от местонахождения до аймачного центра по карте составляет 25 км. Петроглифы встречаются на вертикальных и горизонтальных плоскостях

небольших скальных выходов, а также свободно лежащих камнях, образующих несколько невысоких горных цепочек, протянувшихся на 1,5 км с юго-запада на северо-восток (рис. 1: 3, 4), перпендикулярно новой дороге, ведущей из Улгий в Ховд. Расположение памятника в непосредственной близости от дороги привело к тому, что в ходе её строительства

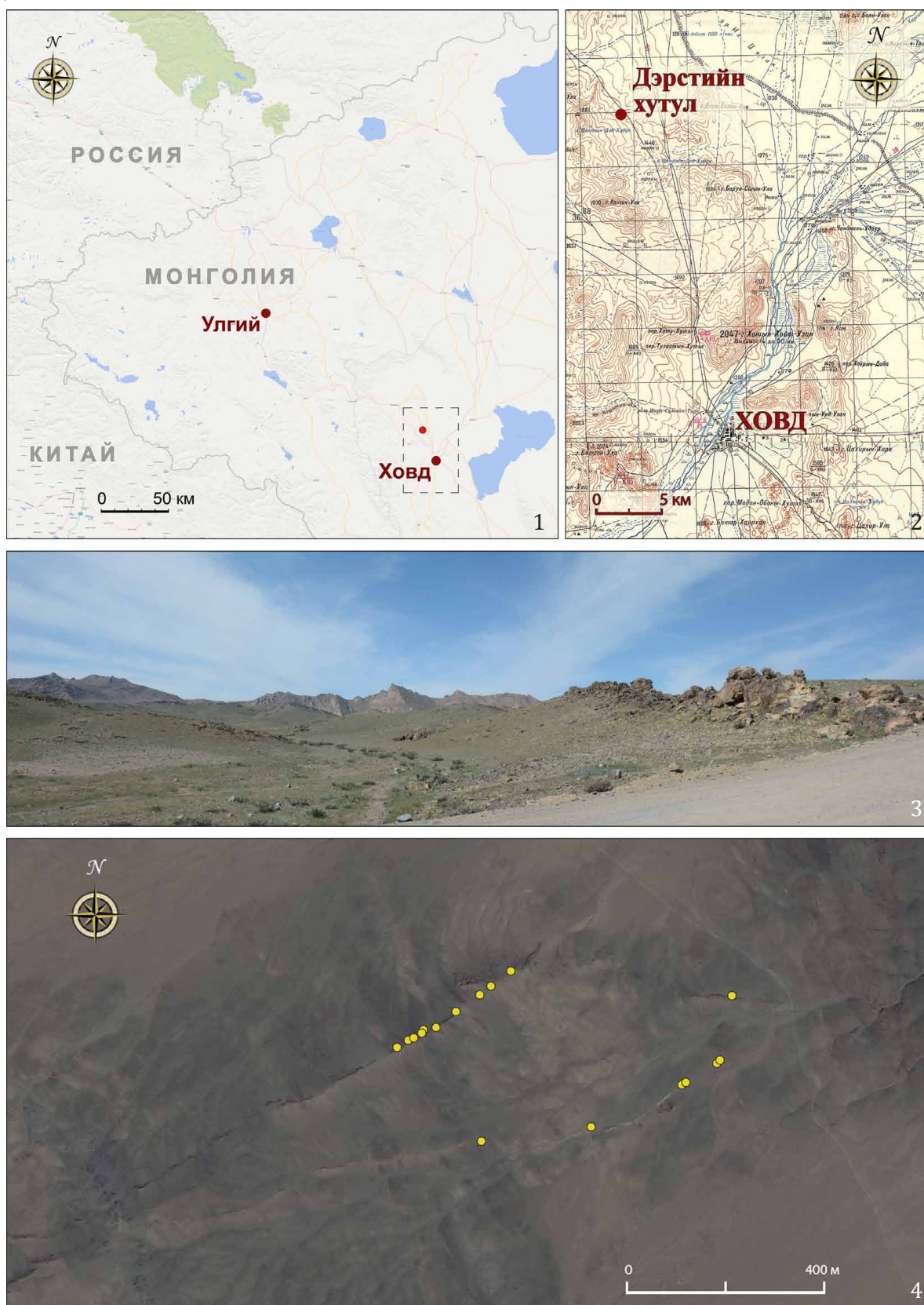

Рис. 1. Памятник наскального искусства Дэрстийн хутул: 1, 2 – расположение памятника на карте; 3 – общий вид на местонахождение с востока; 4 – спутниковый снимок SASPlanet с обозначением упомянутых в статье скальных плоскостей с петроглифами

в 2015 г. петроглифы северо-восточной оконечности одной из горных цепочек Дэрстийн хутол частично были уничтожены. Тогда же Б. Сухбаатаром, принимавшим участие в спасательных работах совместно с сотрудниками Центра наследия, функционирующего при Министерстве образования, науки, культуры и спорта Монголии, была обследована значительная часть изображений в местности Хавцгайт. В 2018 г. памятник повторно был осмотрен авторами статьи, выполнено документирование отдельных петроглифов, зафиксированы их описания и координаты. Насколько нам известно, в научной литературе какие-либо сведения о данном местонахождении отсутствуют, в связи с чем в рамках данной статьи вводятся в научный оборот предварительные результаты проделанной работы.

Местонахождение Дэрстийн хутол сложено из твёрдых гранитоидных пород, тем не менее, многие скальные выходы повреждены глубокими трещинами, довольно часто фиксируются отдельно лежащие камни, когда-то составлявшие скальный массив, но со временем отвалившиеся. Од-

ной из особенностей памятника является отсутствие больших по площади скальных поверхностей и, соответственно, крупных изображений.

Рисунки преимущественно выполнены в технике поверхностной выбивки (рис. 2: центральная фигура; 3–7), реже шлифовки (рис. 2: крайние фигуры козлов), что, вероятно, связано с характером скального субстрата и большой трудоёмкостью нанесения изображений. Данные технические приёмы чаще всего использованы на памятнике самостоятельно, тем не менее, удалось зафиксировать случаи сочетаний поверхностной выбивки или шлифовки с техникой резьбы или гравировки, когда тонкими прорезанными линиями выполнялись отдельные элементы некоторых изображений, например, рога и уши копытных животных (рис. 4: 2).

Поскольку петроглифы не отличаются глубоким рельефом, первоначально они хорошо видны за счёт разницы в цвете. Однако со временем, покрываясь патиной, рисунки темнеют и, все больше «сливаясь» по цвету со скальной плоскостью, становятся практически незаметными. Тем не

Рис. 2: Плоскость с изображениями оленя (в технике поверхностной выбивки) и козлов (в техниках шлифовки и гравировки); фото 2018 г.

Рис. 3: Многофигурные композиции Дэрстийн хутул, основные персонажи которых – горные козлы; фото 2018 г.: 1–3 – общие виды плоскостей; 4 – увеличенное изображение плоскости 3

менее, далеко не все петроглифы, возраст которых является древним, по цвету не отличаются от скальной поверхности; некоторые фигуры до настоящего времени остаются светлыми и хорошо видны на тёмных скальных выходах. В таких случаях светлый цвет патины далеко не всегда свидетельствует о сравнительно недавнем времени нанесения рисунков. Многие из таких изображений, судя по их стилистическим особенностям, появились на памятнике в эпоху бронзы или раннего железного века, но впоследствии были подновлены. Поскольку подновляемая фигура не всегда прорабатывалась целиком, и «новый мастер» зачастую отступал от первоначального абриса, то сохранившийся более тёмный контур или отдельные элементы изображения дают возможность отметить этот факт. В отдельных случаях в подновлении одной и той же фигуры возможно зафиксировать несколько стадий, что наглядно иллюстрирует одно из изображений, выполненное в стиле оленных камней (рис. 3: 4). При первом его подновлении были заново проработаны корпус и ноги животного, тогда как конец изогнутого хвоста остался нетронутым; при последующем подновлении, еще более позднем, был добавлен рог.

Все фигуры в основном силуэтные. Репертуар в целом типичен для памятников

наскального искусства Монгольского Алтая: преобладают изображения различных животных (лошадей, быков, оленей, козлов, горных баранов, верблюдов и др.), встречаются вооруженные луками антропоморфные персонажи, как пешие, так и конные. Значительную часть среди всех изображений составляют козлы (рис. 3: 4: 1), время создания которых зачастую установить сложно. Не исключено, что многие из этих фигур появились на скальных плоскостях местонахождения Дэрстиин хутул в новое и новейшее время, поскольку патина у них полностью отсутствует, а рисунки отличаются условностью и схематичностью.

В целом, расположение выходов с рисунками у дороги и их хорошая доступность способствуют тому, что новые фигуры, нередко сопровождаемые современными выбитыми надписями, вплоть до настоящего времени продолжают появляться на памятнике. К сожалению, нередко для их нанесения выбираются плоскости с древними рисунками.

Не для всех петроглифов, выявленных в 2018 г., представляется возможным выполнить хронологическую атрибуцию, тем не менее, время создания некоторых изображений определяется достаточно достоверно благодаря особенностям их стиля, композиционного построения, степени патинизации и аналогиям.

Рис. 4: Плоскость с изображениями козлов (в технике поверхностной выбивки) и оленя в стиле монголо-забайкальских оленных камней (сочетание поверхностной выбивки и гравировки), фото 2018 г.: 1 – общий вид плоскости; 2 – увеличенное изображение

Наиболее древними являются фигуры животных, созданные в период развитой и поздней бронзы: быков (рис. 3: 1), оленей, иногда изображённых с древовидными рогами (рис. 2), козлов с «прямоугольными» корпусами (рис. 3: 1) и др. Помимо стилистических особенностей, о древнем возрасте таких рисунков часто свидетельствует тёмный цвет патины, из-за которого их так сложно выявлять и документировать.

Немало на памятнике петроглифов переходного времени от поздней бронзы к раннему железному веку, а также созданных в первой половине I тыс. до н.э. Среди этого стилистически неоднородного пласта несомненный интерес представляют изображения оленей в стиле монголо-забайкальских оленных камней. Как известно, такие стилизованные фигуры часто встречаются на памятниках наскального искусства Монгольского Алтая.

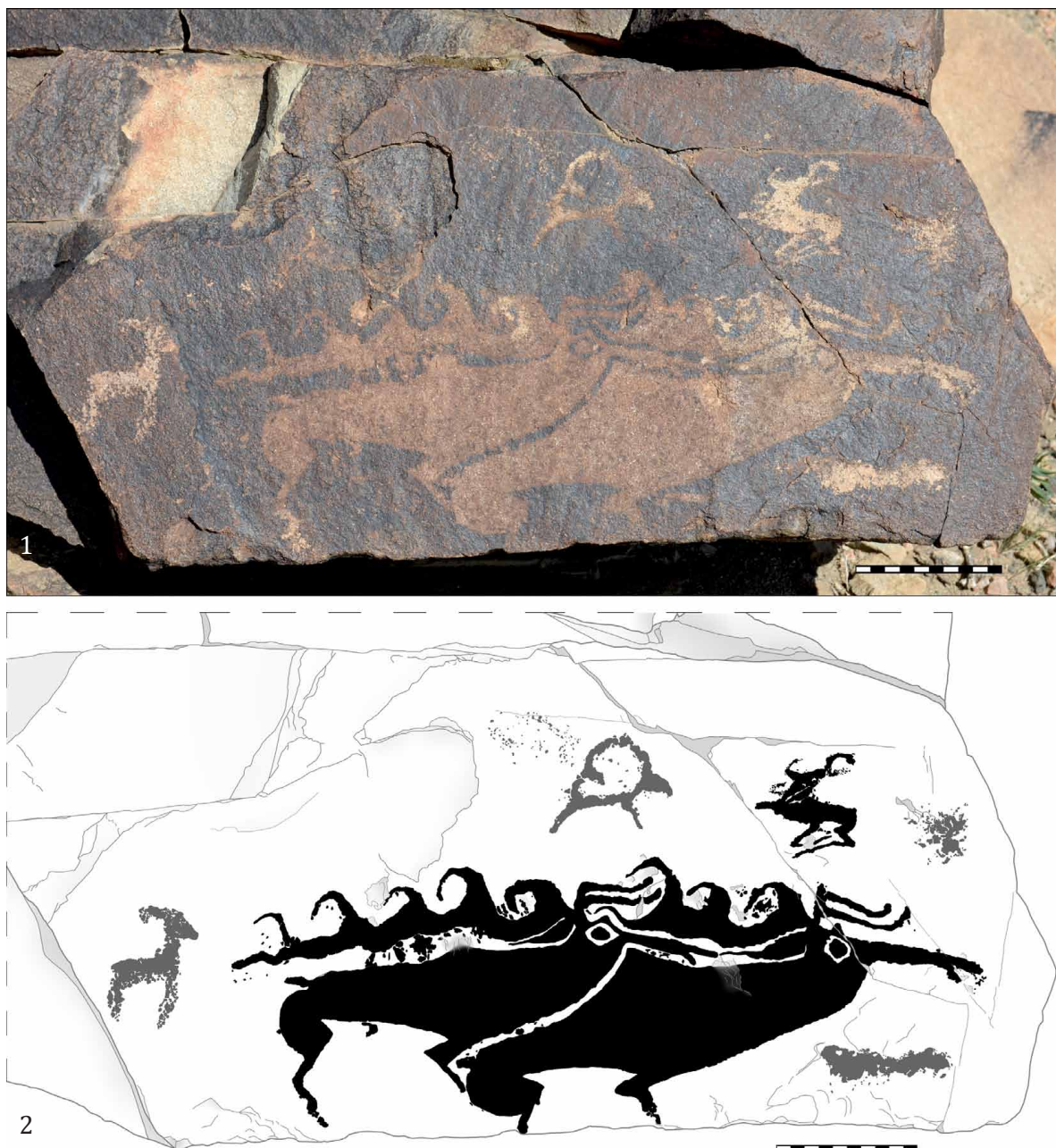

Рис. 5: Плоскость с изображениями оленей в стиле монголо-забайкальских оленных камней и фигурами козлов, добавленных позднее: 1 – фото 2018 г.; 2 – прорисовка

В петроглифах Дэрстийн хутул также выявлено несколько сцен с участием данных персонажей (рис. 4: 2; 5; 6). Животные изображены с типичными укороченными ногами, иногда подогнутыми под туловище, ветвистыми рогами, вытянутыми шеями, характерными горбиками. Как и на оленых камнях, стилизованные изображения оленей на скалах Дэрстийн хутул были на-

несены древним мастером со строгим соблюдением канонов и характерных технологических приёмов, иногда с учётом уже имеющегося контекста. Так, будто по трафарету, выполнена на одной из плоскостей сцена с двумя крупными фигурами оленей, расположенными друг за другом, и ещё одной миниатюрной (рис. 5). Изображения не только тщательно проработаны,

Рис. 6: Плоскость с изображениями оленей в стиле монголо-забайкальских оленых камней, фигурами других копытных и всадников, добавленных позднее, фото 2018 г.: 1 – общий вид плоскости; 2, 3 – увеличенные изображения

но и вписаны в естественные границы скального выхода с учётом принципа композиционного расположения фигур на оленных камнях. Кроме того, на памятнике имеются фигуры козлов, а также хищников, выполненных в этом же стиле, а также изображения животных в иной манере, характерной для саяно-алтайских оленных камней.

Среди рисунков более позднего периода было зафиксировано немало антропоморфных фигур, зачастую «добавленных» в качестве всадников в ранее созданные композиции (рис. 6: 1, 3), на что указывает, прежде всего, более светлый цвет патины этих изображений. Среди прочих антропоморфных персонажей выделяется пешая фигура с древком в руке (рис. 7), в верх-

Рис. 7: Плоскость с изображением знаменосца, фото 2018 г.: 1 – общий вид плоскости; 2 – увеличенное изображение; 3 – прорисовка

ней части которого закреплено небольшое четырёхугольное полотнище. Кроме изображения знаменосца, на плоскости выбиты рисунок козла и неопределённая фигура, контуры которой плохо прослеживаются. Все изображения трудноразличимы, поскольку по цвету не отличаются от скальной поверхности, и только полотнище выделяется из-за более светлого цвета патины (подновление?).

Несомненно, пеший персонаж со знаменем в руке (рис. 7) представляет большой интерес, поскольку в петроглифах Монгольского Алтая до настоящего времени было известно всего несколько изображений всадников с пиками, на концах которых закреплены бунчуки или полотнища (рис. 8). Такие фигуры были выявлены на памятниках Хар-Хад [Новгородова, Горелик, 1980], Хар-Салаа I [Кубарев, 2009,

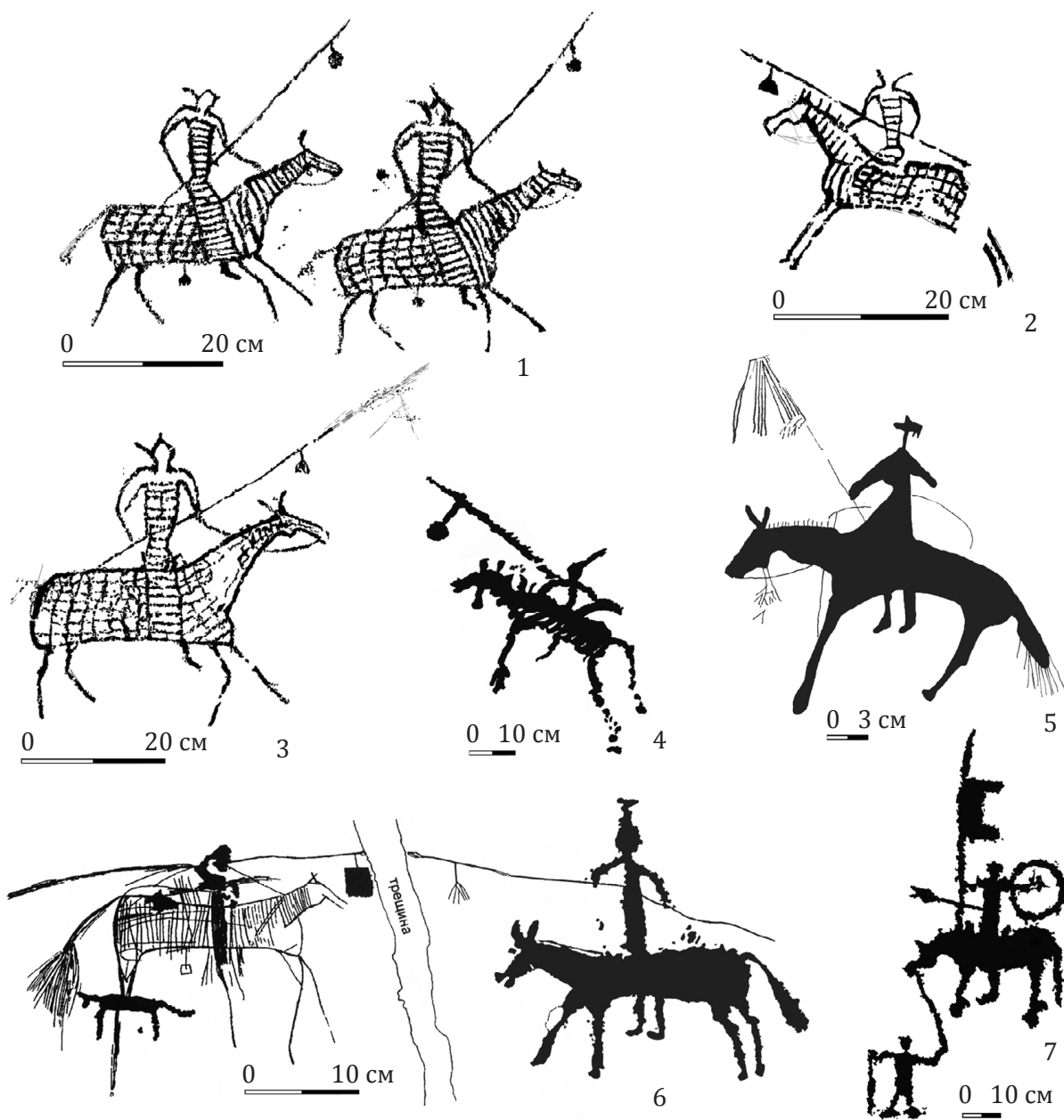

Рис. 8. Изображения конных знаменосцев в петроглифах Западной Монголии: 1–3 – Хар-Хад (прорисовки А. Н. Мухаревой); 4 – Хар-Салаа III, по: [Цэвээндорж, Кубарев, Якобсон, 2010]; 5 – Баянлиг хад, по: [Деревянко, Петрин, Цэвээндорж, Мыльников, 2008]; 6 – Шивээт-Хайрхан, по: [Цэвээндорж, Кубарев, Якобсон, 2010]; 7 – Хар-Салаа I, по: [Кубарев, 2009]

с. 60, рис. 43) и Хар-Салаа III [Там же, с. 133, рис. 323; Цэвээндорж, Кубарев, Якобсон; 2010, т. 174, зураг 323], Шивээт-Хайрхан [Кубарев, 2009, с. 282, рис. 886; Цэвээндорж, Кубарев, Якобсон, т. 322, зураг 886]. Ещё одно подобное изображение известно в петроглифах Гобийского Алтая на местонахождении Баянлиг хад [Деревянко, Петрин, Цэвээндорж, Мыльников, 2008, с. 190, рис. 168]. Среди этих конных знаменосцев лишь дважды на конце копий изображены не бунчуки, а прямоугольные полотнища (рис. 8: 6, 7). В одном случае (рис. 8: 7) сбоку от свободного края полотнища отходят две параллельные линии, изображающие, по мнению А. П. Окладникова, хвосты знамени, которые должны развеиваться по ветру [1951, с. 148]. Во втором (рис. 8: 6, крайняя левая фигура) – полотнище изображено в виде прямоугольника без «хвостов», а его способ крепления к древку совершенно идентичен тому, что запечатлён на местонахождении Дэрстиин хутул и находит наиболее близкие аналогии в петроглифах памятников Ешкиольмес [Mar'jasev, Gorjacev, Potapov,

1998, taf. 80] и Баян Журек [Самашев, 2006, рис. на с. 188] в Казахстане.

В целом, изображения знаменосцев получают широкое распространение в искусстве центральноазиатского региона, начиная с эпохи раннего средневековья и, по мнению З. С. Самашева, являются «хронологическим индикатором выделения древнетюркского пласта наскальных изображений» [Там же, с. 129, 132]. Не исключено, что фигура пешего знаменосца на скалах Дэрстиин хутул появилась в ту же эпоху.

Таким образом, небольшое местонахождение Дэрстиин хутул включает разновременные рисунки, среди которых есть персонажи, выполненные с большой тщательностью и мастерством, а также уникальные. Кроме того, в непосредственной близости от памятника были зафиксированы курганы, раскопки которых позволили бы дополнить уже имеющиеся результаты исследования петроглифов археологическим контекстом, демонстрируя перспективы дальнейших научных изысканий в местности Хавцгайт.

Литература

- Деревянко А. П., Петрин В. Т., Цэвээндорж Д., Мыльников В. П. Святилище с наскальными рисунками Баянлиг хад в Монголии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. 224 с.
- Кубарев В. Д. Петроглифы Шивээт-Хайрхана (Монгольский Алтай). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. 420 с.
- Новгородова Э. А., Горелик М. В. Наскальные изображения тяжеловооруженных воинов с Монгольского Алтая // Древний Восток и античный мир. М.: Изд-во Московского университета, 1980. С. 101–112.
- Окладников А. П. Конь и знамя на Ленских писаницах // Тюркологический сборник. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. I. С. 143–154.
- Самашев З. С. Петроглифы Казахстана. Алматы: Өнер, 2006. 200 с.
- Mar'jasev A. N., Gorjacev A. A., Potapov S. A. Kazakhstan 1: Choix de petroglyphes du Semirech'e (felsbilder im siebenstromland). Paris: De Boccard, 1998. 52 p., 90 taf. (Répertoire des Pétroglyphes d'Asie Centrale. Fascicule No. 5).
- Цэвээндорж Д., Кубарев В. Д., Якобсон Э. Шивээт хайрханы хадны зураг. Улаанбаатар: ШУА-ийн Археологийн хүрээлэнгийн хэвлэл, 2010. 442 т.

УДК 902/904

КОМПЛЕКС РУНИЧЕСКИХ НАДПИСЕЙ И ТАМГА-ПЕТРОГЛИФОВ ДОЛИНЫ АЛМАЛЫ В СЕМИРЕЧЬЕ

А. Е. Рогожинский¹, В. В. Тишин²

¹Научно-реставрационная лаборатория ТОО «Остров Крым»;

²Институт монголоведения, буддологии и тибетологии РАН

Новое местонахождение петроглифов Алмалы обнаружено в 2018 г. в юго-восточной части Чу-Илийских гор в Семиречье. Обследование небольшой горной долины выявило крупное скопление тамга-петроглифов и образцов рунической эпиграфики тюркской эпохи. В предварительной публикации рассматриваются вопросы датировки и этнополитической атрибуции нескольких типов знаков идентичности; выделяются тамги правящих кланов кочевых объединений «он ок будун», тюргшей и карлуков VII–VIII/IX вв. Памятники рунической письменности также создавались в разное время, отличаются неоднородностью графического фонда, разнообразием текстового содержания: одна из надписей относится к т.н. ачикташскому типу рунического письма, впервые найденному в Семиречье. Уникальна руническая надпись, сопровождаемая тамгой племени байундур, входившего в объединение огузов на Сырдарье. Комплекс Алмалы является самым крупным памятником рунической письменности в Казахстане и особо значимым местонахождением тамга-петроглифов раннего средневековья.

Ключевые слова: Семиречье, тюркская эпоха, руническая письменность, тамга-петроглифы, западные тюрки, тюргши, карлуки, огузы

RUNIFORM INSCRIPTIONS AND TAMGA-PETROGLYPHS OF THE ALMALY VALLEY, SEMIRECHYE

A. E. Rogozhinskiy¹, V. V. Tishin²

¹Scientific and Restoration Laboratory of "Ostrov Krym" LLP;

²Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology, SB RAS

The new petroglyphic site Almaly was discovered in 2018 in the southeastern part of the Chu-Ili mountains in Semirechye (Kazakhstan). As a result of a survey of the small mountain valley, it was revealed a large accumulations of tamga-petroglyphs and runiform inscriptions of the Türkic period. The preliminary publication considers issues related to the dating and ethnopolitical attribution of several types of identity signs are available. Here are registered tamgas of ruling clans of On Oq bodun, Türgiř and Qarluq nomadic unions, related to 7th–8/9th centuries. Runiform writing monuments are also of a wide chronological period. They differ both in heterogeneity of their graphical fund and a variety of textual content. So, one of the inscriptions refers to the so-called runiform alphabet of Achiktash (Ačĭq Tař) type are first found in Semirechye. Here, it is also unique the Old Turkic runic inscription accompanying the tamga of Bayundur tribe being a part of the Syr Darya Oghuz tribal union. The Almaly complex should be considered as the largest monument of a runiform writing in the territory of Kazakhstan and the most significant tamga-petroglyphic site of the Early Middle Ages.

Keywords: Semirechye, Türkic period, runiform writing, tamga-petroglyphs, Western Türks, Türgiř, Qarluqs, Oghuzes

Введение

Горная долина Алмалы находится в юго-восточной оконечности Чу-Илийского мелкосопочника, в 100 км к северо-западу от г. Алматы. Первое геоботаническое ис-

следование урочища проведено в 1909 г. семиреченским натуралистом В. Е. Недзвецким; первое археологическое обследование выполнено в 2018 г. А. Е. Рогожинским в рамках проекта МИЦАИ (IICAS) «Куль-

турные ландшафты с петроглифами Центральной Азии: документация, типология, изобразительные традиции и сравнительный анализ» (руководитель проекта В. А. Новоженев). Ниже представлены наиболее важные материалы по вновь открытым памятникам тюркской эпохи.

На территории урочища выявлены раннесредневековые стоянки и могильники, серия рунических надписей, наскальные рисунки и более десяти местонахождений тамга-петроглифов с 30 знаками 17-ти типов. Здесь же найдены остатки поселений, укрепленного наблюдательно-сторожевого пункта с разновременными граффити, тибетскими и ойратскими надписями, с тамгами казахских Чингизидов и племени дулат Старшего жуза XVIII – сер. XIX в. Эта группа уникальных объектов, относящихся к истории нового времени, вместе с упомянутыми памятниками тюркской эпохи может указывать на преемственность выбора примечательной по своему положению местности как военно-политического центра кочевников, контролировавших междуречье Чу и Или. Ещё в начале XX в. урочище Алмалы (русское «Яблонево») служило резиденцией управителей Ботпаевской волости, занимавшей земли от Аныракай и Тамгалы на севере до Аккайнар и Кулжабасы на юге [Недзвецкий, 1909]. Наиболее узкая часть долины р. Копа (70 км) отделяет урочище от перевала Кастек в Алатау, который вплоть до 1870-х гг. служил главным транзитным коридором, связывавшим левобережье Или и водные переправы через неё с Чуйской долиной у нынешнего г. Токмак и средневековых городищ Красная Речка (Невакет), Акбешим (Суяб) и Бурана (Баласагун) [Горячева, 2010, с. 41–46].

Тамга-петроглифы комплекса Алмалы

По расположению в археологическом ландшафте средневековые тамги отмечены в следующих контекстах: 1) на приметных скалах над руинами стоянок; 2) в составе скоплений петроглифов и рунических надписей на выдающихся вершинах, вблизи которых отмечены курганные могильники или стоянки; 3) у конных троп, пролегающих вдоль гребней увалов или

по дну долин. Примечательно, что тамги разных форм не составляют одновременных собраний («энциклопедий»); новые знаки создавались в одних и тех же пунктах обособленно друг от друга на соседних скалах или на свободных участках поверхностей, уже занятых рисунками, надписями и тамгами предшественников. Это обстоятельство затрудняет определение последовательности создания знаков сменявшими друг друга разными группами кочевников, но даёт повод искать объяснение постоянству выбора мест и регулярности практики тамгопользования.

Основные типы известных в Семиречье тамга-петроглифов, разновидности форм и ареалы уже рассматривались в ряде публикаций [Рогожинский, 2012; 2016]; здесь для удобства принимаются их цифровые обозначения (рис. 1; табл. 1).

Тамга 1 в форме соединённых вершинами треугольников с короткой линией, отходящей от центра фигуры (рис. 1: 1). В Алмалы знак зафиксирован дважды в контекстах 2 и 3. Основная форма – битреугольная фигура («бантик»); известно не менее 6-ти её разновидностей, которые широко представлены на Алтае и в Семиречье, реже – на памятниках юга Казахстана, Прииссыккуля, Центральной Монголии и Минусинской котловины. На Алтае тамга многократно зафиксирована на тюркских мемориалах и на скалах, в Семиречье – только в петроглифах. Тамга могла принадлежать крупному объединению кочевников Алтая, подразделения которого расселялись на разных территориях центрально-азиатских владений тюрков.

Тамга 2 в виде извивающейся змеи (табл. 1: 1, 2); известны две основные формы тамги, отличающиеся способом передачи змеиной «головы» – развилкой или окружностью (овалом). В Алмалы зафиксировано 6 изображений, одно из них – с овалом. В четырёх комбинированных собраниях знак занимает доминирующее положение, размещается выше других тамга-петроглифов.

Ареал тамги-змеи составляют две области концентрации находок – высокогорная часть Алтая и Чу-Илийское междуречье,

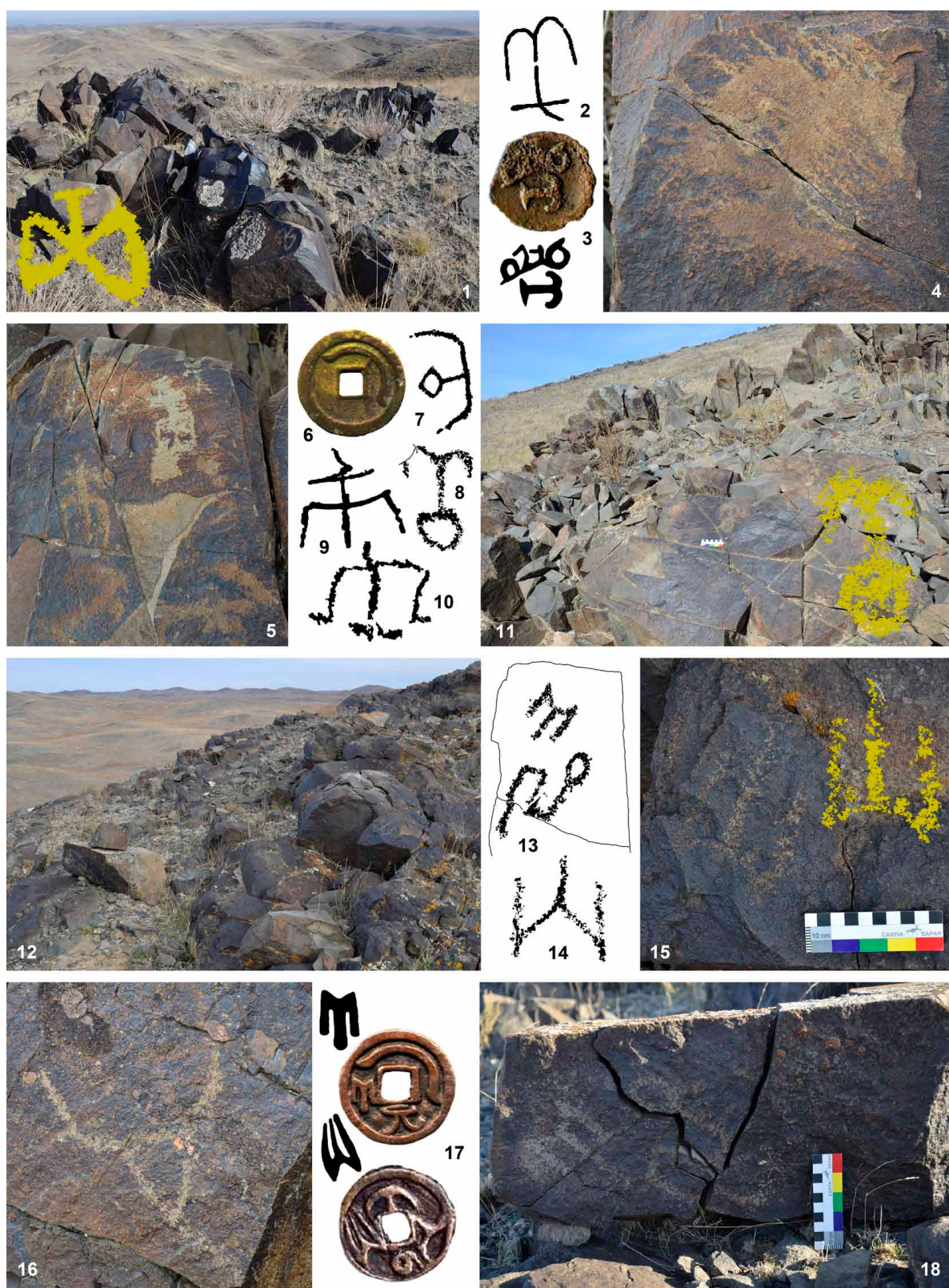

Рис. 1. Тамга-петроглифы Алмалы: 1 – тамга 1; 2 – тамга на крупе коня, Когалы; 3 – монета Чача (по: [Бабаяров, 2017]); 4 – тамга 4; 5 – тамга 8; 6 – тамга на тюркешской монете (по: [Камышев, 2009]); 7 – тамга, Котыр; 8 – тамга, Кулжабасы; 9 – тамга, Джартепе; 10 – тамга, Кулансай; 11 – тамга 6; 12, 13, 15, 18 – тамга 7; 14 – тамга, Ащысу; 16 – тамга 9; 17 – тамги на монетах (по: [Камышев, 2009]).

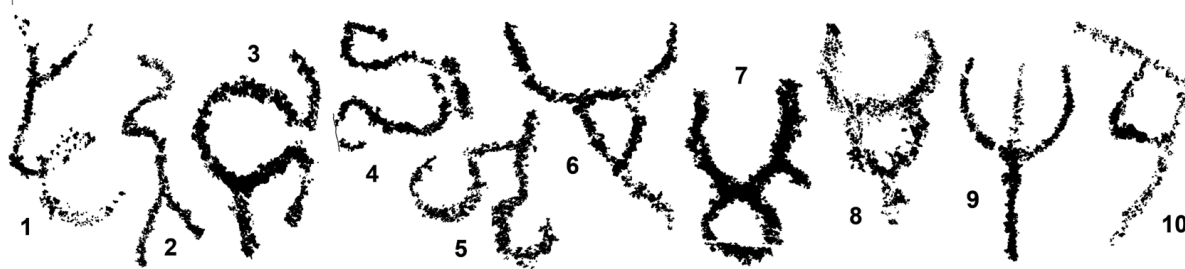

Табл. 1. Тамга-петроглифы Алмалы: 1, 2 – тамга 2; 3, 4 – тамга 3; 5 – тамга 5; 6–8 – тамга 9; 9 – тамга 10; 10 – тамга № 3

а также зона дисперсного распространения знака в Монголии, где он встречается в петроглифах (Бичигт улаан хад) и на мемориалах правящей элиты восточных тюрков (Чойрен, Мухар), на стеле из Бомбогор. Наскальные изображения тамги не обнаружены в Туве и Хакасии; сосуд с двумя такими знаками из чаатаса Уйбат можно рассматривать как дар или трофей [Кызласов, 1994, с. 301–304]. Нет подобной тамги в Прииссыккулье, на Тарбагатае, и лишь один петроглиф найден в Джунгарском Алатау (Ешкиольмес).

Единообразие формы тамги и особое место, которое она занимает среди других знаков тюркской эпохи, позволяют рассматривать её как эмблему *надплеменной* (клановой, сословной) идентичности. По иконографии и особому статусу на памятниках всего ареала тамгу-змею можно связать с клановой символикой *ашидэ* [Кляшторный, 1980, с. 92–95, рис. 2: 3; Зуев, 2002, с. 85–86] или гипотетически признать надплеменным символом крупного этнополитического объединения кочевников, подобного *телэ* или *токуз-огуз* (о соотношении этнополитонимов см.: [Cheng Fangyi, 2012; Тишин, 2014]).

Тамга 3 в форме греческой «омеги» насчитывает не менее 5-ти разновидностей, образованных с помощью добавления линий к неизменяемой форме знака; в Алмалы представлены две из них (табл. 1: 3, 4), зафиксированные в контекстах 1 и 3. Ареал тамги не образует неразрывного пространства; концентрация находок наблюдается на Алтае (Россия и Монголия), в Прииссыккулье и на левобережье Или до р. Чу. За пределами этих областей находки тамги единичны. Не известны её изображения в Тарбагатае, Джунгарском Алатау и

Сарыарке, отделяющих основные области ареала. Вероятно, путь обладателей тамги в Семиречье и Иссык-Кульскую котловину проходил с востока через Илийскую долину или с юга – через Центральный Тянь-Шань. Обе разновидности тамги из Алмалы не известны на Алтае, но часто встречаются в Прииссыккулье, а в Семиречье ещё отмечены лишь в Аккайнаре.

Известные в Монголии (Бомбогор) и на Алтае (сосуд из могильника Туекта, курган 3) образцы тамги данного типа датируются от середины VIII в. до середины или второй половины IX в. [Şirin User, 2016, р. 371–372; Кызласов, 2000, с. 88–90; Кляшторный, Савинов, 2005, с. 223, 224]. В Семиречье и Прииссыккулье датировка тамги и её разновидностей может быть более поздней. Знак в Алмалы отмечает местонахождение крупного поселения; на памятнике обнаружена лепная и станковая керамика с вертикальными оттисками гребенчатого штампа, которая встречается на городищах Семиречья с IX в. и в слоях X–XIII вв. [устные консультации В.А. Колеченко и А.А. Нуржанова; Савельева, 1994, с. 106]. Другая разновидность знака из Алмалы многократно зафиксирована в Кочкорской долине в сочетании с руническими надписями, появление которых на этой территории в IX–X вв. связывается с карлуками или иными группами населения Саяно-Алтая [Кызласов, 2005, с. 61, 62]. Отождествление тамги этого типа с тюркешами или другим племенем «он ок будун» не правомерно [Западный Тюркский каганат, 2013, с. 425, 426], поскольку ареал знака включает территории, не входившие в область расселения западных тюрков, и геральдический знак тюркеш-каганов имел другую форму (см. ниже). В ущелье

Актерек вблизи перевала Кастек зафиксировано сочетание омегаобразной тамги со знаком «кос алеп» (две параллельные наклонные линии), который известен как тамга кыпчаков. Пребывание кыпчаков на землях Западного Семиречья и предгорий Кыргызского Алатау могло иметь место во второй половине IX–X вв. [Гуркин, 2001, с. 31–33; Ермоленко, Курманкулов, 2013, с. 159].

Тамга 4 получила в нумизматической литературе название «якоревидная» [Ртвеладзе, 2006, с. 86–87]; знак своеобразной формы из Алмалы тождествен тамге на монетах Чача, которые содержат титул *каган* и личное имя *Тарду* (рис. 1: 3, 4). На основании прочтения согдийской легенды и технических параметров монет Г. Б. Бабаяров связывает их эмиссию с каганом Тарду (576–603) и считает «одними из первых монет Западно-Тюркского каганата» [Бабаяров, 2017, с. 22–24]. Как и монеты данного типа, «якоревидная» тамга-петроглиф относится к числу особо редких: в настоящее время изображение из Алмалы на скалистой вершине вблизи группы средневековых стоянок является единственным в Казахстане. Ранее подобный знак обнаружен в составе серии высокохудожественных гравировок древнетюркского комплекса Когалы (30 км от Алмалы), где «якоревидная» тамга вырезана на крупе коня (рис. 1: 2). Искусно выполненная гравюра в деталях представляет богатое убранство породистого скакуна; под седлом обозначен потник с округлым краем, украшенный «перлами», или пятнистая шкура (леопарда?), подчеркивая этим высокий статус владельца коня. Сопоставление тамга-петроглифов из Алмалы и Когалы с нумизматическими материалами позволяет принять датировку, предложенную Г. Б. Бабаяровым для монет этого типа: конец VI – начало VII в. [Бабаяров, 2007, с. 24–26].

Тамга 5 атрибутируется на основе среднеазиатской геральдики, где такой знаменителен на раннесредневековых монетах известен как «лировидный» [Смирнова, 1981, с. 17, табл. XCIV: 122, 124]. В Алмалы знак обнаружен в контексте 3 – на скале у тропы; миниатюрная тамга впервые за-

фиксирована в составе небольшой группы петроглифов (табл. 1: 5). У правого края плоскости напротив знака выбита другая тамга; стратиграфия, иная техника выбивки и более светлый цвет патины говорят, что тамга добавлена позже. «Лировидная» тамга-петроглиф – один из редких знаков, ранее зафиксированный лишь в четырёх пунктах Чу-Илийских гор (Когалы, Тамгалы, Аккайнар и Кулжабасы); форма знака неизменна, нет производных вариантов.

Тамга хорошо известна в нумизматике Средней Азии (Панч, Чаганиан, Кобадиян) и обнаружена на керамике в Отрарском оазисе [Naumark, 2005, с. 226–227; Байпаков, Авизова, 2015, с. 208, 213, рис. 22; Алёшин, 2013]. По этим аналогиям «лировидные» тамга-петроглифы могут датироваться VI–VII вв. Принадлежность знака пока не выяснена, но его роль династической тамги какого-то знатного клана кочевников, связанного с Семиречьем и областями Восточного Согда, Северного Тохаристана, очевидна.

Тамга 6 – это династический знак правителей Тюркешского каганата (рис. 1: 6). Известно более 10 тамга-петроглифов, сосредоточенных преимущественно в Чу-Илийском междуречье, что согласуется с данными китайских источников о занимаемой тюркешами территории к моменту их возвышения на рубеже VII–VIII вв. [Зуев, 2002, с. 149–150]. Форма знаков единообразная: замкнутая фигура (ромб или окружность), соединённая линией с двумя сходящимися концами дугами или одной дугой. Найденные тамга-петроглифы сопоставимы с геральдическими знаками на монетах Чуйской, Таласской долин и Отрарского оазиса, которые несут легенду «господина тюркешского кагана фан (деньга)». Принято считать, что тюркешская тамга есть «стилистический вариант рунического “ат”» [Смирнова, 1981, с. 61], что с началом выпуска собственной монеты по образцу китайских денег с квадратным отверстием форма тамги видоизменилась в результате стилизации. Ранее уже обнаружены тамга-петроглифы (рис. 1: 7, 8), соответствующие двум видам стилизованной тамги на тюркешских мо-

нетах [Рогожинский, 2016, рис. 1: 29–31]. Тамга из Алмалы представляет наиболее распространенную форму знака (рис. 1: 11), и находка её здесь возле стоянки примечательна. В подобных контекстах тамги тюргешей в Семиречье датируются не позднее 766 г.

Тамга 7 представлена двумя вариантами в одном собрании с тамгой 2 (рис. 1: 12, 13, 15, 18). Тамги находятся на вершине увала, у подножия которого расположено поселение; встречается лепная и станковая раннесредневековая керамика. Одна тамга в форме перевёрнутого рунического знака М /lt/ выбита на поверхности скалы. Второй такой знак развёрнут на 180° и вместе с тамгой-змеей нанесён на грань брусковидного обломка песчаника, который первоначально был установлен вертикально. В таком положении тамга-змея размещена ниже тамги в форме рунического знака, что может указывать на более высокий статус обладателей последней.

Тамги этого типа впервые зафиксированы как знаки идентичности у поселения в сочетании с тамгой-змеей. Ранее перевёрнутый знак М обнаружен в долине Ащису к северу от Тамгалы: он входит в собрание тамга-петроглифов, не связанное явно с иными памятниками. Всего известно около десяти изображений такой тамги, найденных в основном на Алтае (Чаган, Талтура, Цагаан Салаа); знак присутствует в собрании на стеле из Шивээт улаана на Хангае [Кубарев В. Д. и др., 2005, рис. 116: 23; Кубарев Г. В., 2017, с. 344, рис. 1; Базылхан, 2011, рис. 2].

Тамги из Алмалы и Ащису идентифицируются как эмблемы правящего клана карлуков – по сходству со знаками на группе монетных типов из Чуйской и Таласской долин (рис. 1: 17), эмиссия которых связывается специалистами с «династией (?) Арсланидов – своеобразных “посредников” между тюргешскими правителями и сменившими их в Семиречье в X в. Караханидами» [Настич, 1989, с. 117]. По материалам с городища Шиш-тобе (Нузкет) выделены монеты собственно карлукского чекана с легендой «монета господина кагана карлуков» [Лурье, 2010, с. 280–282, рис. 1:

1, 2], на которых изображены тамги сходного вида.

Тамга 8 представлена двумя изображениями в собрании разновременных знаков, в которое входит «якоревидная» тамга. Знаки выбиты рядом на одной плоскости, грубо подновлены в позднейшие времена, и первичная форма тамги восстанавливается условно (рис. 1: 5). Знак имел вид «тарак»-тамги с выступающей вверх центральной опорной линией; возможно, в верхней части осевая линия пересекалась короткой чертой. Основная фигура имеет сходство с одним из вариантов тамги казахских Чингизидов; возможно, это обстоятельство побуждало исполнителя позднейшего подновления знаков.

В Казахстане «тарак»-тамга крайне редко встречается как средневековый петроглиф: подобный знак известен в Кулжабасы, но полного сходства нет. Поиск аналогий заставляет обратиться к памятникам Таласской долины в Кыргызстане. Речь идет о многих предметных находках с городища Садыр-курган (Шельджи), которые отмечены похожим знаком, нанесённым на слитки серебра, посуду, на камень с куфическим текстом X–XI вв. [Камышев, 2009, с. 284–289, рис. 1: 2]. Серия таких знаков выделяется среди согдийских и тюркских рунических надписей, обнаруженных в Терексай и Кулансай. Согдийские тексты содержат даты (906, 1002 и 1026 гг.), перечень тюркских личных имён, мужских и женских, которые сопровождаются титулами *тегин* и *хатун*; В. А. Лившиц делает вывод о принадлежности мемориантов к «верхушке карлукской племенной знати» [Лившиц, 2004, с. 144–147]. Судя по датировке и характеру памятников, их локализации, «тарак»-тамга могла являться клановой эмблемой одной из ветвей династии Караханидов. Возможно, к этой же группе относятся четыре тамги на блюде второй половины XII в., найденном на городище Джартепе в Заамине [Грицина, 2002]; они имеют наибольшее сходство с тамгами из Алмалы.

Другую линию аналогий образуют знаки на скалах в Хакасии. Особенно многочисленны и близки по облику тамги из

Усть-Тубы; некоторые из них сопровождаются рунические надписи [Blednova et al., 1995, pl. 47, 2.1, pl. 51, 35.1, 2, pl. 54, 42.1, 2, и др.].

Тамга 9 встречена в Алмалы дважды: в том же скоплении знаков обособленно от описанных выше знаков и «якоревидной» тамги (табл. 1: 6); над изображением лучника, целящегося во всадника, рядом с рунической надписью Алмалы I. Знак выглядит как дугообразная фигура, развёрнутая концами вверх, к которой снизу примыкает «подвеска» – две короткие линии, сходящиеся после перегиба острым углом. В одном случае дополнительная линия отходит от угла «подвески» вправо, в другом – влево. Возможно, к этой же группе относятся три других знака, имеющих признаки сходства и отличия с двумя описанными (табл. 1: 7, 8). Все варианты тамги встречены в разных пунктах Чу-Илийского междуречья (Кулжабасы, Чокпар, Жайсан и др.), но её датировка и принадлежность пока не установлены. В Тамгалы разновидность тамги с «подвеской» и тамга 5 изображены вместе, но в собрании знаков из Асык тамга 9 выглядит «моложе» двух знаков в форме «омеги» [Рогожинский, 2012, с. рис. 3: 1–3; 2016, с. 173, табл. 1: 17, рис. 1].

Знаки, напоминающие тамгу 9, известны среди петроглифов Среднего Енисея, а также на сосуде с рунической надписью, найденном возле Абакана [Blednova et al., 1995, pl. 50, 30.1, pl. 52, 36.3; Бутанаев, Ботвич, 2010, рис. 3].

Тамга 10 в форме трезубца обнаружена в контексте 3 (табл. 1: 9). Точные аналогии есть в Тамгалы, где дважды знак сопровождает изображения всадников-знаменосцев. Можно отметить сходство этой тамги со знаком на т.н. тухусских монетах, эмиссия которых осуществлялась в городах Чуйской долины после тюркшей до конца VIII в. [Камышев, 2002, с. 61–65].

Три разные тамги (для них вводится нумерация 1–3) последовательно нанесены на плоскость с надписями Алмалы II (рис. 2: 5). Тамга № 1 выглядела как две не соединённые вместе слабоизогнутые дуги, расходящиеся вверх, а от левой дуги отходила короткая черта; позже тамга под-

новлена, и подобная черта отведена от правой дуги. После подновления и «исправления», знак оказался перекрыт линией тамги № 2. Тамга № 1 в обоих вариантах (черта слева или справа) известна в Кулжабасы и Шокпар; две её разновидности – с вертикальной линией или крестом над дугами – найдены в Тамгалы и Ушкызыл. За пределами Чу-Илийского междуречья аналогии не известны.

Тамга № 3 имеет вид неправильного ромба с выступающими концами двух коротких линий. Идентичный знак ещё зафиксирован в Алмалы в контексте 2; одно изображение есть в Котыр. Похожие знаки, основную фигуру которых составляет ромб, встречаются от Монголии до Прииссыкуля.

Тамга № 2, несмотря на некоторые искажения, имеет узнаваемую форму. Подобный знак вырезан на накладке лука из погребения тюркского времени в Туве [Садыков, 2017, рис. 8: 15; 9: 156]. Четыре таких знака происходят из Арпаузен в Каратау: два выбиты поверх древнего изображения верблюда, ещё два нанесены на стелу, вторично использованную на старом казахском кладбище. Вместе с этими аналогиями своеобразная тамга № 2 из Алмалы уверенно идентифицируется по рисунку из рукописи «Диван лугат ат-турк» [Махмуд ал-Кашгари, 2005, с. 93] как тамга племени *байундур*, входившего в объединение огузов.

Рунические надписи Алмалы

Рунические надписи найдены в двух пунктах: в устье горной долины (Алмалы I; 2 строки, 17 знаков) и на доминирующей вершине увала, образующего северо-восточный водораздел урочища (Алмалы II и III; 7 строк, более 50 знаков). Надписи на скалах сопряжены с петроглифами и тамгами разных видов.

Алмалы I

Двухстрочная надпись (рис. 2: 1) нанесена на патинированную поверхность крупнозернистого песчаника юго-западной экспозиции, расположенную в средней части скального обнажения на левом склоне ущелья, на высоте 7 м от его подножия. Ниже на другой плоскости нахо-

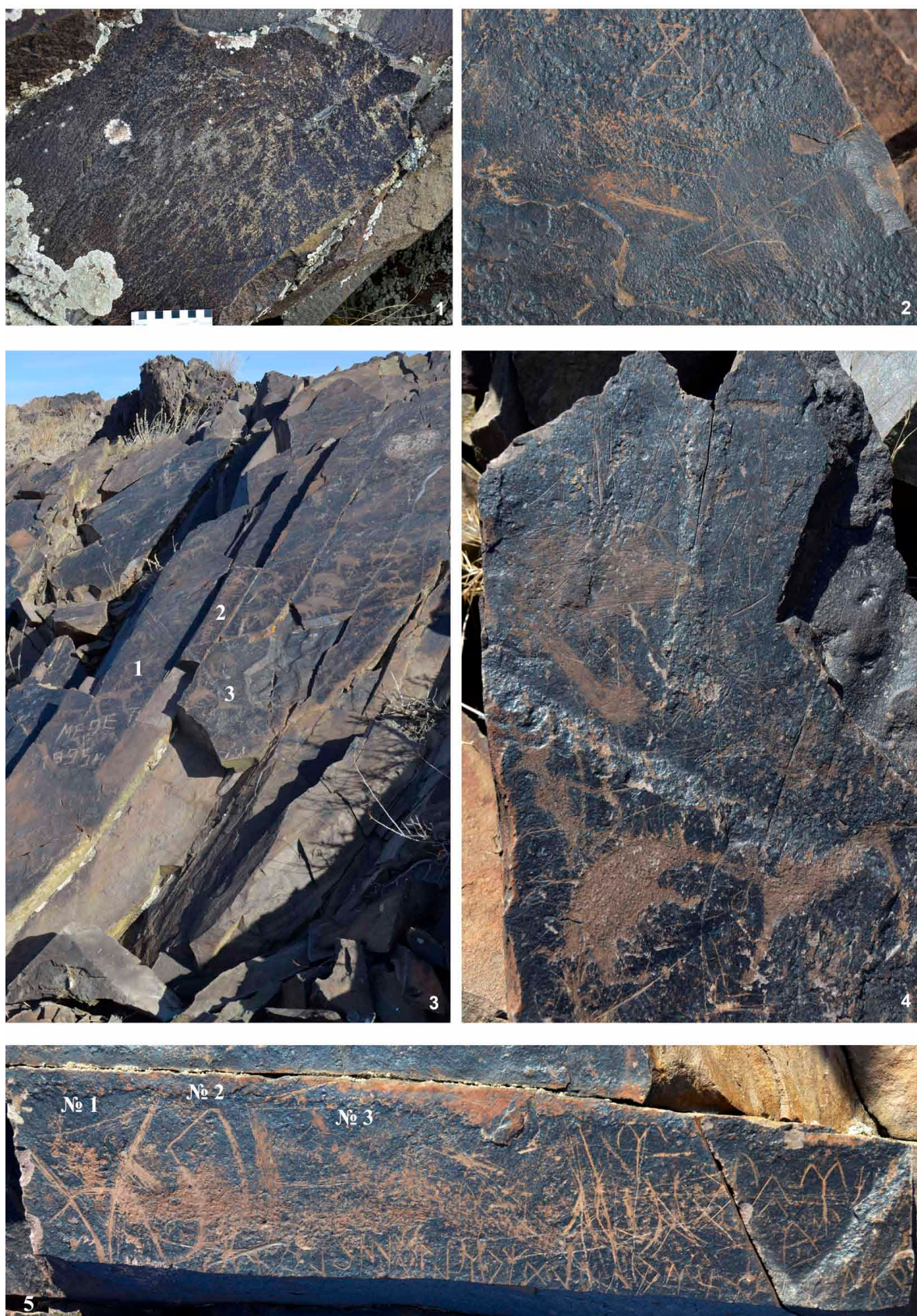

Рис. 2. Рунические надписи Алмалы: 1 – Алмалы I; 2 – Алмалы III; 3 – Алмалы II, общий вид, участки 1-3; 4 – Алмалы II/3, общий вид; 5 – Алмалы II/2, общий вид; тамги № 1-3

дится композиция с тамгой 9. Перед скалой, у склона, заметны задернованные каменные насыпи курганов.

Низ плоскости слева покрыт лишайниками, частично перекрывшими два последних знака стк. 2. Справа у начала стк. 1 есть небольшой скол. Надпись выполнена неглубокой выбивкой; последние знаки верхней строки, возможно, подновлялись; не все знаки хорошо различимы и идентифицируются небесспорно. Можно предложить следующее предварительное чтение и перевод.

Текст:

P? ʒ? 1(1?) I₅ ✕ ✕ h(P?) ʒ ✕ (1)

P? ʒ P₅ ✕ ʒ(ʒ?) ✕ ʔ D?(P?) (2)

Транслитерация:

(1) b²Mt²(?)gb²₅ s²P(A?)d¹(?)I(?)

(2) j¹(j²?)r²gk(j²?)g₅ j²d¹I(?)

Транскрипция:

(1) (ä)v(i)m t(ä)g b(e)š (a)p(i)dī

(2) (a)j (ä)r(i)g (или j(e)r(i)g) j(e)g j2(a)d[d]i

Перевод:

(1) дома (= жилищу) моему подобно, (меня?) пять [раз] укрыл (он)

(2) месяц (= луна) мужа(-ей)-воина(-ов) хорошо (= дóбро) рассеял (в знач. расположил?) / *вар.*: землю хорошо (= дóбро) расстелил (он)

Комментарий:

b(e)š (a)p(i)dī (стк. 1, знаки 4–8): об использовании числительных для обозначения многократности или повторяемости действий см.: [Erdal, 2004, p. 224]. Глагол *apī-/abī-* ‘скрывать, прятать’ [Древнетюркский словарь, 1969, с. 2; Clauson, 1972, p. 6; Erdal, 1991, vol. II, p. 762] является переходным глаголом, потому здесь следует предполагать наличие объекта действия, вероятно, непрямого, но подсказанного личным аффиксом 1 л. ед. ч. в слове *äv-im*.

(a)j (ä)r(i)g или j(e)r(i)g (стк. 2, знаки 1–3): фразу *aj är-ig* допустимо трактовать и как единую конструкцию, где *aj* может выступать в роли изафета, однако толкование получившегося буквально «лунного мужа-воина» вызовет определённые вопросы в интерпретации.

j²(a)d[d]i (стк. 2, знаки 6–8): глагол *jad-* ‘to spread out (on the ground, etc.)’, hence

metaph. ‘to publish abroad’ and the like» [Clauson, 1972, p. 883–884], ‘разносить, распространять’, ‘раскладывать’, ‘разливать (о жидкости)’ [Древнетюркский словарь, 1969, с. 222], *jad-* ‘распространять’, ‘раскладывать’, ‘рассеивать (о свете)’, ‘растилат’ [Древнетюркский словарь, 1969, с. 223]. При такой интерпретации подразумевается описка в первом знаке, где ожидалось бы /j¹/.

Для последних знаков обеих строк (№ 9 и 8 соответственно) можно предположить фонемное значение /I/, исходя из существования аллографов I с округлыми очертаниями, в частности, в надписи Чарыш и нескольких текстах Хойто-Тамира (Тайхар Чулуу) [Васильев, 1983, с. 97, табл. 2, стк. 7, 8].

Исходя из интерпретации стк. 1, при любом варианте чтения первого знака стк. 2, речь может идти о том, что кто-то пять раз останавливался (или гостил?) в данной местности.

Алмалы II и III

Оба памятника находятся в 10 м друг от друга на противоположных склонах скалистого гребня увала: Алмалы II на западной стороне, Алмалы III – на восточной. Надписи нанесены на гладкие патинированные поверхности мелкозернистого песчаника и прорезаны металлическим инструментом; глубина резных линий, величина знаков и расположение строк в разных текстах заметно отличаются.

Группа надписей Алмалы II размещена на трёх смежных гранях большой наклонной плоскости, её среднюю часть занимает композиция петроглифов – сцена охоты (рис. 2: 3). Петроглифы разновременные: две фигуры животных, по видимому, эпохи бронзы, подновлены в средние века, одна переделана в козла; в сакское время картина дополнена четырьмя фигурами кабанов, позже тоже подновлёнными; отдельно от них слева внизу – изображение кабана, на которого спереди и сзади нападают собаки (часть одной фигуры утрачена), дорисованные вместе с фигурой лучника при подновлении рисунков. Под шеей у собак подвешены короткие поводки с кольцом на кон-

це. Спину хищника пронзила стрела с оперением; такая же стрела показана у пояса лучника (рис. 2: 4). Выше сцены – неясная фигура, вокруг которой вдоль трещин прорезаны две короткие рунические надписи и отдельный знак. Другие три строки с тамгами вырезаны слева на узкой грани скалы; левее, на смежной грани, слабо намечены знаки ещё одной надписи. В целом, надписи сосредоточены слева от композиции петроглифов, которая после подновлений и дополнений представлялась как единая повествовательная картина – сцена охоты лучника на кабанов.

Низ панно разрушен при падении нависавшего справа выступа скалы; два фрагмента с надписями удалось отыскать в осыпи и установить на место; фрагмент с началом самой длинной строки не обнаружен. Условно выделены три участка панно, на которых сохранились надписи и тамги: Алмалы II/1–3.

Алмалы II/1

По меньшей мере на трёх местах поверхности участка 1 зафиксированы знаки, которые не могут быть сопоставлены с известным графическим фондом памятников древнетюркской рунической письменности. Прежде всего, это комбинация из нескольких (четырёх?) знаков, а также два одиночных знака.

Знаки, начертанные в составе комбинации, просматриваются нечётко, и их идентификация в высшей степени гипотетична; предположительно это повторяющееся сочетание двух знаков. Первый из них, если рассматривать ряд справа налево, известен только по Ачикташской палочке [Васильев, 1983, с. 148, табл. 36; Кызласов, 1994, с. 57, табл. XVIII, № 6, с. 58, табл. XIX, № 52, с. 66, табл. XXI, № 54], второй, в виде направленной прогибом вправо вертикальной дуги, формально сопоставим с древнетюркским /n1/ [Васильев, 1983, с. 125, табл. 19, стк. 1, 3, 4] и тоже фиксируется в тексте на палочке [Кызласов, 1994, с. 57, табл. XVIII, № 15, с. 58, табл. XIX, № 28, с. 66, табл. XXI, № 31].

Примечателен одиночный знак в форме трёхступенчатой «лесенки», кажется, известный до сих пор в таком виде только

в надписях Маяцкого городища [Кызласов, 1994, с. 16, табл. IV, № 9, стб. 8].

Трудно судить, насколько верно предположенное И. Л. Кызласовым сопоставление данного знака со знаками похожих очертаний, но расположенных зеркально, известных по надписи на Кривянской баклажке из Новочеркасского музея и на Ачикташской палочке, а также с зафиксированными в составе ряда других надписей типологически близкими «лесенками», имеющими, однако, большее количество «ступенек» [Кызласов, 1994, с. 22, табл. I, № 18, с. 24, табл. V, № 10, с. 25, табл. VI, № 18, с. 26, табл. VII, № 10, с. 32, табл. X, № 16, с. 37, табл. XII, № 10, с. 40, табл. XIV, № 6 с. 55, табл. XVII, № 25, с. 57, табл. XVIII, № 8, с. 58, табл. XIX, № 29, с. 66, табл. XXI, № 20, с. 70, табл. XXIII, № 23].

Другой одиночный знак в виде двух составленных вершинами треугольников может быть интерпретирован двояко (письменный знак или тамга-петроглиф), учитывая, что нельзя ничего точно сказать о пространственной ориентации его очертаний.

Алмалы II/2

На участке 2 тамги № 1–3 и надписи прорезаны металлическим инструментом, но выполнены по-разному и, видимо, разными резчиками. Граффити нанесены рядом и поверх неясных древних петроглифов, некоторые рунические знаки и тамги подновлялись позже; без подновления сохранилась самая длинная строка текста (стк. 3). По-видимому, она является и самой ранней; слева у края плоскости тем же приёмом глубоко прорезана тамга № 1. Следующей появилась часть второй строки (стк. 2): знаки её крупнее знаков предыдущей, но выполнены сходным образом. Возможно, с ней связана тамга № 3; острым орудием она нанесена штриховкой на свободный участок поверхности. Со значительным интервалом, судя по оттенку патины, на поверхности вырезана тамга № 2 и, возможно, конечные знаки второй строки (стк. 2а). Так же подновлена стк. 2; выше и ниже между тремя начальными литерами добавлены знаки в виде «Λ». Сходным приёмом подновлен или

строке, но не ясно, к первичной или к той, которая читается на настоящее время. Однако второму варианту противоречит тот факт, что предыдущие три знака (№ 3–6) обведены несколько раз (подновлены?).

j(a)viz (стк. 2a): *javiz* ‘ничтожный, плохой, слабый’ [Древнетюркский словарь, 1968, с. 222], “basically ‘bad’ in every sense of that word, usually ‘morally bad’ or ‘unfavourable, unuspicious’, and the like”, др.-тюрк. “ ‘in a bad way, unfavourably situated’ or the like” [Clauson, 1972, p. 881, 882]. Выписанный гласный второго слога представлен, по-видимому, зеркальным аллографом знака ʁ [Васильев, 1983, с. 97, табл. 2, стк. 2]. Графическое обозначение второго гласного зарегистрировано в частности в енисейском памятнике Кёжээлиг-Хову (Е 45, стк. 10) [Yıldırım, Aydın, Alimov, 2013, s. 118, 119, 120] и рукописном документе из лондонской коллекции А. Стейна (Ch.00183, стк. 11) [Thomsen, 1912, p. 219, Plate III(b): IV].

<...>kn²¹ (стк. 3, знаки 1–3): из-за недостающего фрагмента идентифицировать слово невозможно, но исходя как из контекста фразы, так и из возможности идентификации знаков, здесь предполагается формант винительного падежа +nl, в употреблении с именами, характерный для древнеуйгурских памятников [Erdal, 2004, р. 170–171]. В памятниках древнетюркской рунической письменности он встречается исключительно с местоимениями *bu*, *biz*, *siz*, *kim* [Erdal, 1979, р. 154; Кормушин, 2008, с. 186]¹, в ранних древнеуйгурских текстах (с IX в.) он присоединяется к именам, представленным формами множественного числа и иноязычными словами, а в более поздние периоды фигурирует повсеместно [Erdal, 1979, р. 155, 156, 157].

j(a)lliqčī (стк. 3, знаки 12–15): слово гипотетически переводится нами, исходя из известного в чагатайском *jallyk* ‘нанимание’ (Das Mietchen) [Радлов, 1905, стб. 179]. В древнеуйгурских памятниках сочетание аффиксов +*lXK* и +*čI* обозначает лиц, работающих в месте, название которого как раз выступает образованием с аффиксом +*lXK*

$\#1SD(2a)$
 $\wedge \gg \Upsilon \mathcal{H} \mathfrak{X} || \mathfrak{I} \mathfrak{S} \mathfrak{I} \mathfrak{H} \mathfrak{Y} \dots (3)$
 $\mathfrak{I} \mathfrak{H} \diamond_{10} \mathfrak{J} \mathfrak{S} \mathfrak{N} \mathfrak{I} \mathfrak{X}_{25} : \mathfrak{I} \mathfrak{J} \mathfrak{Y} >_{20} \mathfrak{Y} \mathfrak{X} \mathfrak{J} \mathfrak{D} :_{15}$

(1) r^2
 (2) $r^2 t^1 \parallel M \gamma l^1_5 \gamma v \dots$
 (2a) $j^1 b^1 P(I?) Z$
 (3) $\langle \dots \rangle kn^2 Ib^1 s^2_5 \parallel MZr^2 M\acute{S}_{10} : j^1 l^1 \underline{LIQ\check{C}}^i_{15}$
 $uy l^1 I :_{20} b^2 \eta \ddot{u} b^1 l^1_{25} MZA$

(3) $\langle \dots \rangle \text{kn}^2 \text{Ib}^1 \text{s}^2 \text{ }_5 || \text{MZr}^2 \text{M} \acute{\text{S}} \text{ }_{10} : \text{j}^1 \text{l}^1 \underline{\text{LIQČ}}^i \text{ }_{15}$

lliqčī oyli: b(ä)ñü (a)vl(a)m(a)z a

(a)ʏl(i)ʏ (стк. 2, знаки 3–6): формаль-
предлагается сопоставить с *aʏ* ‘силок,
вушка’, известным, впрочем, только
караханидско-уйгурского времени [Древ-
тюркский словарь, 1968, с. 16; Clauson,
1972, p. 75].

¹ Дискуссионное место в енисейской надписи Абакан (Е 48) не обсуждается.

[Erdal, 1991, vol. I, p. 130]. В читаемом слове предлагается видеть обозначение объекта наимания.

bāñjü (стк. 3, знаки 21–23): одна из орфографических форм, известных в памятниках древнетюркской рунической письменности (ср.: *bāñkü, bāñgü, bāñigü, bāñü, māñkü*) [Древнетюркский словарь, 1969, с. 94, 95, 343; Clauson, 1972, p. 350; Alimov, 2014, s. 154], отражает фузию кластера *-ŋg-* > *-ŋ-*, которой предшествовало, по-видимому, озвончение *-ŋk-* > *-ŋg-*. Это может рассматриваться и как диалектное явление, но в совокупности с формантом аккузатива *+nl* (см. выше), скорее, выступает как датирующий признак. Употребление слова в функции наречия широко регистрируется со среднетюркского периода (ср.: карахуйг. *tāñgü, tññü* 'вечно', 'бесконечно', 'постоянно', 'долго' [Древнетюркский словарь, 1969, с. 341, 343]), но, видимо, также характерно и для древнетюркского [Clauson, 1972, p. 121 (статья *él*)].

Замечания к графическому фонду

Для сложного знака в стк. 3 (№ 14) в форме двух составленных вершинами равнобедренных треугольников мы принимаем трактовку как лигатуры */līq/*, надёжно обоснованной на материале памятников различных ареалов [Кормушин, 1997, с. 170, 260; Rybatzki, 1997, S. 33–35, Anm. 35; Alimov, 2014, s. 18, 26, No 38, s. 157, 158]. Он может считаться знаком, характерным для всех ареалов древнетюркского рунического письма.

Здесь же фиксируется характерное для Таласских надписей начертание */b2/* (№ 21) в форме двух дуг [Васильев, 1983, с. 103, табл. 6, стк. 15; Alimov, 2014, s. 24, № 7].

Примечателен в стк. 3 (№ 11) знак в форме «крыши», зарегистрированный в текстах с территории Енисейской долины, Алтая и Таласской долины [Васильев, 1983, с. 133, табл. 25, стк. 2–4, с. 135, табл. 26, стк. 2, 3; Alimov, 2014, s. 25, № 24].

Особо может быть отмечен знак в форме направленной вверх «птичьей лапки» (№ 16), для которого в енисейских текстах предложено толкование как лигатуры */ič/*, допуская, по-видимому, и */či/* [Кызласов, 1994, с. 89, 91; Кормушин, 1997, с. 163,

167; Кормушин, 2008, с. 52, 55, 56]]. Этот же знак в ряде надписей с Алтая, турфанских документах на бумаге встречается, по-видимому, в значении шипящего сибирянта */š/* [Васильев, 1983, с. 136, табл. 26, стк. 15; Кызласов, 2003, с. 13].

В третьей строке мы видим три различных написания */m/* – «каноническое» (в форме «рыбки»), затем в форме «кружка» с лучами, что характерно для таласских памятников [Васильев, 1983, с. 125, табл. 18, стк. 38–40; Alimov, 2014, s. 24, № 8], и в форме «ромба», близкий к которому знак отмечен в одной из надписей Ак-Олён [Alimov, 2014, s. 157].

Характерно, что во второй и третьей строке по-разному написан */g/*. В стк. 2 это Х-образная форма, типичная для надписей Таласской и Кочкорской долин, текстов с территории Алтая и нескольких памятников из Тувы [Васильев, 1983, с. 109, табл. 9, стк. 17–19; Alimov, 2014, p. 25, № 16], в стк. 3 знак имеет Y-образную форму и длинные боковые элементы,ходящие до основания центрального элемента знака. Такое Y-образное основание, соединённое с боковыми отводами, характерно для ряда енисейских памятников и текста из местности Ак-Олён [Васильев, 1983, с. 109, табл. 9, стк. 13, 14; Alimov, 2014, p. 25, № 16]. Такой факт может служить дополнительным свидетельством, что эти строки писались не одним автором и, по-видимому, в разное время.

Алмалы II/3

Здесь зафиксированы, по крайней мере, две самостоятельные надписи (рис. 2: 4), которые мы условно обозначаем как две строки (стк. 1 – вертикальная надпись, стк. 2 – горизонтальная).

Текст:

^? Ч ʒ (1)

» ʌ ʏ (2)

Транслитерация:

(1) ʎr¹š(?)

(2) r²t¹m

Транскрипция:

(1) (a)ʎr(i)š (?)

(2) (ä)r (a)t(i)m

Перевод:

(1) тяжесть (?) (вар.: боль (?))

(2) мое имя мужа-воина

Комментарий:

ayrīš (стк. 1): чтение подобрано на основе аналогии с известным в древнеуйгурских турфанских документах *ayrūš* < *ayru-* / *ayrī-* 'быть, становиться тяжёлым', 'испытывать боль, болеть' + -Xš [Clauson, 1972, p. 91]. М. Эрдал, однако, предложил исправление чтения на *aqrūš* 'quiet' < **aqrurūš* < **aqrur-* + Xš [Erdal, 1991, vol. I, p. 262, 263].

Замечания к графическому фонду

Обращает на себя внимание Y-образное начертание /g/ с длинными дугообразными боковыми элементами, не достигающими при этом до основания центрального стволика, что формально сближает начертание со стк. 2 на участке 2 (Алмалы II/2).

Алмалы III

Надпись и рисунки нанесены на поверхность песчаника неострым концом инструмента (рис. 2: 2). Первоначально сделаны рисунки: дуга, развернутая концами вправо, и сложная фигура, напоминающая купольный свод над каркасным строением (шатёр), схематично показанным в виде «П» (вход?) с ещё одной опорой слева. Выше прорезаны четыре рунических знака, один из них («лесенка») перекрывает дугу «купола». Линии надписи и рисунка сходны по ширине и оттенку патины, но письменные знаки врезаны глубже.

Сочетание из четырёх знаков, которые, по-видимому, не могут быть отнесены к древнетюркскому руническому письму. Этому препятствует, во-первых, сочетание знака в виде двух соединенных вершинами треугольников **𐰇** со знаком в виде двух круглых скобок **𐰆**. Если принять для первого толкование как /liq/, учитывая, что все известные случаи его фиксации относятся именно к окружению с велярным вокализмом, то второй знак, независимо от того, читать ли его как енисейский /e/ или как таласский /b²/, предполагает палатальный ряд. Вторым препятствием для соотнесения надписи с древнетюркским руническим письмом выступает наличие знака в форме трёхступенчатой «лесенки», как в Алмалы II/1. Последний знак формально может быть сопоставлен с древнетюркским /p/.

Следует отметить, что среди памятников выделенных И. Л. Кызласовым алфавитов (донской, кубанский, ачикташский) имеются различные варианты «лесенки» (см. выше), но только т.н. ачикташский содержит начертания, подобные двум другим знакам, зафиксированным в рассматриваемой надписи. Исключительно по надписи на Ачикташской палочке известен, во-первых, знак в виде двух треугольников, развернутый, однако, вертикально, во-вторых, знак в виде двух пересекающихся вертикальных дуг [Кызласов, 1994, с. 57, табл. XVIII, № 9, 19, с. 58, табл. XIX, № 50, 51, с. 66, табл. XXI, № 52, 53].

Выводы

Изучение памятников Алмалы только началось, но даже беглое ознакомление с новыми материалами позволяет оценить их значение. Корпус известных памятников рунического письма на территории Казахстана существенно пополнен группой надписей Алмалы I–III – разных по времени создания, неоднородных по графическому фонду и неравноценных по текстовому наполнению. Примечательно сосредоточение в одной местности разнообразных памятников эпиграфики, усложнённых палимпсестами с тамгами. На данный момент комплекс Алмалы является самым большим местонахождением эпиграфики тюркской эпохи в Казахстане и особо значимым по составу тамга-петроглифов, так как немалая их доля соотносится с правящей элитой западных тюрков, тюркешей и карлуков VII–VIII/IX вв. Уникальна находка рунической надписи в сопровождении тамги № 2, которая может рассматриваться как аутентичный письменный памятник, связанный с пребыванием огузов в Семиречье.

Важное значение имеет открытие в Алмалы знаков руноподобного письма, принадлежащего к системе письменности, отличной от древнетюркской руники (ачикташское письмо, по И. Л. Кызласову). Данная находка не только пополняет известный фонд подобных памятников, но и расширяет географию их распространения, позволяя также надеяться на определённые перспективы в выяснении историко-культурной природы этого письма.

Литература

- Алёшин А. Н. Монеты Кобадияна и их надчеканки // I Международная научная конференция «РАС-МИР: Восточная нумизматика – 2011». Киев: Альфа Реклама, 2013. С. 8–16.
- Западный Тюркский каганат. Атлас. Астана: «Service Press», 2013. 848 с.
- Бабаяров Г. Древнетюркские монеты Чачского оазиса (VI–VIII вв. н.э.). Ташкент: Изд-во Национальной библиотеки Узбекистана, 2007. 120 с.
- Бабаяров Г. Монеты Западно-Тюркского каганата с титулом «Тарду каган» // Проблемы древней и средневековой истории Чача. Саарбрюккен: LAP LAMBERT Academic Publishing RU. 2017. Вып. 5. С. 19–30.
- Базылхан Н. Древнетюркские каганско-княжеские поминальные комплексы Центральной Азии // Форум «Идель – Алтай». Казань: ООО «Фолиант»; Институт истории АН РТ, 2011. Вып. 13. С. 187–194.
- Байпаков К. М., Авизова А. К. Раскопки городищ Пшакшитобе и Бесиншитобе в Отрарском оазисе // Известия Национальной академии наук Республики Казахстан. 2015. Вып. 6 (304). С. 182–214.
- Бутанаев В. Я., Ботвич И. И. Новый серебряный сосуд с рунической надписью из Хакасии // Казанская наука. 2010. № 8. Вып. 1. С. 223–225.
- Горячева В. Д. Городская культура тюркских каганатов на Тянь-Шане (середина VI – начало XIII в.). Бишкек: Изд-во Кыргызско-Славянского университета, 2010. 303 с.
- Грицина А. Средневековый сосуд с тамгой из Заамина // Sanat. 2002. № 3. / http://sanat.orexca.com/2002-rus/2002-3-2/history_art2-9/ (дата обращения 1.12.2018).
- Гуркин С. В. Кыпчаки и кимаки в IX – первой трети XI вв. // Донская археология. 2001. № 3–4. С. 24–37.
- Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. XXXVIII. 714 с.
- Ермоленко Л. Н., Курманкулов Ж. К. Проблема иконографических истоков половецкой скульптуры и особенное кыпчакское изваяние из урочища Кызлы // Известия Национальной академии наук Республики Казахстан. Сер. обществ. наук. 2013. № 3 (289). С. 155–164.
- Зуев Ю. А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 338 с.
- Камышев А. М. Раннесредневековый монетный комплекс Семиречья (История возникновения денежных отношений на территории Кыргызстана). Бишкек: «Раритет Инфо», 2002. 145 с.
- Камышев А. М. Новые археологические находки с городища Садыр-Курган // Известия Национальной академии наук Республики Казахстан. Серия обществ. наук. 2009. № 1 (268). С. 284–292.
- Кляшторный С. Г. Древнетюркская надпись на каменном изваянии из Чойрэна // Страны и народы Востока. 1980. Вып. 22. С. 90–102.
- Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 346 с.
- Кормушин И. В. Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. М.: Наука, 1997. 303 с.
- Кормушин И. В. Тюркские енисейские эпитафии: грамматика, текстология. М.: Наука, 2008. 342 с.
- Кубарев В. Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э. Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 640 с.
- Кубарев Г. В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 400 с.
- Кубарев Г. В. «Оленный камень» из долины реки Талдура (Юго-Восточный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. Т. XXIII. С. 341–344.
- Кызласов И. Л. Рунические письменности евразийских степей. М.: Восточная литература, 1994. 327 с.
- Кызласов И. Л. Памятники рунической письменности в собрании Горно-Алтайского республиканского краеведческого музея // Древности Алтая. 2000. № 5. С. 82–112.
- Кызласов И. Л. Новости тюркской рунологии. Вып. 1. Енисейские надписи на горе Ялбак-таш (Горный Алтай). М.: Гуманитарий, 2003. 112 с.
- Кызласов И. Л. Прочтение наскальных рунических надписей Кыргызстана // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Бишкек: Илим, 2005. Вып. 1. С. 61–63.

- Лившиц В. А. Согдийские тексты, документы и эпиграфика // Источниковедение Кыргызстана (с древности до конца XIX в.). Бишкек: Илим, 2004. С. 117–148.
- Лурье П. Б. Карлуки и яглакары в согдийской нумизматике Семиречья // Древние культуры Евразии. К 100-летию со дня рождения А. Н. Бернштама. СПб.: «Инфо-ол», 2010. С. 279–284.
- Махмұд ал-Қайшғары. Диван Лугат ат-Турк. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 1288 с.
- Настич В. Н. Монетные находки с городища Красная Речка (1978–1983 гг.) // Красная Речка и Бурана. Материалы и исследования Киргизской археологической экспедиции. Фрунзе: Илим, 1989. С. 96–120.
- Недзвецкий В. Е. Экскурсия в Чу-Илийские горы // Семиреченские областные ведомости. Верный, 1909. № 50–53.
- Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1905. Т III. Ч. 1. Стб. 1–1260.
- Рогожинский А. Е. Тамги-петроглифы средневековых кочевников Казахстана: итоги новейших исследований и перспективы дальнейшего изучения // Историко-культурное наследие и современная культура. Сборник материалов международного научно-практического семинара. Алматы: Service Press, 2012. С. 217–225.
- Рогожинский А. Е. Знаки собственности и власти древних и средневековых обитателей Казахской степи // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения): материалы международной конференции. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2016. С. 53–63.
- Ртвеладзе Э. В. История и нумизматика Чача (вторая половина III – середина VIII в. н.э.). Ташкент: MEDIA LAND, 2006. 132 с.
- Савельева Т. В. Оседлая культура северных склонов Заилийского Алатау в VIII–XIII вв. Алматы: Гылым, 1994. 216 с.
- Садыков Т. Р. Тюркское погребение с конями в урочище Бай-Булуи в Центральной Туве // Теория и практика археологических исследований. 2017. № 2. С. 47–59.
- Смирнова О. И. Сводный каталог согдийских монет. Бронза. М.: Наука, 1981. 548 с.
- Тишин В. В. К проблеме соотношения племенных названий уйгур и токуз огуз и их отношения к «деяти фамилиям» китайских источников // Общество и государство в Китае. М.: ИВ РАН, 2014. Т. XLIV. Ч. 1. С. 131–140.
- Alimov R. Tanrı Dağı Yazıtları. Eski Türk Runik Yazıtları Üzerine Bir İnceleme. Konya: Kömen Yayınları, 2014. (5). 262 s.
- Blednova N., Francfort H.-P., Legchilo N., Martin L., Sacchi D., Sher J., Smirnov D., Soleilhavoup F., Vidal P. Répertoire des Pétroglyphes d'Asie Centrale. Sibérie du sud 2: Tepsej I–III, Ust'-Tuba I–VI (Russie, Khakassie). Paris: De Boccard, 1995. Fascicule No. 2. 154 p.
- Cheng Fangyi. The Research on the Identification Between Tiele (鐵勒) and the Oyuric Tribes // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 2012. T. 19. P. 81–114.
- Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford: Clarendon Press, 1972. XLVIII. 989 p.
- Erdal M. The chronological classification of Old Turkish texts // Central Asiatic Journal. 1979. Vol. 23. P. 151–175.
- Erdal M. Old Turkic Word Formation: A Functional Approach to the Lexicon. Vol. I–II. Wiesbaden: Harrassowitz, 1991. XIV. 874 p. (Turcologica. Bd. 7).
- Erdal M. A Grammar of Old Turkic. Leiden; Boston: Brill, 2004. xii. 575 p. (Handbook of Oriental Studies, Section 8 Uralic & Central Asia. Vol. 3).
- Naymark A. I. The meaning of “tamghas” on sogdian coins // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А. М. Беленицкого. С-Пб.: ИИМК РАН, 2005. С. 226–227.
- Rybatzki V. Die Toñuquq-Inschrift. Szeged: University of Szeged, 1997. 132 S. (Studia uralo-altaica. 40).
- Şirin User H. Bombogor Inscription: Tombstone of a Turkic Qunčuy (“Princess”) // Journal of the Royal Asiatic Society. 2016. Vol. 26 (3). P. 365–373.
- Thomsen V. Dr. M. A. Stein's Manuscripts in Turkish “Runic” Script from Miran and Tun-Huang // Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. 1912. P. 181–227.
- Yıldırım F., Aydın E., Alimov R. Yenisey–Kırgızistan Yazıtları ve İrk Bitig. Ankara: BilgeSu, 2013. 512 s.

УДК 902/904

КОЛЛЕКЦИЯ РИСУНКОВ ЕНИСЕЙСКИХ ПИСАНИЦ ИЗ ФОНДОВ КРАСНОЯРСКОГО КРАЕВОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Е. А. Миклашевич

*Музей-заповедник «Томская Писаница»;
Кемеровский государственный университет*

Впервые публикуются рисунки начала XX в., воспроизводящие петроглифы двух памятников наскального искусства Енисея – Каменка и Тепсей. Коллекция, состоящая из 7 рисунков, хранится в фондах Археологического отдела Красноярского краевого краеведческого музея. Автор (возможно, авторы) рисунков не известен, так же как и точная дата их создания. Вероятно, они были сделаны в 1915 г. или ранее. Источниковедческий анализ документов позволил автору предположить, что, по крайней мере, часть этих рисунков – не оригинальные полевые зарисовки, а сделанные с них копии. Тем не менее, коллекция представляет несомненный интерес с точки зрения истории исследования енисейских писаниц, а также имеет большое значение для реконструкции утраченного памятника наскального искусства в урочище Каменка.

Ключевые слова: Минусинская котловина, Енисей, Каменка, Тепсей, Копёнская писаница, наскальное искусство, петроглифы, зарисовки, Красноярский музей

COLLECTION OF DRAWINGS OF THE YENISEI PETROGLYPHS FROM THE KRASNOYARSK REGIONAL MUSEUM

E. A. Miklashevich

*Museum-Reserve "Tomskaya Pisanitsa";
Kemerovo State University*

This is the very first publication of the early 20th century drawings, reproducing petroglyphs of two Yenisei rock art sites, namely, Kamenka and Tepsey. The collection consists of 7 drawings and was revealed in the storage of the Archaeological Department of the Krasnoyarsk Regional Museum. The author (possibly, the authors) of the drawings is not known, neither the exact date of their creation. They were drawn probably in 1915 or earlier. Source analysis of the documents allowed the author to assume that at least some of these drawings are not original field sketches, but they are copies made from them. However, the collection is of undoubted interest in terms of the history of studying the Yenisei rock art, and also is of great importance for reconstructing the Kamenka rock art site flooded by the Krasnoyarsk reservoir and lost forever without proper documentation.

Keywords: Minusinsk Basin, the Yenisei, Kamenka, Tepsey, the Kopyony rock art site, petroglyphs, rock art, drawings, the Krasnoyarsk Regional Museum

*Работа выполнена в рамках государственного задания
Министерства образования и науки РФ № 33.2597.2017/ПЧ»*

В прошлом выпуске журнала «Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница»» нами была опубликована статья о наскальных изображениях в урочище Каменка на Среднем Енисее [Миклашевич, 2018]. Этот памятник утрачен в результате затопления Красноярским водохрани-

лищем. Сведения о нём (более известном в литературе как Копёнская писаница) мы собирали буквально «по крупицам», по всем возможным публикациям, архивным и музейным данным, которые в совокупности позволяют хотя бы частично реконструировать наскальные рисунки Камен-

ки как источник для научного изучения. Наиболее ценными материалами, конечно, являются бумажные оттиски – эстампажи, сделанные с петроглифов Каменки А. В. Адриановым в 1909 г., и – являлись бы – любые фотоматериалы, если бы их удалось обнаружить. Но и традиционные зарисовки, которые часто делались учёными и любителями-краеведами, при всей условности, недостоверности и субъективности этого метода передачи наскальных изображений, могут служить источником сведений об утраченных памятниках. Ко времени подготовки упомянутой публикации мы располагали зарисовками с петроглифов Копёнской писаницы, сделанными Н. С. Щукиным в 1841 г., А. М. Кастреном в 1847 г., И. Т. Савенковым в 1885 г. и А. В. Адриановым в 1909 г. Известно также, что в 1850 г. их зарисовывал Л. Ф. Титов, но его рисунок не сохранился. Уже после выхода нашей статьи в свет, во время работы с коллекциями в фондах Красноярского краевого краеведческого музея (КККМ) выяснилось, что существует ещё одна серия зарисовок петроглифов Каменки.

Как следует из записи в книге 1 Описи археологических коллекций (книга велась с 1901 по 1928 гг.), коллекция рисунков писаниц под № 138 была передана в дар музею А. Власовым. В коллекции значатся 4 номера, два из них включают по два листа, один из которых содержит рисунки на обеих сторонах. Таким образом, всего имеется 7 рисунков (рис. 1–7).

Описание документов:

138-1. Лист бумаги с загнутыми на лицевую сторону вертикальными краями; размер: 47,5 (в сложенном виде) × 38 см. Рисунок выполнен карандашом, фигуры обведены, заштрихованы и закрашены чёрной тушью. Надпись на лицевой стороне «Писаница у дер. Каменка на р. Енисее (Минусинский уезд)». Записано в июне 1915 г.». Она выполнена печатными буквами чёрной тушью, ниже карандашом написано «(12)». На обороте – учётная запись чёрной тушью: «№ 138-1», а также тем же почерком и тушью – арифметические вычисления. Бумага белая плотная, состояние сохранности удовлетворительное, имеются пятна, надрывы, трещины, заломы.

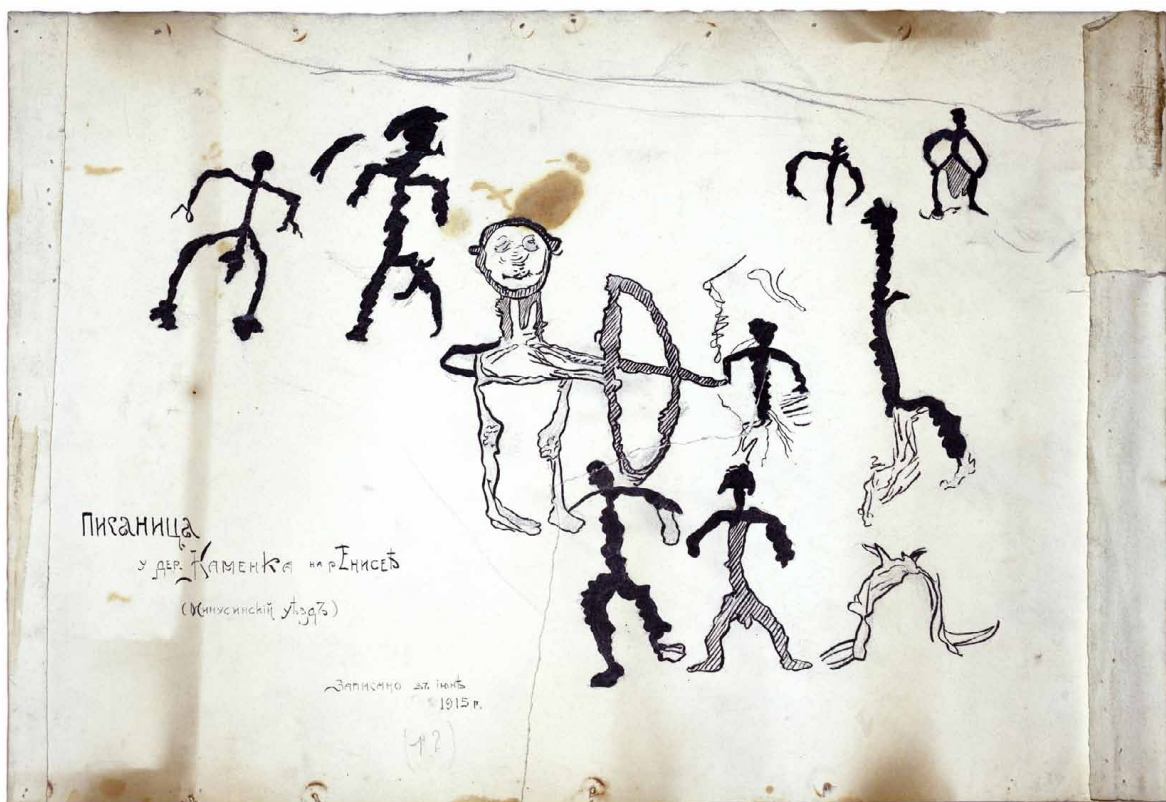

Рис. 1. Рисунок «Писаница у дер. Каменка на р. Енисее (Минусинский уезд)». КККМ, колл. 138-1

По периметру листа видны следы от закрепления его канцелярскими кнопками.

138-2. Лист бумаги размером 51×25 см. Рисунок выполнен карандашом. Надпись на лицевой стороне: «Утес Тепсей». На обороте учётная запись чёрной тушью: «№ 138-2 арх.». Бумага белая плотная, состояние сохранности удовлетворительное,

имеются пятна и следы от использования канцелярских кнопок.

138-3. Под этим номером числятся два листа с рисунками. На одном рисунки имеются с обеих сторон, на другом – только с одной. Размер первого листа: 35,5×21,7 см. На одной стороне – выполненные мягким карандашом рисунок и надписи: «дер. Ка-

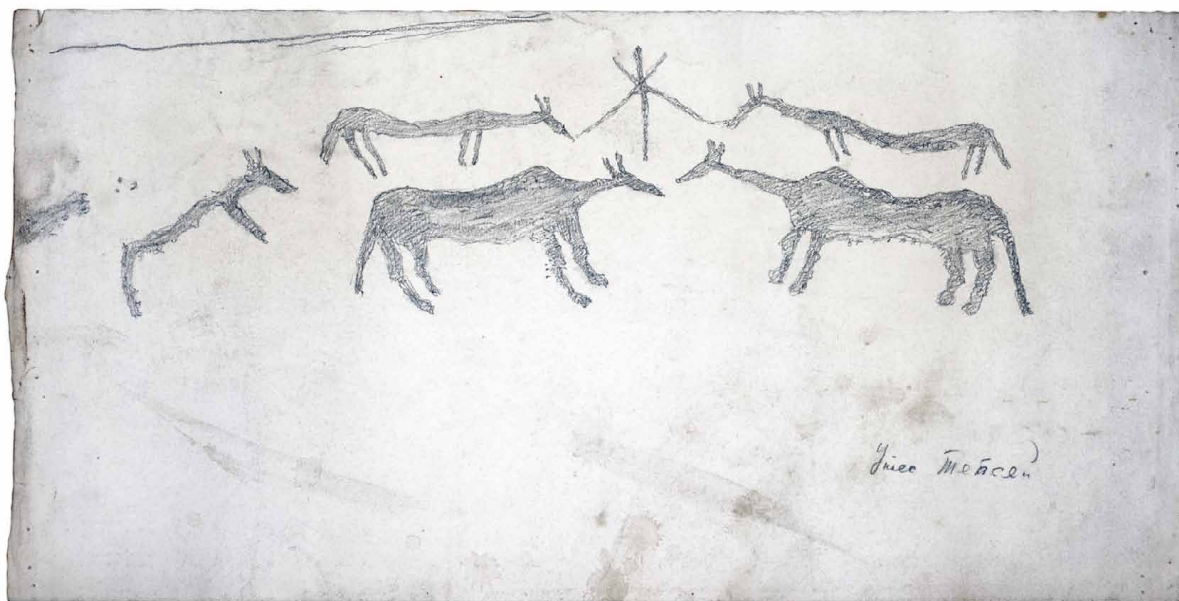

Рис. 2. Рисунок «Утес Тепсей». КККМ, колл. 138-2

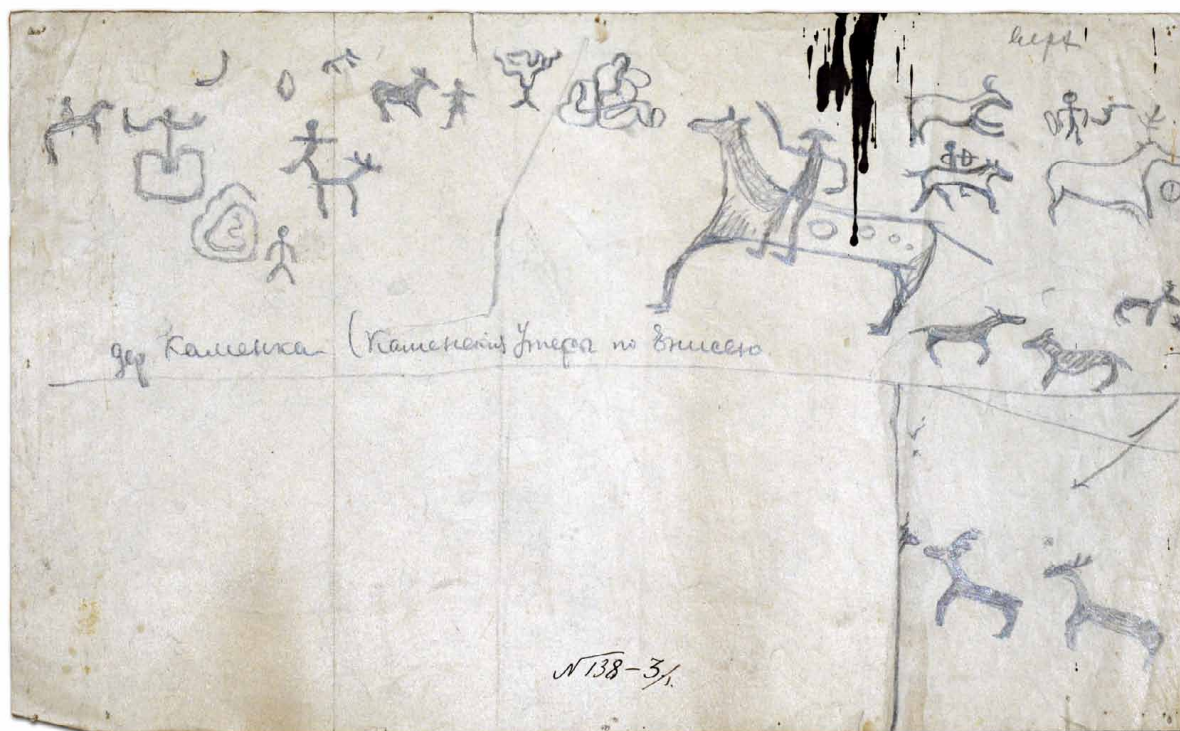

Рис. 3. Рисунок «Дер. Каменка (Каменские Утёсы по Енисею)». КККМ, колл. 138-3/1, лицевая сторона

менка (Каменные Утесы по Енисею)», «верх». Часть рисунка, показанная в правом нижнем углу, является продолжением композиции в верхней части листа, это показано стрелкой. Внизу листа – учётная запись чёрной тушью: «№ 138-3/1». На другой стороне – выполненные мягким карандашом рисунок и надпись: «Писаница на р. Каменной по р. Енисею»; твёрдым карандашом сделаны надписи «Копены» в правом нижнем углу, а также пометки «новыя», «не понятно» около некоторых рисунков и цифры «1», «2» под левой и правой частями композиции. Бумага белая плотная, состояние сохранности удовлетворительное, имеются пятна, небольшие порывы, следы от использования канцелярских кнопок, а также клякса чёрной туши.

Размер второго листа: 50×30 см. Рисунки и надписи выполнены на одной стороне, карандашом. Изображена та же композиция, что и на обороте первого листа, но без дополнительной проработки мягким карандашом. Надпись: «Писаница на р. Каменной и р. Енисее» (другим почерком) и цифры «(1)», «(2)» под левой и правой частями композиции. Справа внизу

учётная запись чёрной тушью: «№ 138-3/2». На обороте ничего нет.

Бумага такая же, состояние сохранности удовлетворительное, имеются небольшие пятна.

138-4. Под этим номером также числятся два листа, на каждом рисунки с одной стороны. Размер первого листа: 51,8×31,8 см. Рисунки и надписи выполнены карандашом и прорисованы чёрной тушью. Надпись тушью в левом нижнем углу печатными буквами: «Писаница на скалах р. Енисея у дер. Каменки. Минусинский уезд». Ниже неё стёршаяся неразборчивая надпись карандашом. В верхней части листа посередине написано: «июль 1915 г.». Внизу – учётная запись чёрной тушью: «№ 138-4». На обороте ничего нет. Бумага белая плотная, состояние сохранности удовлетворительное, имеются пятна и следы от использования канцелярских кнопок.

Размер второго листа: 32×22 см. На лицевой стороне – рисунки и надписи, выполненные карандашом. Изображена та же композиция, что и на первом листе. Надпись располагается перпендикулярно рисунку, вдоль правого края листа: «д. Каменка. Каменные утесы». Ниже более круп-

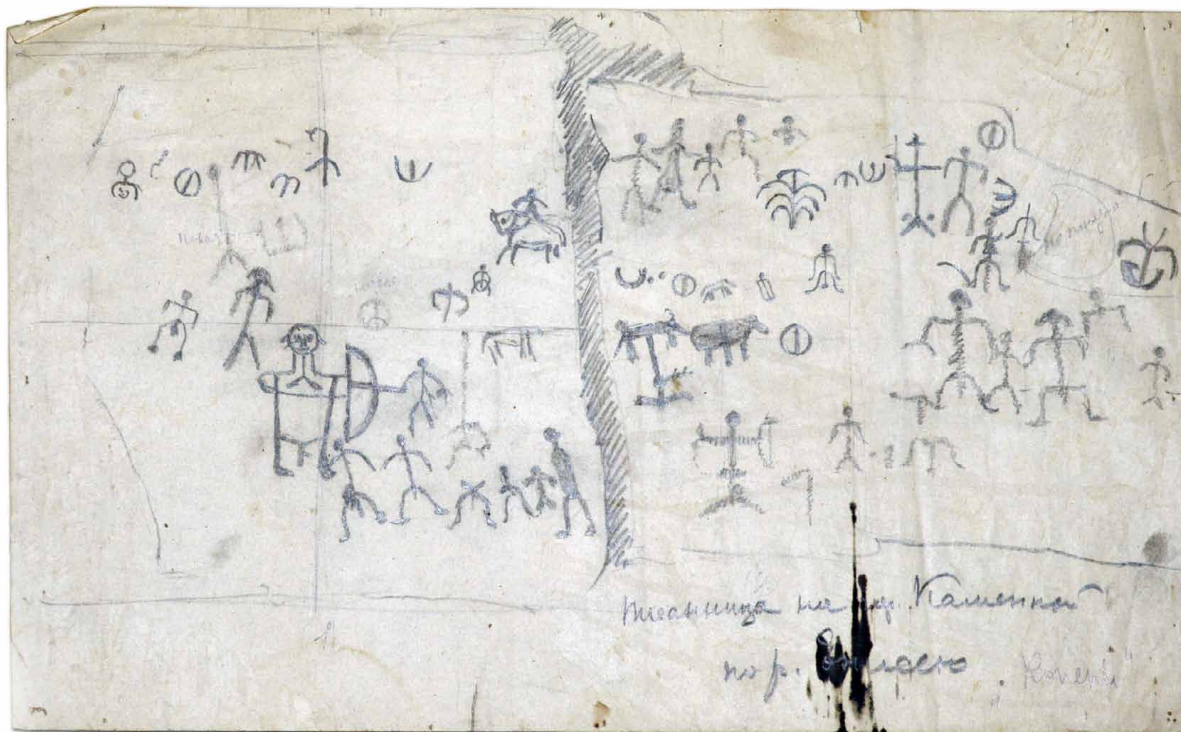

Рис. 4. Рисунок «Писаница на р. Каменной по р. Енисею». КККМ, колл. 138-3/1, оборотная сторона

ным почерком подписано: «Копировано». Правее – учётная запись чёрной тушью: «№ 138-4/2». На обороте, вдоль правого короткого края – надпись карандашом: «Минус<инск>. Ул<ица> Алекс<андра> II дом № <знак номера зачёркнут> Юхневича». Бумага такая же, состояние сохранности удовлетворительное, имеются пятна, клякса и брызги чёрной туши и следы от использования канцелярских кнопок.

Таким образом, в коллекции имеется шесть рисунков, которые представляют «Писаницу у дер. Каменка», и один – петроглифы на «утёсе Тепсей». Авторство рисунков установить не удалось. По сведениям, которые нам сообщил А.С. Вдовин, А. Власов, передавший коллекцию в дар музею, интересовался древностями и даже находился в переписке с А.М. Тальгреном. Так что не исключено, что какие-то из рисунков сделаны им самим. Мы не исключали бы и вероятности того, что к рисункам имел отношение сотрудник музея А.П. Ермолаев, который в тот период очень интересовался наскальными изображениями и делал эстампажи рисунков на курганных плитах у оз. Шири и на скалах Тувы [КККМ, колл. № 83, № 96]. Мы предпола-

гаем, что рисунки были сделаны разными лицами и даже, возможно, в разные периоды. Подписи к ним сделаны разными почерками; некоторые пометки, видимо, добавлялись позже. Предполагаем, что какие-то из рисунков – не полевые зарисовки, а копии с зарисовок. Интересно, что одна и та же сцена с лучником из Каменки встречается 3 раза: два рисунка (рис. 4 и 5) воспроизводят большую композицию целиком, причём один из них (рис. 4) – более подробно, и ещё на одном рисунке показан увеличенный фрагмент этой композиции (рис. 1). Последний представляет собой уже явно доработанный в «лабораторных условиях» рисунок: на нём видны контуры карандашного эскиза, по которому фигуры подрисованы тушью разными способами (сплошная заливка, контур, косая штриховка внутри контура, беспорядочные штрихи), по всей вероятности, с целью отразить различия в характере и степени патинизации выбивки. Подпись на этом листе сделана тоже тушью, крупными печатными буквами. В похожей (но не совсем идентичной манере) сделана надпись тушью на рисунке, воспроизводящем другую сцену из Каменки (рис. 6).

Рис. 5. Рисунок «Писаница на р. Каменной и р. Енисее». КККМ, колл. 138-3/2

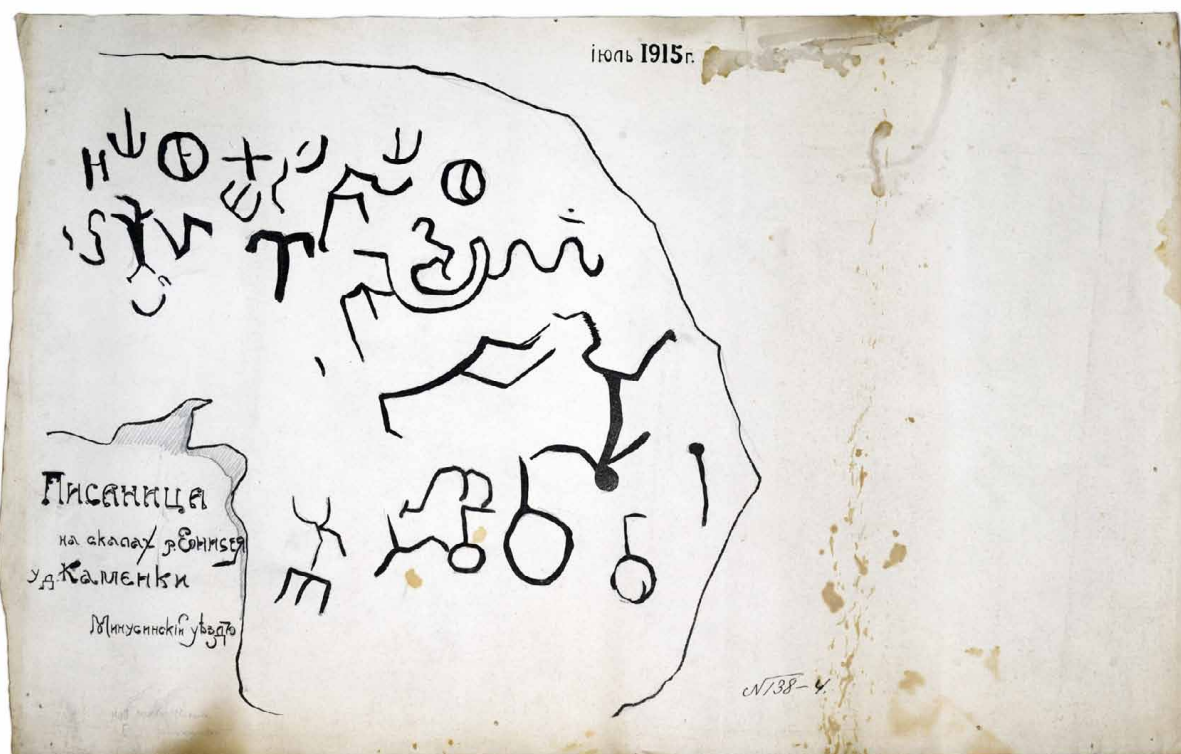

Рис. 6. Рисунок «Писаница на скалах р. Енисей у дер. Каменки. Минусинский уезд». КККМ, колл. 138-4

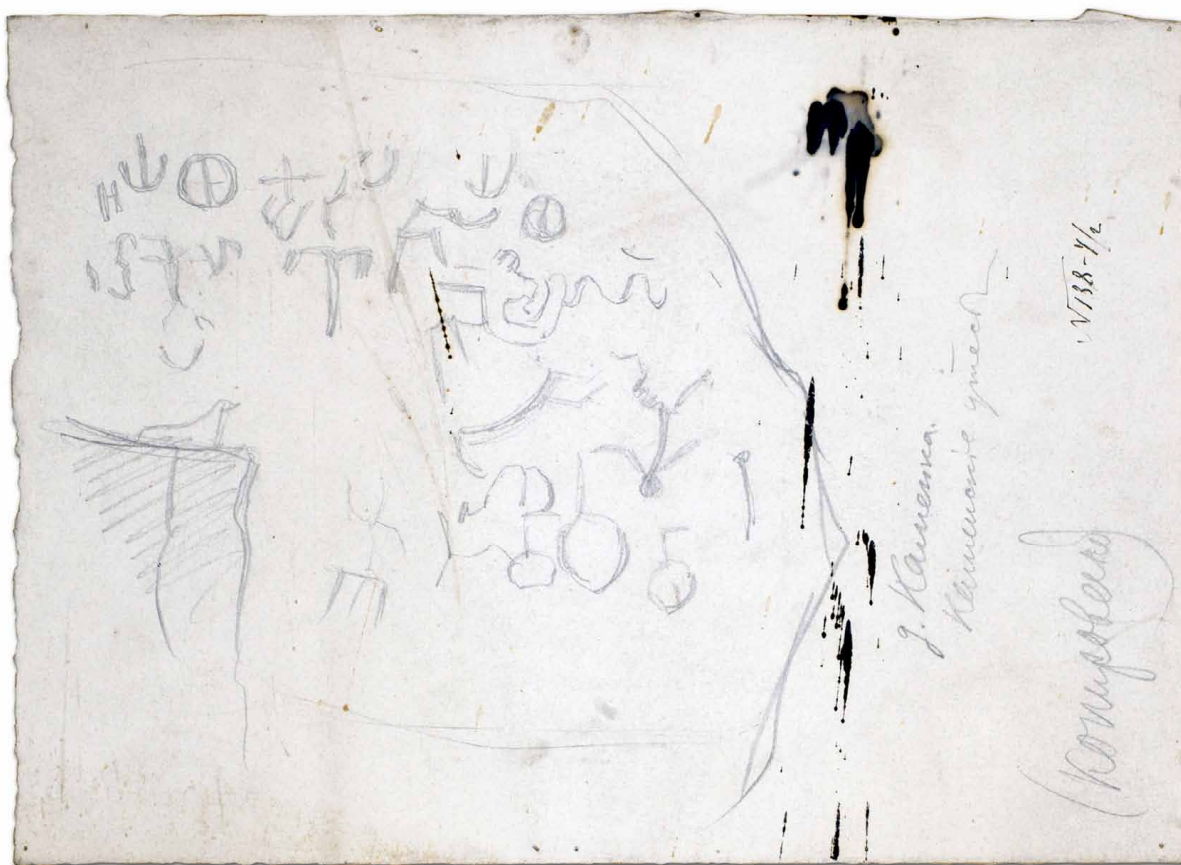

Рис. 7. Рисунок «Д. Каменка. Каменские утесы». КККМ, колл. 138-4/2

Обводка изображений и очертаний скальной плоскости здесь тоже сделана тушью по карандашному эскизу. Этот рисунок полностью повторяет рисунок карандашом на другом листе (рис. 7), на котором, кстати, сделана пометка «Копировано». Отметим, что почти на всех листах есть отверстия и следы от железных канцелярских кнопок: листы могли прикрепляться либо к деревянным планшетам на время зарисовывания петроглифов, либо для экспонирования. Каллиграфические надписи тушью на двух листах и обводка тушью рисунков скорее подтверждающее.

Нет ясности и в вопросе о времени создания рисунков. Даты поставлены только на листах с обводкой тушью: «записано в июне 1915 г.» (рис. 1) и: «июль 1915 г.» (рис. 6). То есть, они могут относиться ко времени обводки рисунков тушью для предположительного экспонирования. Это, однако, не объясняет разницу в месяцах. Неясно также, почему употреблено слово «записано». В целом, видимо, о дате создания этих рисунков можно лишь сказать, что они были сделаны не позже 1915 г.

Наше предположение о том, что некоторые пометки на некоторых рисунках были добавлены позже (или сами рисунки были скопированы с других и снабжены пометками) подкрепляется ещё вот чем. В подписях название и местоположение памятника Каменка обозначено в следующих вариантах: «Писаница у дер. Каменка на р. Енисее» (рис. 1); «дер. Каменка (Каменские Утесы по Енисею)» (рис. 3), «Писаница на р. Каменной по р. Енисею» (рис. 4); «Писаница на р. Каменной и р. Енисее» (рис. 5); «д. Каменка. Каменские утесы» (рис. 7); «Писаница на скалах р. Енисея у дер. Каменки» (рис. 6). Однако деревни Каменки в том месте, где находилась эта писаница, не существовало. Ни на каких картах, показывающих местность между дер. Байкаловой (писаница находилась в 1,5–2 км выше неё) и устьем р. Сыды до затопления водохранилища, никакой деревни в этом месте нет. Нет в этом логу и реки, ни Каменной, ни какой другой. Исследователи XIX и начала XX в., посетив-

шие эту писаницу, называли её Копёнской, используя для привязки название деревни Копёны, находившейся на противоположном берегу Енисея. Под таким названием памятник и вошёл в археологическую литературу, с которой, следовательно, автор (или авторы) рисунков (или пометок) не были знакомы. На одном из рисунков, впрочем, есть пометка «Копены» (рис. 4). Топоним «Каменка» применительно к этому памятнику был употреблён Я.А. Шером, он пишет, что это название логга [1980, с. 163, 164]. По нему, кстати, были даны названия не только писанице, но и многочисленным археологическим памятникам, которые раскапывались здесь перед затоплением водохранилища отрядом под руководством Я.А. Шера, и отряд, соответственно, назывался Каменским. На современных картах топоним сохранился как «урочище Каменка». Подписи на рисунках из коллекции № 138 говорят о том, что название местности «Каменка» использовалось и в начале XX в. Можно сделать предположение, что на неких первоначальных зарисовках были пометки «ур. Каменка», которые при перерисовке превратились в «дер. Каменка», а дальше просто повторялись, да ещё и добавилась «р. Каменная». На Енисее немало деревень и рек с таким названием, возможно, это ввело в заблуждение авторов копий (или пометок). Во всяком случае, зная местность, трудно себе представить, чтобы человек, который бы делал зарисовки с петроглифов непосредственно на памятнике, не знал бы, что рядом нет ни деревни Каменки, ни реки Каменной.

Таким образом, пока ничего определённого по поводу атрибуции описываемой коллекции сказать нельзя. Возможно, что сравнительный анализ почерков в других документах и какие-то новые данные архивных изысканий позволят установить авторство и время создания этих рисунков. Однако выявление данных документов в любом случае представляет несомненный интерес с точки зрения истории исследования енисейских писаниц, а также имеет большое значение для реконструкции утраченного памятника наскального

искусства в урочище Каменка. На рисунках из Красноярского музея представлены уже известные по другим источникам петроглифы (ср.: рис. 1, 3–7 и [Миклашевич, 2018, рис. 4–8, 10]), но важно то, что здесь известные нам по отдельности плоскости зарисованы в композиционной связи, образуя более сложные многофигурные композиции, что имеет решающее значение для правильной их интерпретации.

На одном из рисунков коллекции показана знаменитая сцена с «Конями у мирового дерева», относящаяся к другому памятнику наскального искусства Енисея – горе Тепсей. Она находилась на береговых скалах и тоже утрачена. В отличие от петроглифов Каменки, эта плоскость

была скопирована и сфотографирована в 1960-х гг. в экспедиции под руководством Я. А. Шера, была введена в научный оборот и многократно опубликована. Тем не менее, обнаруженный рисунок весьма интересен тем, что чрезвычайно точно передаёт очертания фигур (ср.: рис. 2 и [Шер, 1980, фото 69]) и добавляет ещё один штрих в историю изучения памятника – эта композиция не была известна исследователям до Я. А. Шера.

В заключение мы хотели бы выразить искреннюю благодарность сотрудникам Красноярского краевого краеведческого музея Н. П. Макарову и А. С. Вдовину за информацию о коллекции и содействие в её изучении.

Источник

Красноярский краевой краеведческий музей. Фонды археологического отдела. Коллекция № 138.

Литература

- Миклашевич Е. А. О памятниках наскального искусства в урочище Каменка на Среднем Енисее // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2018. Вып. 7. С. 5–22, 89–91.
- Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с.

УДК 908

ЧЕРТЕЖИ ВОЗНЕСЕНСКОЙ ЦЕРКВИ И ЗАПАСНОГО МАГАЗИНА СЕЛА ВЕРХОТОМСКОГО (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)

И. А. Плац

Институт экологии человека, Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН

В статье публикуются чертежи Вознесенской церкви и запасного магазина села Верхотомского, хранящиеся в Государственном архиве Алтайского края. Рассматривается история церковного строительства в селе Верхотомском. Характеризуется устройство церкви и магазина.

Ключевые слова: Верхотомское, Вознесенская церковь, XIX век

THE TECHNICAL DRAWING OF ASCENSION CHURCH AND SUPPLY STORE IN THE VILLAGE OF VERKHOTOMSKOE (THE 1st HALF OF THE 19th CENTURY)

I. A. Plats

Institute of Human Ecology, Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry, SB RAS

The author publishes technical drawings of Ascension Church and supply store in Verkhotomskoe village, which are kept in the State Archive of Altai territory. The research is focused on the history of church construction in Verkhotomskoe village. Much attention is given to arrangement of the church and the store.

Keywords: Verkhotomskoe, Ascension church, the 19th century

Село Верхотомское в первой половине XIX в. являлось центром Верхотомской волости Томской губернии. Крестьяне села были приписаны к округу Колывано-Воскресенских заводов (в 1831 г. переименован в Алтайский горный округ). В 1822–1863 гг. начальник Колыванских заводов одновременно замещал должность томского губернатора. Начальник заводов и горное правление округа находились в Барнауле (История Кузбасса, 1967, с. 73–74). В виду этих обстоятельств, в Государственном архиве Алтайского края (ГААК) отложился огромный массив документов по истории Кемеровской области. Особенный интерес представляет фонд Чертежной Главного управления Алтайского округа, в частности, содержащий чертежи большого количества зданий и объектов, возведение которых имело место на территории округа за весь период его существования [ГААК, ф. 50, оп. 11]. В данной статье мы рассмотрим два документа, которые позволяют частично восстановить архитектурный облик села Верхотомского в первой

половине XIX в. На первом документе нанесены планы и фасады Вознесенской церкви и сельского запасного магазина в селе Верхотомском [План и фасад церкви..., ГААК, ф. 50, оп. 11, д. 20] (рис. 1), на втором – план, фасад, разрез и письменное описание типового магазина для сёл и деревень волостей, находящихся на территории Алтайского горного округа [План и фасад типового магазина..., ГААК, ф. 50, оп. 11, д. 939] (рис. 2).

Вознесенская церковь (рис. 1: слева; 3). По плану и фасаду можно заключить, что церковь была деревянная, состояла из традиционных частей – алтаря, среднего храма и притвора, а также крыльца; планировка – прямоугольная, однако средний храм в плане чуть шире остальных частей, за счёт чего образуется намёк на форму креста. Церковь венчают два небольших купола с четырёхконечными крестами. Наличие на чертеже масштаба даёт возможность самых разнообразных обмеров данной церкви. Приведу лишь основные размерные характеристики Вознесенской церкви (при подсчетах 1 сажень принима-

лась за 213,36 см): длина вместе с крыльцом – 20,31 м, ширина – от 4,86 м (алтарь) до 5,88 м (притвор), высота здания от 5,54 м (притвор и алтарь) и 7,42 м (средний храм) до 10,65 м (вместе с куполом и

крестом). На чертеже отсутствует разрез церкви, но судя по фасаду здания, высота потолков составляла 3,46 м (притвор и алтарь) и 4,7 м (средний храм). Общая площадь – 104,2 м².

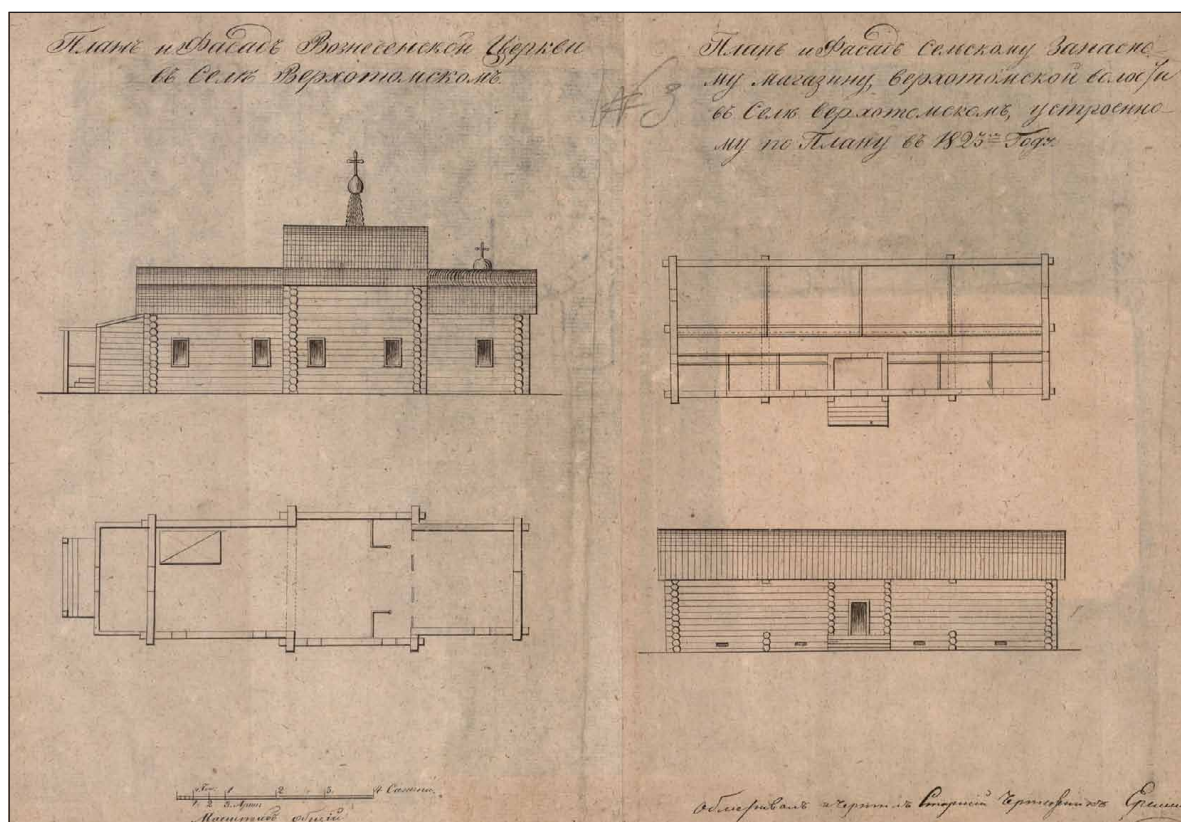

Рис. 1. Планы и фасады церкви и запасного магазина в селе Верхотомском. ГААК, ф. 50, оп. 11, д. 20

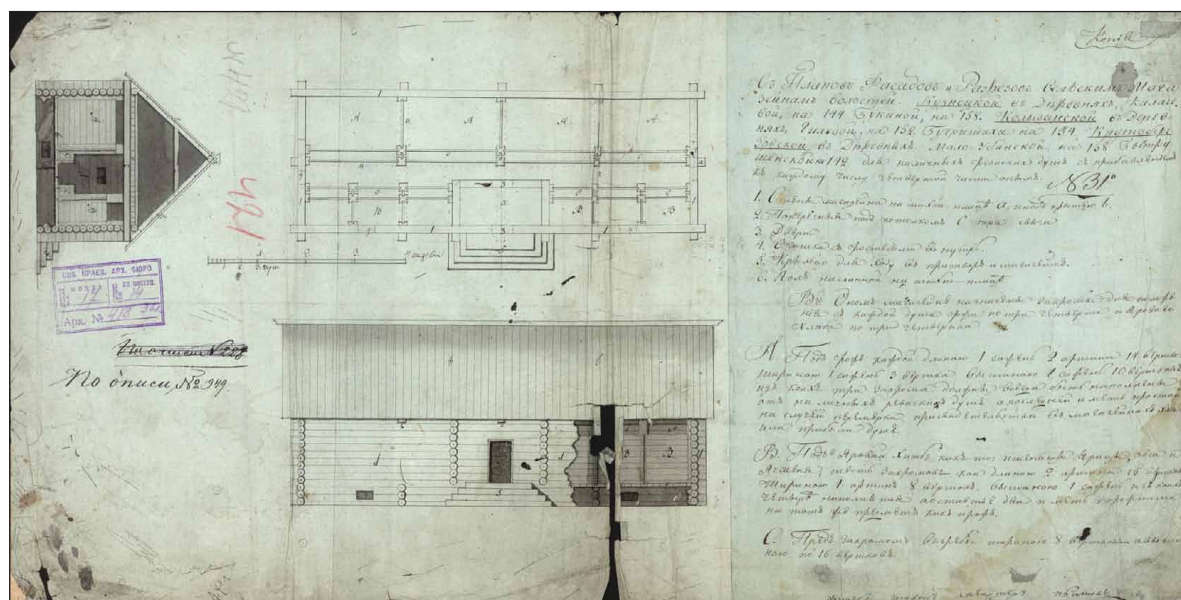

Рис. 2. План и фасад типового магазина, построенного в деревнях Кузнецкой, Колыванской, Крутоберёзовской волостей для хранения в нём хлеба, собранного с крестьянских дворов. ГААК, ф. 50, оп. 11, д. 939

В литературе упоминается о четырёх церквях в селе Верхотомском. Первая церковь была сооружена при остроге в конце XVII в., вторая освящена в 1849 г. и сгорела в 1912 г., взамен которой в 1913 г.

возвели церковь на каменном фундаменте, в 1964 г. это здание было разобрано, новый приход в селе открылся только в 1994 г. [Кимеев, Кандрашин, Усольцев, 1996, с. 222, 223; Кимеев, Козлов,

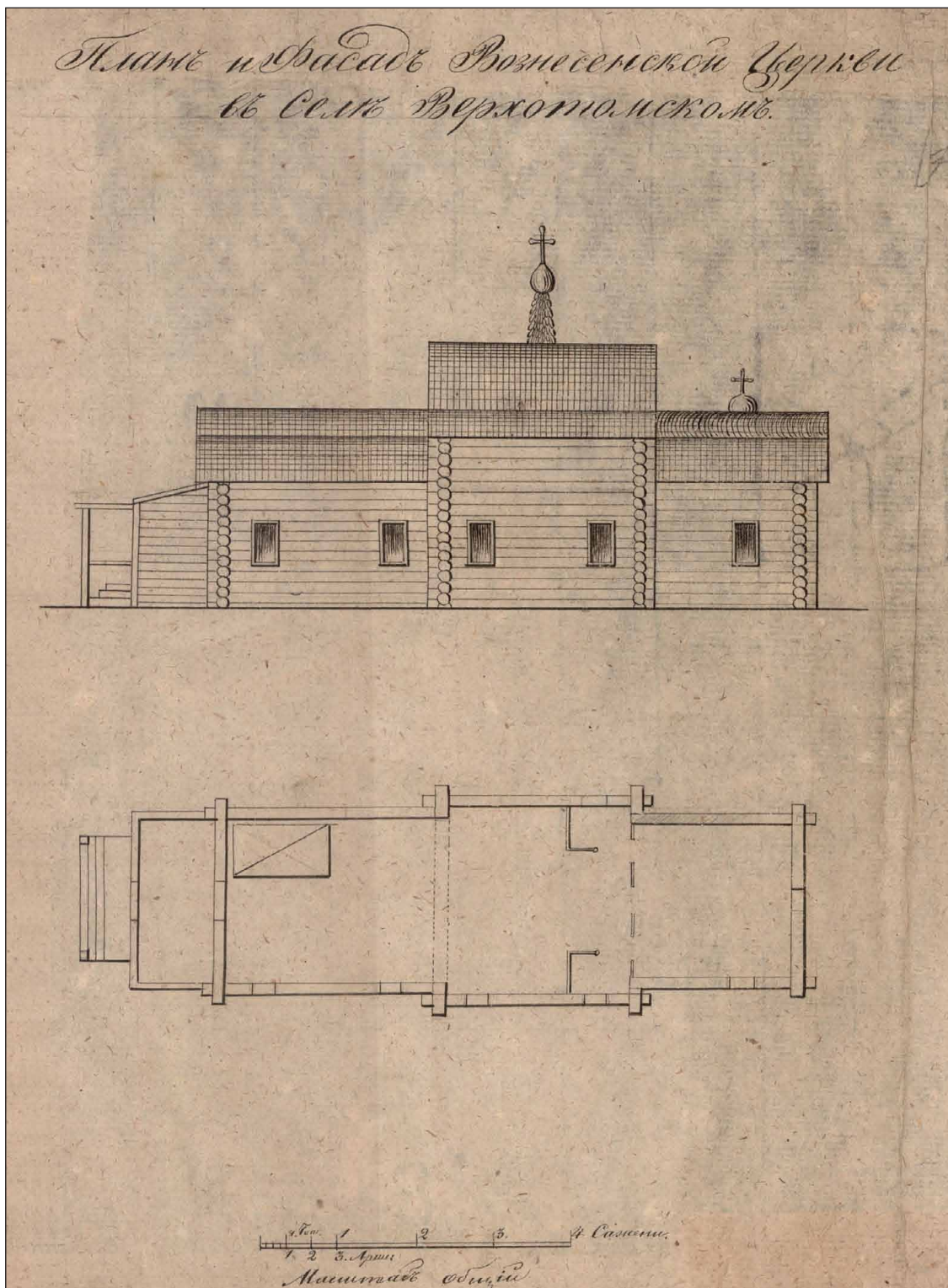

Рис. 3. План и фасад церкви в селе Верхотомском (фрагмент рис. 1). ГААК, ф. 50, оп. 11, д. 20

2004, с. 70, 71]. Маловероятно, что первая церковь простояла более 150 лет. Так, к настоящему времени на юге Нижнего Притомья остались деревянные здания церквей в селе Кулаково 1845 г. постройки

[Марочкин и др., 2016, с. 73; Скрыбина, Мархель, 2015, с. 121] (в руинах с 1980-х гг.) и в селе Зеледеево 1908 г. постройки (частично разобрано, требует реставрации) [Кимеев, Кандрашин, Усольцев, 1996, с. 175–

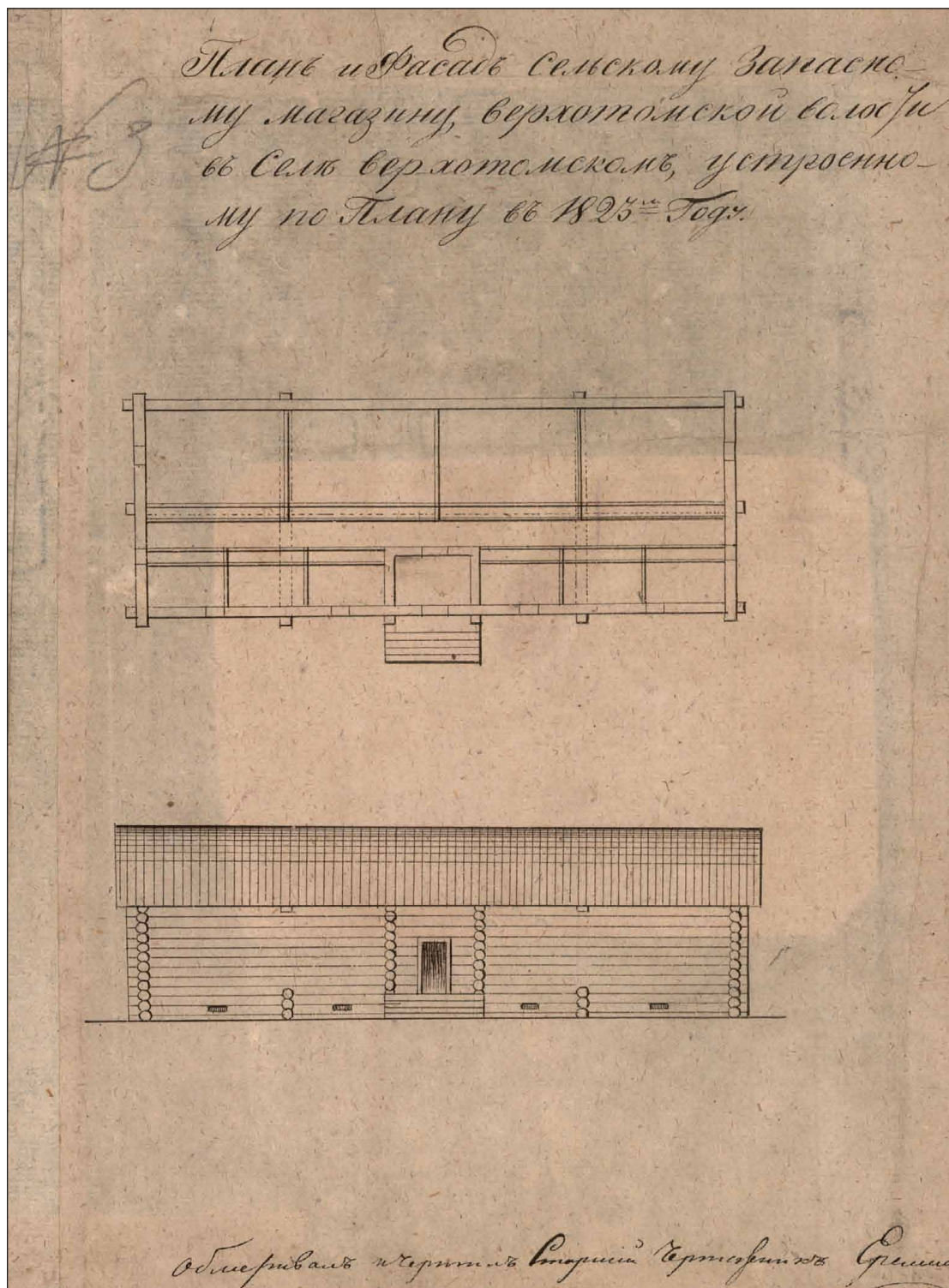

Рис. 4. План и фасад запасного магазина в селе Верхотомском (фрагмент рис. 1).

ГААК, ф. 50, оп. 11, д. 20

177]. К сожалению, в заголовке рассматриваемого чертежа не указана дата возведения Вознесенской церкви, можно лишь предполагать, что она построена в конце XVIII – начале XIX в. и простояла примерно до 1849 г.

Дату составления самого чертежа предварительно можно установить 1835 г. исходя из следующих данных. В нижнем правом углу документа (рис. 1; 3) есть надпись «Обмеривал и чертил старший чертежник Еремин». Подпись этого человека стоит и на ситуационном плане села Верхотомского, где отмечено место расположения как церкви, так и сельского магазина, а также количество крестьян после восьмой ревизии, таким образом, этот план не мог появиться до 1834 г. [Ситуационный план..., ГААК, ф. 50, оп. 5, д. 410]. Всё тот же Еремин начертил планы и для других поселений Верхотомской волости.

Исследователи ранее уже указывали, что подобные планы составлялись в 30-х гг. XIX в. [Усков, 1999, с. 46]. В архиве также имеется довольно подробная «Карта Верхотомской волости сочиненная 1835 года» [Карта..., ГААК, ф. 50, оп. 12, д. 126]. В качестве рабочей гипотезы можно предположить, что в 1835 г. Еремин был командирован Чертежной Алтайского горного округа в Верхотомскую волость, где и составил чертёж Вознесенской церкви и магазина, а также ситуационные планы поселений, данные которых были использованы для составления общей карты волости.

Сельский запасной магазин (рис. 1: справа; 2; 4; 5). Деревянное здание прямоугольной планировки с множеством помещений для хранения продовольствия. Размеры здания – 16,7×6,1 м, высота – 5,3 м, площадь – 102,6 м². Указывается, что ма-

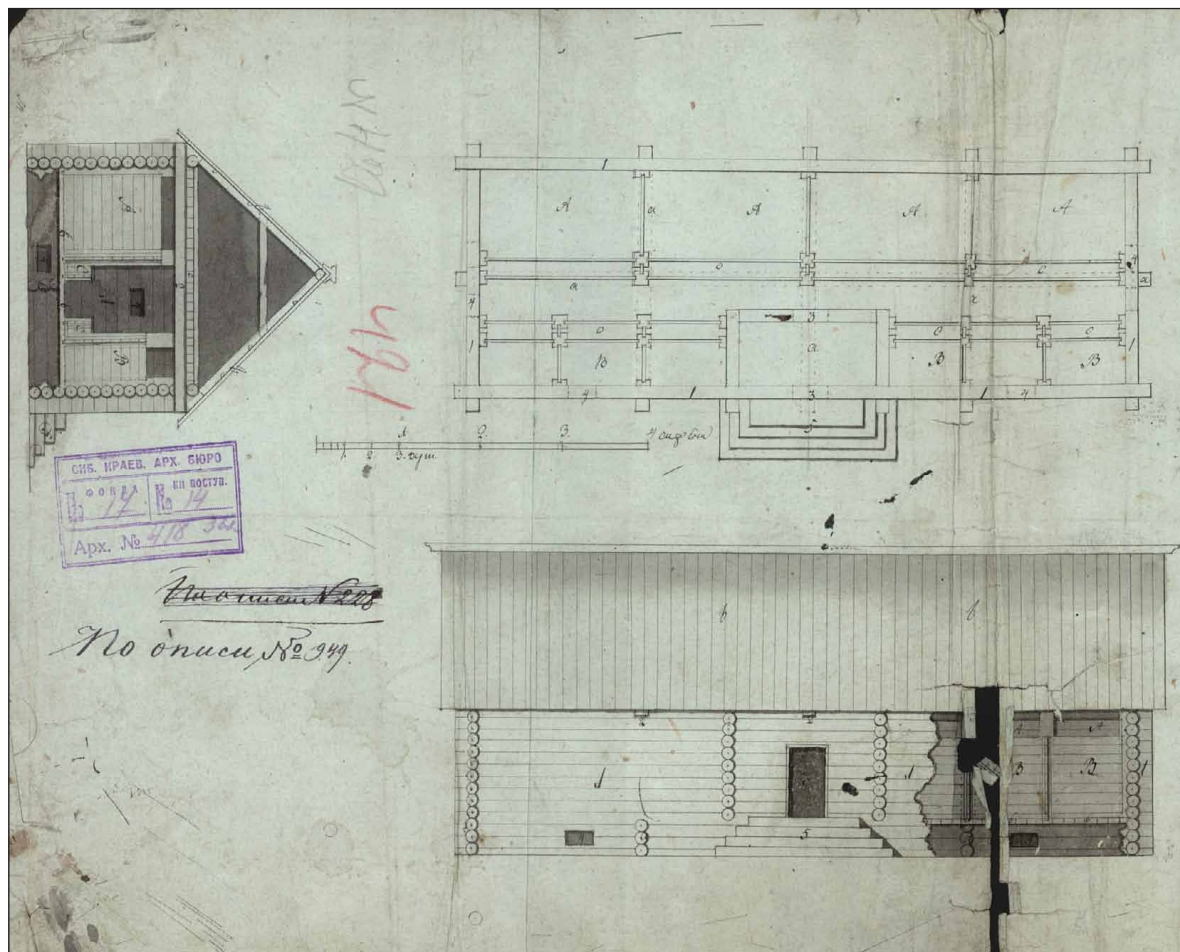

Рис. 5. План и фасад типового магазина (фрагмент рис. 2). ГААК, ф. 50, оп. 11, д. 939

газин был устроен в селе в 1823 г. по специальному плану. Этот план (рис. 2; 5), в отличие от чертежа Еремина, имеет разрез и более подробен. По нему возводились магазины в десятках деревень по всему Алтайскому горному округу. Об этом свидетельствует оборотная сторона документа, полностью исписанная названиями населённых пунктов, где предполагалось возведение подобных зданий. На лицевой стороне документа, справа от чертежа, имеется его описание и инструкции по эксплуатации помещений магазина (см. приложение).

Строительство запасных хлебных магазинов связано с государственной политикой, направленной на исключение опасности голода в неурожайные годы. По закону, подписанному Павлом I в 1799 г., предписывалось обустройство хлебных

запасных магазинов в каждом селении, где имелось не менее 50 дворов [Котов, 2013, с. 93–95]. Что касается времени создания чертежа сельского запасного магазина, его следует относить к началу XIX в., когда администрация горного округа озабочилась исполнением этого закона.

В заключение хотелось бы отметить, что в России, особенно в Сибири, вплоть до XX в. основным строительным материалом служила древесина, как известно, не устойчивая к действию времени и огня. Поэтому до наших дней дошло очень мало памятников архитектуры, многие наши города и селения не несут на себе отпечатка даже XIX в., не говоря уже о более давних временах. Но сохранённые в архивах чертежи позволяют надеяться, что русское архитектурное наследие XVII–XIX вв. может быть восстановлено.

Приложение

С планов фасадов и разрезов сельским магазинам волостей

[Государственный архив Алтайского края (ГААК), ф. 50, оп. 11, д. 939]

«Копия

С планов фасадов и разрезов сельским магазинам волостей. Кузнецкой в деревнях Калачевой, на 144 [души] Букиной, на 158 [душ]. Колыванской в деревнях, Гилевой, на 152 [души]. Бугришихи на 154 [души]. Крутоберезовской в деревнях Мало-Убинской, на 158 [душ] Быструшенской на 142 [души] для наличных ревиских душ с прибавлением к каждому числу четвертой части оным.

1. Стены магазина на шихт-плаце¹ а, и под крышею б.

2. Поперечная под потолком С три [неразборчиво].

3. Двери.

4. Окошки с [неразборчиво] в нутрь.

5. Крыльцо для ходу в притвор и магазин.

6. Пол насланной на шихт-плаце.

В оном магазине назначены закромы для положения с каждой души ржи по три

четверти и ярового хлеба по три четверика.

А. Под рожь каждой длиною 1 сажень 2 аршина 14 вершков шириною 1 сажень 3 вершка вышиною 1 сажень 10 вершков из коих три закрома должны всегда быть наполнены от наличных ревиских душ а последней иметь простой на случай перемерки при свидетельстве в магазинах хлеба или прибыли душ.

В. Под яровой хлеб как то пшеницы ярицы, овса и ячменя, шесть закромов кои длиною 2 аршина 15 вершков шириною 1 аршин 8 вершков, вышиною 1 сажень ис коих четыре наполните а оставшие два иметь порожними на тот же предмет как прежде.

С. Пред закромом выгребы шириною 8 вершков а вышиною по 16 вершков.

Унтер шихт мейстер [подпись неразборчива]».

¹ Слой засыпки.

Источники

Карта Верхотомской волости Кузнецкого уезда Алтайского горного округа // Государственный архив Алтайского края. Ф. 50, оп. 12, д. 126.

План и фасад типового магазина, построенного в деревнях Кузнецкой, Колыванской, Крутоберезовской волостей для хранения в нем хлеба, собранного с крестьянских дворов // Государственный архив Алтайского края. Ф. 50, оп. 11, д. 939.

План и фасад церкви в с. Верхо-Томское // Государственный архив Алтайского края. Ф. 50, оп. 11, д. 20.

Ситуационный план деревни Верхо-Томской, Верхо-Томской волости, Кузнецкого уезда // Государственный архив Алтайского края. Ф. 50, оп. 5, д. 410.

Литература

История Кузбасса. Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1967. Ч. 1, 2. 380 с.

Кимеев В. М., Кондрашин Д. Е., Усольцев В. Н. Православные храмы Кузбасса. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1996. 308 с.

Кимеев В. М., Козлов С. В. Исторические сёла района // Очерки истории Кемеровского района. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2004. С. 58–113.

Котов П. П. Хлебные запасные магазины по законодательным источникам России XVIII – первой половины XIX веков // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. Белгород: НИУ БелГУ, 2013. № 1 (144). Вып. 25. С. 90–96.

Марочкин А. Г., Сизёв А. С., Плац И. А., Конончук К. В. Археологическая разведка в среднем и нижнем течении р. Томи в 2016 г. // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2017. Вып. 5. С. 67–76.

Скрябина Л. А., Мархель А. С. Научный отчёт экспедиции музея заповедника «Томская Писаница» // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2015. Вып. 2. С. 119–135.

Усков И. Ю. Картографические материалы по истории деревень Кузбасса // Архивы Кузбасса. 1999. № 1 (3). С. 45–48.

УДК 930.253

ВСЕПОДДАНЕЙШИЙ ОТЧЁТ О СОСТОЯНИИ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ* ЗА 1890 ГОД

Л. А. Скрыбина

Музей-заповедник «Томская Писаница»;

В публикации представлены извлечения из Всеподданейшего отчёта о состоянии Томской губернии за 1890 г., характеризующие быт и хозяйственные занятия крестьянского населения.

Ключевые слова: Всеподданейший отчёт, Томская губерния, крестьяне, урожай, десятина, пашня, огороды, сенокос, скотоводство, промыслы

THE HUMBLE REPORT ABOUT THE STATE OF TOMSK GOVERNORATE IN 1890

L. A. Skryabina

Museum-Reserve "Tomskaya Pisanitsa"

The article features quotes from 'The Humble Report about the state of Tomsk Governorate in 1890', which characterize everyday life and household activities of the peasants.

Keywords: The Humble report, Tomsk Governorate, peasants, harvest, tithe, arable, gardens, hayfield, breeding, crafts

Губернаторский отчёт появился в административной практике в начале XIX в. как внутриведомственный документ Министерства внутренних дел (МВД). Вскоре он стал представляться на имя императора, откуда и возникло его второе название – «всеподданнейший». После прочтения отчётов царем они направлялись на рассмотрение в Комитет министров. Результатами рассмотрения всеподданнейших отчётов занимался и Совет министра внутренних дел, делопроизводство которого было сосредоточено в Департаменте общих дел МВД. Здесь анализировали замечания по каждому отчёту, вели по ним переписку с губернаторами и другими ведомствами.

Наиболее полным собранием всеподданнейших отчётов губернаторов сегодня располагает Российский государственный исторический архив (РГИА). В частности, среди документов фонда 1284 (Департа-

мент общих дел МВД), автором был обнаружен «Всеподданейший Отчет о состоянии Томской губернии за 1890 год» за подписью гражданского губернатора Г.А. Тобизена на 81 листе [РГИА, ф. 1284, оп. 223, д. 188].

Отчёт состоит из девяти разделов: 1) «Обеспечение народного продовольствия»; 2) «Народное хозяйство и экономическая деятельность населения»; 3) «Подати и повинности»; 4) «Общественное благоустройство и благочиние»; 5) «Народное здравие»; 6) «Народное образование»; 7) «Земские, городские и сословные учреждения»; 8) «Административные и судебные учреждения»; 9) «Общие заключения и предположения».

В Приложении приводятся извлечения из двух первых разделов Всеподданейшего отчёта, характеризующие хозяйство и быт крестьянского населения.

¹ С 26 февраля 1804 г. по 25 мая 1925 г. территория современной Кемеровской области входила в состав трёх уездов Томской губернии – Томского, Кузнецкого и Мариинского.

Всеподданейший Отчет о состоянии Томской губернии за 1890 год

[Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1284, оп. 223, д. 188]

«1890 год следует признать для Томской губернии вполне благоприятным. Урожай повсеместно значительно выше среднего и выразился в процентах для озимого хлеба – 3,5, для ярового – 5. Сена собрано лугового с десятины 10–55 копны, дубровного – 20–39. Вследствие сего население, будучи обеспеченным в своем продовольствии, имело возможность весь сделанный в предыдущие неурожайные годы заем из общественных сельскохозяйственных магазинов в количестве 124000 четвертей вернуть и сохранить в новый запас до 1348605 четвертей» [л. 3].

«4 мая 1889 года сибирским крестьянам было даровано право открывать в своих поселениях общественные питейные заведения, доходы от коих поступают в кассу самого общества. Этим правом крестьянство Томской губернии начало пользоваться и в 1890 году было испрошено разрешение на открытие 126 общественных питейных заведений.

Опыт уже за короткое время показывает благоприятное последствие этой меры, ею устраняется от питейной продажи еврейский элемент, до ныне в значительной мере этим путем эксплуатировавший население, за сим крестьяне, будучи ответственными друг за друга круговую порукою в исправном платеже подати, зорко следят за склонными к пьянству членами общества, не позволяя им пропивать свое состояние и разоряться. Наконец, доходы с заведений, прежде поступавшие в частные руки, теперь служат самому обществу значительным подспорьем при отбывании повинностей и средством к удовлетворению собственных нужд, как-то по устройству школ, содержанию в исправности дорог и т.п. Правда вследствие предоставления самим обществам права учреждать питейные заведения, они стараются не допускать в этом деле частной конкуренции, а, следовательно, вероятно несколько

уменьшится общий акцизный доход по губернии. Но такое его уменьшение вполне окупится возрастающим благополучием сельского населения и уменьшением пьянства в народе» [л. 4, 5].

«Размежевание в Томской губернии состоялось в то время, когда она была еще мало заселена и избыток свободных земель давал полный простор произвольному их захвату и когда по этому не требовалось еще тщательного и подробного их разграничения. Теперь же с быстрым приростом населения и большим наплывом переселенцев постоянно возникают нежелательные земельные споры, а по сему является настоятельная необходимость в его окончательном урегулировании» [л. 10].

«Величина десятины в разных местах Томской губернии различна. Кроме казенной в 2400 кв. саж. (60×40 саж.), существуют десятины хозяйственные: в 2500 кв. саж. (50×50) и в 3200 кв. саж. (80×30). А в некоторых инородческих управах понятия не имеют о том, что такое десятина, а посему, цифры посева и урожая в этих управах только приблизительные.

При посеве хлебов крестьяне держатся такой системы: поле (новая земля) в течение 5–8 лет засевают разного рода хлебами (рожь, пшеница, овес или просо, ячмень или гречиха, остальные хлеба и картофель), после этого земле дается полный отдых. Она лежит «под паром» в течение 5–15 лет, пока вместо сорных трав – молодая, осота и полыни, служащих признаком истощения почвы, появятся на ней пырей, морковник, клубника и костяника. Появление этих трав и ягод служат для крестьян верным признаком того, что почва отдохнула, собралась снова с силами.

Земля, перепаханная после посева, носит название «подзябледи», земля не паханная называется «залогом» или «целиком». Пашется земля в некоторых местах сохой, в некоторых плугом. Удобрять зем-

лю в следствии обилия земель, крестьяне считают лишним. Когда земля выпашется, истощится, они ее бросают и пахут на новом месте «на залоге». Долго продолжаться такая система, конечно, не может. Вследствие наплыва переселенцев и теперь уже в некоторых округах чувствуется недостаток в земле.

При уборке хлебов крестьяне охотно пользуются усовершенствованными веялками и молотилками. Особенно большое распространение получила веялка, в силу своей дешевизны (15 руб.). Орудия эти делаются на месте особыми мастерами, чугунные части выписываются из Томска» [л. 16, 17].

«Овощи в Томской губернии сеются крестьянами для собственного своего употребления, исключения составляют подгородные селения, где овощи выращивают еще и для продажи. Преобладающие овощи: капуста (белая и цветная), морковь, редька, свекла, горох. Выращивают также мак. Коноплю засевают на десятину от 4 до 12 пудов, льну 5–6 пудов. В Томском округе с десятины получают конопляного волокна 10–30 пудов и семени 40–50 пу-

дов, льняного волокна 20 пудов, семени 40 пудов» [л. 19].

«Пахотная земля в губернии в большинстве волостей не делится, а находится в общинном владении, пользуются ей без всякого распределения, нераздельно, кто сколько может. Лес тоже не делится, а пользуются им по мере надобности. Сенокосная земля в Томском округе делится на годных работников (15–60 лет) сроком на 3 года и более. Иногда пользуются покосами без всякого распределения. В Кузнецком округе кое-где сенокосы делят сроком на 2–6 лет» [л. 20].

«Отхожие промыслы зависят от урожайности. В 1890 урожайном году отхожие промыслы сократились. Самое видное место среди этих промыслов занимает извозный, второе – рыболовство, затем – золотые прииски, кедровый (в Томском округе) и наконец, звероловство.

Скотоводство в губернии усиливаясь год от году составляет значительную отрасль хозяйства в экономическом быту населения. Преобладает в крестьянских хозяйствах крупный и мелкий рогатый скот, а также разведение лошадей» [л. 22, 23].

Источник

Всеподданнейший Отчет о состоянии Томской губернии за 1890 год // Российский государственный исторический архив. Ф. 1284, оп. 223, д. 188.

УДК 930.253

«ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О СЕЛЕ ПАЧА» В АРХИВЕ РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Л. А. Скрыбина

Музей-заповедник «Томская Писаница»

«Этнографические сведения о селе Пача» были составлены священником В. Моломиным 2 января 1849 г. в качестве ответов на вопросы, разосланные Русским географическим обществом в рамках реализации одной из первых публичных исследовательских программ. Данный документ в настоящее время хранится в Научном архиве Русского географического общества в Санкт-Петербурге [НА РГО, разряд 62, оп. 1, д. 24] и содержит сведения по русскому населению Притомья середины XIX в.

Ключевые слова: Русское географическое общество, этнографическая программа, село Пача, священник В. Моломин

“ETHNOGRAPHIC INFORMATION ABOUT THE VILLAGE OF PACHA” IN THE ARCHIVE OF THE RUSSIAN GEOGRAPHICAL SOCIETY

L. A. Skryabina

Museum-Reserve “Tomskaya Pisanitsa”

“Ethnographic information about the village of Pacha” was compiled by the priest of V. Malomin on January 2, 1849 in response to the questionnaire of the Russian Geographical Society. This set of questions was composed by the Society and sent throughout Russia as part of one of the first public research Programmes. This document is currently stored in the scientific archive of the Russian Geographical Society in St. Petersburg [NA RGO, Series 62, Inv. 1, Case. 24] and contains information on the Russian population of the middle of the 19th century.

Keywords: Russian Geographical Society, ethnographic programme, Pacha village, priest V. Molomin

С первых дней существования Русского географического общества, созданного в 1845 г., этнографические исследования, наряду с географическими и статистическими, являлись основополагающими в деятельности этой организации.

В 1847 г. была издана первая печатная программа для составления местных этнографических описаний, в «которую все желающие трудиться в пользу Этнографии приглашались доставлять местные описания по известному плану» [Зеленин, 1914, с. IV].

В соответствии с данной программой предлагалось описывать: 1) наружность жителей; 2) особенности их наречия; 3) домашний быт (жилища, домашняя утварь, одежда, пища, обычаи и обряды, сопровождающие разные эпохи и случаи жизни,

народную медицину, любимые занятия, народные увеселения, как-то песни, пляски, музыку, расчёт денежных средств жителей); 4) юридические обычаи; 5) умственные и нравственные способности и образование; 6) местные народные предания и памятники.

Известно, что во все губернии было разослано более семи тысяч экземпляров программы, распространяемых на местах через различные ведомства. По словам Д. К. Зеленина, «рассылка этих программ имела самые утешительные последствия и даже превзошла ожидания» [Там же]. На призыв РГО откликнулось большое количество энтузиастов, любителей истории и этнографии самых разных профессий, социальных групп и возрастов. Среди первых информаторов РГО был и священник

из села Пача Томской губернии В. Моломин. Его рукопись «Этнографические сведения о селе Пача», датированная 2 января 1849 г., в настоящее время хранится в Научном архиве Русского географического общества в Санкт-Петербурге [НА РГО, разряд 62, оп. 1 д. 24].

Несмотря на свою краткость, рукопись, несомненно, представляет научный интерес как источник сведений по этнографии русского населения Притомья середины XIX в., а также как образец ответов на вопросы первой публичной исследовательской программы РГО.

Приложение

Этнографические сведения о селе Пача

[Научный архив Русского Географического общества (НА РГО), разряд 62, оп. 1, д. 24]

1. Крестьяне заводского ведомства, старожилы, люди среднего роста, телосложением крепкие, не слишком трудолюбивы.

2. Разговор имеет несколько сходства с грамматикой, кроме некоторых неправильных наречий: вместо коней – конёв; запрягать – запрягаться; жить – житься.

3. Строения домов имеют очень скудные наружности, равно убранство и утварь.

4. Летнее платье носят крестьянское обыкновенное, состоящее из зипуна и армяка. Зимнее – баранья шуба, а иногда

доха. Женщины в простые дни одеваются в простое – холщёвые сарафаны, в праздничные и воскресные дни иногда одеваются в шелковые и ситцевые платки и сарафаны.

5. Пища в простые дни самая бедная, в воскресные и праздничные дни готовят по состоянию, иногда порядочную, особенно кто занимается скотоводством. В Посты готовят из овощей огородных и полевых, картофеля, капусты, моркови, гороха, репы и пр.

Составил 1849 г. 2 января священник В. Моломин.

Источник

Этнографические сведения о селе Пача // Научный архив Русского географического общества. Разряд 62, оп. 1, д. 24.

Литература

Зеленин Д. К. Описание рукописей ученого архива Императорского Русского Географического общества. Петроград: типография А.В. Орлова, 1914. Вып. 1. 483 с.

УДК 904:902.3:069.01

МУЗЕЕФИКАЦИЯ АРХИТЕКТУРНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ**Д. В. Кепин¹, Е. Н. Титова²**¹Национальный научно-природоведческий музей Национальной академии наук Украины;²Центр памятниковедения Национальной академии наук Украины и Украинского общества охраны памятников истории и культуры

В статье рассмотрены общие положения теории сохранения и экспонирования архитектурно-археологических комплексов и объектов, а также основные подходы к музеефикации археологических памятников. Авторами выделено шесть типов экспозиций. На примере культурно-археологического комплекса «Пересопница» (Ровенская обл.), включающего памятники первобытной эпохи, ранних славян, Киевской Руси, а также XV–XVIII вв., предложен проект создания природно-археологического музея-заповедника (экомузея).

Ключевые слова: сохранение, экспонирование, Пересопница, музей-заповедник, музеефикация, «археопарк», «археодром»

THE MUSEUMIFICATION OF ARCHITECTURAL AND ARCHAEOLOGICAL SITES**D. V. Kepin¹, E. N. Titova²**¹National Museum of Natural History at the National Academy of Sciences of Ukraine;²Centre of Monumentology at the National Academy of Sciences of Ukraine and Ukrainian Society for the Preservation of Historical and Cultural Monuments

The article deals with general provisions for preserving and exhibiting architectural and archaeological complexes and objects. The museumification is regarded as a technological process. The authors identify six types of expositions. Based on the example of the cultural and archaeological complex «Peresopnytsya» (Rovno region), a project for natural-archaeological museum-reserve (ecomuseum) is suggested. The village of Peresopnytsya is known for its sites of Prehistoric and Early Slavic Ages, Kievan Rus, and the period of the 15th–18th centuries.

Keywords: preservation, exposition, Peresopnytsya, museum-reserve, museumification, archeopark, archeodrom

С середины XX в. в разных странах получают своё дальнейшее развитие научные концепции, а также реализуются новые проекты по сохранению и экспонированию архитектурно-археологических памятников в естественном ландшафте [Станчева, 1982; Pleinerova, 1998; Недков, 2000; Медведь, 2004, с. 35–69; Каулен, 2012, с. 46–69; Grekov, 2012; Paardekooper, 2012; Pawleta, 2012; Кулемзин, 2013, с. 226–284; Глушкова, Кимеев, 2015; Ефремова, 2016; Gogová, 2016; Ondrejková, 2016]. В последние десятилетия в Украине также проводятся работы, направленные на стабилизацию материальной структуры раскрытых комплексов и отдельных объектов в существующих музеях-заповедниках.

Подготовлен целый ряд научных концепций по созданию новых музеев-заповедников с включением в их структуру памятников архитектурной археологии. Исследователями предложены соответствующие художественные и технические решения организации музейного пространства в условиях музея под открытым небом [Титова, 2004; Вітченко, 2009а; Вітченко, 2009б; Олексієнко, Северин, 2009; Сафонова, 2012; 2017].

Цель статьи – рассмотреть общие подходы к музеефикации археологических памятников и на конкретном примере развивающегося нового «археопарка»-«археодрома» в с. Пересопница (Ровенская обл.) показать возможности создания комплексов

ного природно-археологического музея-заповедника (экомузея).

Проведение музеефикации как технологического процесса зависит от вида, типа и состояния сохранности раскрытого комплекса или отдельного объекта. Музеефикация памятников археологии должна состоять из следующих этапов: археологических, археолого-архитектурных (при необходимости) и геолого-гидрологических исследований, консервации, в исключительных случаях реставрации и реконструкции открытых сооружений, инженерного благоустройства территории и создания экспозиции на основе недвижимых и движимых памятников. При музеефикации необходимо учитывать структурные элементы культурного слоя – скопления, остатки жилищ, остатки хозяйственных построек, производственных комплексов и т.д. Нужно различать музеефикацию археологических памятников, расположенных под открытым небом (например, «открытые поселения»), от экспонирования их в пещерах, гротах, под скальными навесами (так называемые закрытые (полузакрытые) объекты). При этом необходимо сохранить не только внешний вид памятника (в большей степени это относится к архитектурно-археологическим объектам), но и их материальную структуру. Консервация памятников должна обеспечить сохранение их в том виде, в каком они дошли до нашего времени или были раскопаны и исследованы археологами, палеонтологами, геологами, палеогеографами, архитекторами. Участие палеонтологов, геологов и палеогеографов особенно важно при изучении памятников палеолитического времени. Критериями экспонирования должны быть: историко-культурная значимость; степень сохранности; характер материала; масштабы археологических раскопок и степень изученности памятника; доступность для посетителей; максимально возможный учёт всех культурных слоёв памятника; возможность долговременной консервации; существование различных интерпретаций археологических источников (может быть несколько гипотез относительно рекон-

струкции древнего поселения, а на месте раскопок воссоздаётся только одна из них). При музеефикации необходимо также участие реставратора.

Программы по сохранению с дальнейшим экспонированием таких памятников *in situ* должны включать инженерно-геологическую оценку (паспорт) территории, на которой расположен тот или иной объект, и такую же оценку состояния материальной структуры раскрытого памятника, методов консервации, инженерно-технических мероприятий по охране: установление ворот, защитных решёток, оборудование лестниц (большой частью относится к пещерам, гротам, скальным навесам), сооружение павильонов, навесов и т.д.

Применение на памятниках разных методов консервации зависит от вида объекта, его сохранности и от избранного типа экспозиции. Можно выделить несколько типов экспозиций.

1. Открытая экспозиция. Предусматривает экспонирование остатков комплекса или объекта *in situ* (музеефицированный культурный слой по всей площади распространения находок). Памятник должен выступать как целостный объект музейного показа под открытым небом (в особенности это относится к архитектурно-археологическим памятникам эпох неолита, энеолита, бронзы, раннего железного века, раннего и позднего средневековья).

2. Фрагментарная открытая экспозиция. Предусматривает создание экспозиции *in situ* на отдельных участках раскопов под открытым небом (культурный слой лишь частично музеефицируется). Памятник таким образом выступает в виде фрагментов объекта музейного показа.

3. Полуоткрытая (комбинированная) экспозиция. Предусматривает создание экспозиции как *in situ* под открытым небом, так и под навесами и в павильонах.

4. Павильонный способ экспонирования музеефицированных памятников (большой частью это относится к «открытым поселениям» эпох палеолита и мезолита).

5. Закрытая экспозиция. Предусматривает экспонирование культурного слоя в павильонном режиме как под открытым

небом, так и под землей (для архитектурно-археологических памятников раннего и позднего средневековья).

6. Заповедная территория в границах распространения культурного слоя при невозможности консервации всего культурного слоя или его отдельных участков на памятнике большого научного значения.

Одним из интересных реализованных проектов является культурно-археологический центр «Пересопница», открытый в 2011 г. в с. Пересопница в Ровенском районе Ровенской области (рис. 1). До 2012 г. входил в состав Ровенского областного краеведческого музея на правах отдела. С 2012 г. имеет статус Коммунального учреждения Ровенского областного совета. Авторы научной концепции – академик НАН Украины П. П. Толочко (Институт археологии НАН Украины) и археолог Б. А. Прищепа (Ровенский государственный гуманитарный университет). Тематико-экспозиционный план и научно-просветительские программы разработаны Н. В. Федорышиным. Совместно с Б. А. Прищепой им же подготовлена концепция «археодрома» – музея-скансена «Княжеский город XII–XIII вв.» с натурными макетами-

реконструкциями. Комплекс включает частично реконструированное Пересопницкое городище XII–XIII вв., макет-реконструкцию в натуральную величину усадьбы жителя Пересопницы XII в. (условно имеет название «Усадьба княжеского дружинника»), макет-реконструкцию «Крепость XII в.», «Древнерусский тир», воссозданную гончарную печь XII в. (автор А. Оленич), каменный крест в урочище Пастивник над погребениями XII–XIII вв., здание, где размещаются археологический музей и музей Пересопницкого Евангелия (автор проекта архитектор В. Ковальчук), деревянную Николаевскую церковь и колокольню XVIII в. (по данным Н. В. Федорышина) или XIX в. (согласно Е. В. Жуковой) (рис. 2–8). В 1989 г. в селе установлен памятный знак (автор К. Литвин) «Пересопницкому Евангелию» (1556–1561 гг.), написанному на староукраинском языке. На территории «археодрома» проводятся научные конференции и семинары, театрализованные фестивали. Планируется создание постоянно действующей археологической экспедиции, в которой могут принимать участие и посетители музея [Пересопницке

Рис. 1. Общий вид здания культурно-археологического комплекса «Пересопница», фото 2017 г.

Євангеліє..., 2011; Прищепа, Войтюк, 2012; Федоришин, 2012; 2013; 2016; Жукова, 2013].

Археологическими методами памятники изучаются с 1898 г. (исследования Е. Мельник-Антонович). Значительный вклад в изучение объектов, открытых в Пересопнице во второй половине XX в.,

внесли В. Шоломьянец-Терский, С. В. Терский [Терський, 2003]. В настоящее время исследования продолжаются под руководством Б. А. Прищепы [Прищепа, 2016]. В Пересопнице известны артефакты позднего палеолита (околицы восточной части), а также объекты культуры линейно-ленточной керамики (V тыс. до н.э.) эпо-

Рис. 2. Печь XII в., фото 2017 г.

Рис. 3. Макет-реконструкция усадьбы XII в., фото 2017 г.

Рис. 4. Макет-реконструкция усадьбы XII в., фото 2017 г.

Рис. 5. Макет-реконструкция усадьбы XII в., фото 2017 г.

Рис. 6. Макет-реконструкция фрагмента укрепления городища XII в., фото 2017 г.

Рис. 7. Церковь Св. Николая и колокольня XVIII в., фото 2017 г.

Рис. 8. Каменный крест в ур. Пастивнык, фото 2017 г.

хи неолита в урочище Замостя. Хорошо сохранились объекты VIII–X вв. и XII – первой половины XIII в.

«Археопарк»-«археодром» расположен в живописной местности на р. Стубла в окружении прекрасных пейзажей. В малочисленном населённом пункте отсутствует промышленное производство, а также какие-либо мастерские и другие небольшие предприятия. Это один из немногих пунктов на Ровенщине, который в экологическом плане является перспективным для отдыха и туризма, а также оздоровления экскурсантов. Все это даёт возможность ставить вопрос о создании на базе культурно-археологического комплекса природно-археологического музея-заповедника (экомузея), который может состоять из таких комплексов: собственно здания экомузея с монографической экспозицией, раскрывающей особенности местной природы и природоохранную деятельность; этнологического музея с экспозицией, знакомящей с традициями,

ремёслами и промыслами населения Ровенского Полесья; «археопарка» с экспозицией *in situ*, предусматривающей музеефикацию раскрытых комплексов эпохи ранних славян Киевской Руси; «археодрома» с секцией «Архитектура каменного века», центральным экспонатом которого может стать натурная реконструкция хозяйственно-бытового комплекса с жилищем культуры линейно-ленточной керамики эпохи неолита. В виду того, что археологические раскопки продолжают-ся, и в результате полевых исследований накапливается всё больше и больше артефактов, целесообразным будет строительство отдельного здания археологического музея с оборудованным фондохранилищем и лабораторией по изучению и консервации найденных артефактов. Необходимо разработка инфраструктуры: кемпинги, постройка отеля, а также организация регулярного экскурсионного автобусного маршрута между г. Ровно и с. Пересопница.

Таким образом, наилучшим способом экспонирования *in situ* архитектурно-археологических памятников является организация музея под открытым небом. Для сохранения открытых строительных остатков необходимо разрабатывать конструкции павильонов разного типа. Тре-

буется также систематически осуществлять геоэкологический мониторинг состояния сохранности открытых объектов.

Дальнейшее развитие культурно-археологического комплекса в с. Пересопница даст возможность оживить экоэтноархеологический туризм в регионе.

Литература

- Вітченко Д. М. Сучасні методи показу нерухомих пам'яток археології в аспекті охорони та використання // Вісник Харківської державної академії дизайну і мистецтв. 2009а. № 13. С. 14–22.
- Вітченко Д. М. Символічне означення нерухомих пам'яток археології як фактор їх збереження (на прикладі городищ) // Вісник Харківської державної академії дизайну і мистецтв. 2009б. № 14. С. 8–17.
- Глушкова П. В., Кимеев В. М. Музеи под открытым небом: учебное пособие для студентов, обучающихся по направлению подготовки 51.030.4 (072300.62) «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия», профиль «Культурный туризм и экскурсионная деятельность». Кемерово: Кемеровский государственный институт культуры, 2015. 152 с.
- Ефремова Е. В. Проблемы музеефикации объектов археологического наследия в России в отечественных исследованиях 1961–2012. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2016. 23 с.
- Жукова О. В. Створення археопарків як елементу музейного ландшафту в Україні (на прикладі культурно-археологічного центру «Пересопниця» // Сіверщина в історії України: збірка наукових праць. Київ – Глухів: Центр пам'яткознавства НАН України та УТОПІК; Національний заповідник «Глухів», 2013. Вип. 6. С. 17–21.
- Каулен М. Е. Музеефикация историко-культурного наследия России. М.: Этерна, 2012. 432 с.
- Кулемзин А. М. Охрана памятников в России (теория, история, методика): учебник для высших учебных заведений. Кемерово: КемГУ, 2013. 287 с.
- Медведь А. Н. Музеефикация памятников археологии в России (прошлое и настоящее). М.: Изд-во «Гном и Д», 2004. 80 с.
- Недков С. Музеи на открыто. София: Лик, 2000. 272 с.
- Олексієнко А. М., Северин В. Д. Музей під відкритим небом. Концепція системи експозицій історико-археологічного заповідника «Верхній Салтів» (на прикладі комплексного курсового проекту спеціалізації «Інтер'єр і обладнання» ХДАДМ) // Вісник Харківської державної академії дизайну і мистецтв. 2009. № 8. С. 86–98.
- Пересопницьке Євангеліє 1556–1561. Дослідження. Транслітерованний текст. Словопоказчик. Видання друге, доповнене. Київ: НАН України, Національна бібліотека України імені В. І. Вернадського, Інститут української мови, Український мовно-інформаційний фонд, 2011. 752 с.
- Прищепя Б. А., Войтюк О. П. Відтворення давньоруської печі в с. Пересопниця Рівненської обл. // Археологічні дослідження в Україні 2011. Київ: Волинські старожитності, 2012. С. 409–410.
- Прищепя Б. А. Погоринські міста в X–XIII ст. Рівне: ППДятлик М., 2016. 297 с.
- Сафонова Т. Р. Дизайн-засоби інформаційного насичення у створенні експозиції // Вісник Харківської державної академії дизайну і мистецтва. 2012. № 6. С. 44–47.
- Сафонова Т. Р. Дизайн рішення проектування експозиції в центральній частині міста Львова // Paradigm of knowledge. 2017. № 2 (22). С. 1–26.
- Станчева М. Археологические памятники в современных городах Болгарии. София: София-прес, 1982. 60 с.
- Терський С. Пересопниця: Краєзнавчий нарис. Рівне: «Азалія», 2003. 160 с.
- Титова О. М. Збереження нерухомих пам'яток археології в заповідниках та музеях // Праці Центру пам'яткознавства. Київ: Центр пам'яткознавства НАН України та Українського товариства охорони пам'яток історії та культури. 2004. Вип. 6. С. 106–110.

Федоришин М. Пересопницький музейний комплекс як приклад збереження історичного середовища // Актуальні питання культурології. Альманах наукового товариства «Афіна» кафедри культурології та музеєзнавства. Рівне, 2012. Вип. 12. С. 23–24.

Федоришин М. Пересопниця літописна XII–XIV ст. Дрогобич: Коло, 2013. 28 с.

Федоришин М. Історія монастиря у Пересопниці. Дрогобич: Коло, 2016. 32 с.

Gogová S. In fondo and in situ Archaeology presentation in Slovakia // European Journal of Science and Theology. April 2016. Vol. 12. № 2. P. 245–252.

Grekov N. I. On Organization of Exhibition Areas for Archaeological – and – Architectural Monuments in a Historic City (based on Moscow historic city research) // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2012. № 5. P. 630–637.

Ondrejková Z. História a súčasnosť pamiatkových obnov hradov na území Slovenska // Muzeológia a kultúrne dedičstvo. 2016. № 4. Is. 1. S. 31–40.

Paardekooper R. The Value of an Archaeological Open-Air Museum is in its Use. Understanding Archaeological Open-Air Museums and their visitors. Leiden: Sidestou Press, 2012. 342 p.

Pawleta M. Rekonstrukcje i inscenizacje przeszłości w perspektywie turystyki archeologicznej w Polsce // Skanseny archeologiczne i archeologia eksperymentalna szansą na rozwój turystyki. Krosno, 2012. S. 364–387.

Pleinerova I. Rekonstrukce archeologických objektů (RAO) – občanské sdružení pro popularizaci archeologie // Archeologické rozhledy. 1998. Ročník L Číslo 2. S. 494–496, 511–518.

Сведения об авторах

Веретенников Алексей Васильевич, аспирант лаборатории археологии, Институт экологии человека, Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН; лаборант научно-инновационного управления, Кемеровский государственный университет; Кемерово, Российская Федерация. E-mail: veretennikov862@mail.com

Герман Павел Викторович, канд. ист. наук, старший научный сотрудник лаборатории археологии, Институт экологии человека, Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН; Кемерово, Российская Федерация. E-mail: lithos@mail.ru

Донгак Айкиз Алексеевна, младший научный сотрудник отдела археологии, Национальный музей им. «Алдан-Маадыр» Республики Тыва; Кызыл, Российская Федерация. E-mail: Dongak.aykiz@mail.ru.

Заика Александр Леонидович, канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории, директор Музея археологии, Красноярский государственный педагогический университет; Красноярск, Российская Федерация. E-mail: zaika_al@mail.ru

Зоткина Лидия Викторовна, канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры археологии и этнографии, Новосибирский государственный университет; научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: lidiazotkina@gmail.com

Кепин Дмитрий Владимирович, канд. ист. наук, младший научный сотрудник Отдела музеологии и научно-технической информации, Национальный научно-природоведческий музей НАН Украины; Киев, Украина. E-mail: dKepin@gmail.com

Конончук Константин Владимирович, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник, Институт истории материальной культуры РАН; Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: konstantinkonon@mail.ru

Марочкин Алексей Геннадьевич, канд. ист. наук, старший научный сотрудник лаборатории археологии, Институт экологии человека, Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН; научный сотрудник научно-инновационного управления, Кемеровский государственный университет; Кемерово, Российская Федерация. E-mail: comcon@yandex.ru

Миклашевич Елена Александровна, старший научный сотрудник, Музей-заповедник «Томская Писаница»; инженер научно-инновационного управления, Кемеровский государственный университет; Кемерово, Российская Федерация. E-mail: elena-miklashevich@yandex.ru

Минина Ксения Павловна, научный сотрудник, Центр по охране и использованию памятников истории и культуры; Томск, Российская Федерация. E-mail: mkp@mem.tomsk.gov.ru

Монгуш Кежик Май-оолович, магистрант, Кемеровский государственный университет; хранитель фонда «Археология» отдела фондов и учета, Национальный музей им. «Алдан-Маадыр» Республики Тыва; Кызыл, Российская Федерация. E-mail: kezhik.mongush.1994@yandex.ru

Мунхбаяр Чулуунбат Боролдой, канд. ист. наук, заведующий кафедрой истории и обществоведения, Институт социально-гуманитарных наук, Ховдский государственный университет; Ховд, Монголия. E-mail: munkh_boroldoi@yahoo.com

Мухарева Анна Николаевна, канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Музей-заповедник «Томская Писаница»; доцент кафедры археологии, Кемеровский государственный университет; Кемерово, Российская Федерация. E-mail: mukhareva@mail.ru

Онищенко Сергей Степанович, канд. биол. наук, доцент кафедры биоразнообразия и биоресурсов, Кемеровский государственный университет; Кемерово, Российская Федерация. E-mail: onis65@mail.ru

Плац Иван Андреевич, аспирант, младший научный сотрудник лаборатории археологии, Институт экологии человека, Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН; Кемерово, Российская Федерация. E-mail: ivanplac@yandex.ru

Рогожинский Алексей Евгеньевич, канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник, Научно-реставрационная лаборатория ТОО «Остров Крым»; Алматы, Казахстан. E-mail: alexeyro@hotmail.com

Русакова Ирина Дмитриевна, канд. ист. наук, научный консультант, Музей-заповедник «Томская Писаница», научный сотрудник лаборатории археологии, Институт экологии человека, Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН; Кемерово, Российская Федерация. E-mail: mirnes@mail.ru

Савельева Анна Сергеевна, канд. ист. наук, научный сотрудник лаборатории археологии, Институт экологии человека, Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН; Кемерово, Российская Федерация. E-mail: antverpen@mail.ru;

Сизёв Александр Сергеевич, научный сотрудник, Музей-заповедник «Томская Писаница»; Кемерово, Российская Федерация. E-mail: asizyov@list.ru

Скрябина Людмила Анатольевна, научный сотрудник, Музей-заповедник «Томская Писаница»; Москва, Российская Федерация. E-mail: smila@rambler.ru

Солодейников Алексей Константинович, заместитель Президента по науке, Санкт-Петербургская региональная общественная организация по развитию и укреплению культурных ценностей, Центр сохранения культурного наследия «Аркус»; Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: solodey@mail.ru

Сухбаатар Батзориг, научный сотрудник, Музей Ховдского аймака; магистрант кафедры истории и обществоведения, Институт социально-гуманитарных наук, Ховдский государственный университет; Ховд, Монголия. E-mail: sukhbaatar_mr@yahoo.com

Титова Елена Николаевна, канд. ист. наук, д-р философии по ист. наукам (PhD), Заслуженный работник культуры Украины; директор, Центр памятниковедения НАН Украины и Украинского общества охраны памятников истории и культуры; член Украинского национального комитета ICOMOS; Киев, Украина. E-mail: m-center@ukr.net

Тишин Владимир Владимирович, канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии РАН; Улан-Удэ, Российская Федерация. E-mail: tihij-511@mail.ru

Фальман Ангелина Вячеславовна, аспирант лаборатории археологии, Институт экологии человека, Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН; Кемерово, Российская Федерация. E-mail: falmanlina@mail.ru

Щербакова Алёна Викторовна, научный сотрудник отдела истории, Кемеровский областной краеведческий музей; Кемерово, Российская Федерация. E-mail: sherbackova.al@yandex.ru

Юракова Алёна Юрьевна, канд. ист. наук, младший научный сотрудник лаборатории археологии, Институт экологии человека, Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН; научный сотрудник научно-инновационного управления, Кемеровский государственный университет; Кемерово, Российская Федерация. E-mail: yurakova_al@mail.ru

Information about the authors

Dongak Aykiz Alekseevna, Junior Researcher at the Department of Archaeology, National Museum "Aldan-Maadyr" of Tuva Republic; Kyzyl, Russian Federation. E-mail: Dongak.aykiz@mail.ru.

Falman Angelina Vyacheslavovna, postgraduate and Junior Researcher, the Laboratory of Archaeology, Institute of Human Ecology, Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of Siberian Branch of the RAS; Kemerovo, Russian Federation. E-mail: falmanlina@mail.ru

German Pavel Viktorovich, Candidate of History, Senior Researcher, Laboratory of Archaeology, Institute of Human Ecology, Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of Siberian Branch of the RAS; Kemerovo, Russian Federation. E-mail: lithos@mail.ru

Kepin Dmytrij Vladimirovich, Candidate of History, PhD (Science in History), is a Junior Researcher in the Department of Museology and Scientific-technical information at the National Museum of Natural History at the National Academy of Sciences of Ukraine; Kyiv, Ukraine. E-mail: dKepin@gmail.com

Kononchuk Konstantin Vladimirovich, Candidate of History, Junior Researcher, Institute for the History of Material Culture RAS; Saint-Petersburg, Russian Federation. E-mail: konstantinkonon@mail.ru

Marochkin Alexey Gennadievich, Candidate of History, Senior Researcher at the Laboratory of Archaeology, Institute of Human Ecology, Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of Siberian Branch of the RAS; Researcher, Kemerovo State University; Kemerovo, Russian Federation. E-mail: comcon@yandex.ru

Miklashevich Elena Alexandrovna, Senior Researcher, Museum-Reserve "Tomskaya Pisanitsa"; Researcher, Kemerovo State University; Kemerovo, Russian Federation. E-mail: elena-miklashevich@yandex.ru

Minina Ksenia Pavlovna, Researcher, Center for Preservation and Use of Historical and Cultural Sites of Tomsk Region; Tomsk, Russian Federation. E-mail: mkp@mem.tomsk.gov.ru

Mongush Kezhik May-oolovich, Master's student, Kemerovo State University; Custodian of the Fund "Archaeology", Department of Funds and Accounting, National Museum "Aldan-Maadyr" of Tuva Republic; Kyzyl, Russian Federation. E-mail: kezhik.mongush.1994@yandex.ru

Munkhbayar Chuluunbat Boroldoj, Candidate of History, Head at the Department of History and Social Studies at the Institute of Social and Humanitarian Sciences, Khovd State University; Khovd, Mongolia. E-mail: munkh_boroldoi@yahoo.com

Mukhareva Anna Nikolaevna, Candidate of History, Senior Researcher, Museum-Reserve "Tomskaya Pisanitsa"; Assistant Professor at the Department of Archaeology, Kemerovo State University; Kemerovo, Russian Federation. E-mail: mukhareva@mail.ru

Onishchenko Sergey Stepanovich, Candidate of Biology, Assistant Professor at the Department of Biodiversity and Bioresources, Kemerovo State University; Kemerovo, Russian Federation. E-mail: onis65@mail.ru

Plats Ivan Andreevich, postgraduate and Junior Researcher, the Laboratory of Archaeology, Institute of Human Ecology, Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of Siberian Branch of the RAS; Kemerovo, Russian Federation. E-mail: ivanplac@yandex.ru

Rogozhinskiy Alexey Evgen'evich, Candidate of History, Leading Researcher, Scientific and Restoration Laboratory of "Ostrov Krym" LLP; Almaty, Kazakhstan. E-mail: alexeyro@hotmail.com

Rusakova Irina Dmitrievna, Candidate of History, Research Adviser of the Museum-Reserve "Tomskaya Pisanitsa"; Researcher, the Laboratory of Archaeology, Institute of Human Ecology, the Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of Siberian Branch of the RAS; Kemerovo, Russian Federation. E-mail: mirnes@mail.ru

Savelyeva Anna Sergeevna, Candidate of History, Researcher, the Laboratory of Archaeology, Institute of Human Ecology, Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of Siberian Branch of the RAS; Kemerovo, Russian Federation. E-mail: antverpen@mail.ru

Shcherbakova Alena Viktorovna, Researcher, Kemerovo Regional Museum of Local Lore; Kemerovo, Russian Federation. E-mail: sherbackova.al@yandex.ru

Sizyov Alexander Sergeevich, Researcher, Museum-Reserve "Tomskaya Pisanitsa"; Kemerovo, Russian Federation. E-mail: asizyov@list.ru

Skryabina Lyudmila Anatolievna, Candidate of History, Researcher, Museum-Reserve "Tomskaya Pisanitsa"; Moscow, Russian Federation. E-mail: smila@rambler.ru

Solodeynikov Alexey Konstantinovich, Vice President of Science, St. Petersburg Regional Public Organization for the Development and Strengthening of Cultural Values, Center for the Preservation of Cultural Heritage "Arcus"; Saint-Petersburg, Russian Federation. E-mail: solodey@mail.ru.

Sukhbaatar Batzorig, Researcher, the Museum of Khovd aimak; Master's student at the Department of History and Social Sciences at the Institute of Social and Humanitarian Sciences, Khovd State University; Khovd, Mongolia. E-mail: sukhbaatar_mr@yahoo.com

Tishin Vladimir Vladimirovich, Candidate of History, Senior Researcher, Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology SB RAS; Ulan-Ude, Russian Federation. E-mail: tihij-511@mail.ru

Titova Elena Nikolaevna, Candidate of History, PhD (History), Senior Researcher, Lecturer, Director, the Centre of Monumentology at the National Academy of Sciences of Ukraine and Ukrainian Society for Preservation of Historical and Cultural Monuments, Honoured Worker of Culture of Ukraine, Member of Ukrainian National Committee ICOMOS; Kyiv, Ukraine. E-mail: m-centre@ukr.net

Veretennikov Alexey Vasilievich, postgraduate and Junior Researcher, the Laboratory of Archaeology, Institute of Human Ecology, Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of Siberian Branch of the RAS; Research Assistant at Kemerovo State University; Kemerovo, Russian Federation. E-mail: veretennikov862@mail.com

Yurakova Alena Yurievna, Candidate of History, Junior Researcher, the Laboratory of Archaeology, Institute of Human Ecology, Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of Siberian Branch of the RAS; Researcher, Kemerovo State University; Kemerovo, Russian Federation. E-mail: yurakova_al@mail.ru

Zaika Alexander Leonidovich, Candidate of History, Assistant Professor at the Department of National History, Director, the Museum of Archaeology, Krasnoyarsk State Pedagogical University, Krasnoyarsk, Russian Federation. E-mail: zaika_al@mail.ru

Zotkina Lidiya Viktorovna, Candidate of History, Senior Lecturer, the Department of Archaeology and Ethnography, Novosibirsk State University; Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the RAS; Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: lidiazotkina@gmail.com

Научное издание

**Учёные записки
музея-заповедника «Томская Писаница»**

Выпуск 8

2018

*Для оформления настоящего издания использованы
фотографии петроглифов Томской писаницы и бронзовой фигурки лошади
из ритуального жертвенника на памятнике*

Подписано в печать 19.12.2018.
Формат 60×84¹/₈. Усл. печ. л. 14,9. Уч-изд. л. 12,5.
Тираж 150. Заказ № 123.

Отпечатано в издательстве КРИПКиПРО.
Адрес издательства и типографии:
650070, Российская Федерация, Кемеровская обл., г. Кемерово, ул. Заузелкова, д. 3
Тел. : (384-2) 31-15-86; факс: (384-2) 31-16-06
E-mail: ipk@kuz-edu.ru

